

Песков, И. С.

Т. XXXVI

Мелочи архивной
справки
и др.

2
5

99
2012

Л-507

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложениемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

2074
6333
✓
✓
✓
✓
✓
✓
✓

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

Профессиональный Союз
РГВ — СССР

Приложение къ журналу „Нива“ на 1903 г.

Забодский Комитет
№ 513

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

1903.

№ _____ 191 г.

Артистическое заведение А. Ф. ШАРСА, Измайл. пр., № 20.

МЕЛОЧИ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Картинки съ натуры).

ПРИЛОЖЕНІЯ: РУССКОЕ ТАЙНОБРАЧІЕ.

Тайнобрачіе въ Россіи, несомнѣнно, существуетъ и, притомъ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Едва ли въ какомъ-либо общественномъ кружкѣ неизвѣстно хотя одно супружество, сочетаніе котораго не вполне законно или, даже, совсѣмъ противозаконно. А между тѣмъ, всѣ эти браки кѣмъ-то повѣнчаны и гдѣ-то записаны и терятся «ради слабости человѣческой» и ради страха суровой строгости неподатливаго закона. Наше положеніе таково, что мы какъ бы не можемъ обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у насъ такъ и велика народная терпимость. Но, тѣмъ не менѣе, наше тайнобрачіе не представляетъ собою чего-нибудь совершенно безшабашнаго и безирравственнаго. Напротивъ, въ немъ замѣтно даже уваженіе русскаго человѣка къ границамъ свободы въ предѣлахъ нравственности и эстетики. Это всего удобнѣе можно наблюдать въ интересной практикѣ, которую выработало русское тайнобрачіе, до сихъ поръ удивительнымъ образомъ пренебрегаемое изслѣдователями нашего народнаго духа въ самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ его проявленіяхъ.

За «обиліемъ матеріаловъ», упорно скопляющихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованіямъ такого рода нѣтъ еще мѣста, и потому приходится касаться ихъ только слегка и издали и, притомъ, по какому попало случаю и въ какой попало формѣ.

Я расскажу, что мнѣ извѣстно объ этомъ интересномъ предметѣ, именно, по поводу свадьбы дяди Никса, которая, въ связи съ другимъ случаемъ тайнобрачія въ нашемъ литературномъ кружкѣ, дала мнѣ возможность ознакомиться съ удивительнымъ механизмомъ этого своеобразнаго тайностроительства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось быть въ одномъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ собралось много разнаго званія людей.

Это относилось уже къ послѣднему времени, которое нѣкто удачно называетъ временемъ «реставраціи унадка правовъ». Охота ко всякаго рода трактаментамъ и преніямъ тогда уже прошла, и такъ-называемые образованные люди не находили болѣе удовольствія въ обмѣнѣ мыслей. Мысли были изгнаны изъ обращенія, и всѣ, отъ приткаго поручика до аванажнаго тайнаго совѣтника, обратились къ универсальному русскому средству «убивать время», — *стлы за карты*. Литераторы и ученые не отставали отъ явныхъ поручиковъ и тайныхъ совѣтниковъ: и они садились за ломберные столы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и рѣзались съ тѣми самыми чиновниками, на которыхъ недавно еще изливали жгучій ядъ своихъ обличительныхъ сарказмовъ.

Объ эту пору литературный старовѣръ, не приручившій себя къ картамъ, уже составлялъ для хозяевъ извѣстное бремя. Онъ это чувствовалъ и, сознавая свою отсталость отъ современнаго общественнаго прогресса, прятался куда-нибудь «къ чудакамъ». Если же случай застигалъ его врасплохъ среди «новѣйшихъ» людей, онъ сибинилъ сокращаться и исчезать, не нарушая господствующаго строя занятій.

Въ такомъ положеніи очутился и я на томъ вечерѣ, съ котораго начинаю мое повѣствованіе.

Драгоценными свѣдѣніями въ области этихъ, не имѣющихъ письменной исторіи, событій, я обязанъ духовнику моего гостепріимнаго хозяина, столичному протоіерею, внушительную фигуру котораго описать дано не моему перу.

Онъ появился на иршествѣ какъ разъ въ то время, когда я собирался оттуда удалиться во-свои, и былъ виновникомъ, что мнѣ это не удалось, — о чемъ я, однако, не жалѣю. Такъ какъ всѣ столики уже были заняты и для пренодобнаго отца не находилось пристойной партіи, то хозяева

были въ затрудненіи: къ чему имъ пристроить своего почетнаго духовника, и рѣшили принести ему въ жертву мое неприкаянное недостоинство.

Съ этою цѣлью меня немилосердно придержали и представили протоіерею съ рекламирующею аттестаціею, какъ автора «дьякона Ахилки».

Но преподобный отецъ сначала былъ неутѣшенъ: подавъ мнѣ руку, онъ поправилъ у себя на груди важныя кавалеріи и обратился къ хозяевамъ съ словами горькаго упрека:

— Ахилку мы читали, и кто онаго авторъ — знаемъ, а чтобы своего духовнаго и вѣнчальнаго отца безъ пульки оставить, такъ это можно сдѣлать только совѣмъ забывши законъ.

Но однако потомъ дѣло обошлось и, притомъ, къ неописанному моему удовольствію, потому что я встрѣтилъ въ отцѣ протоіереѣ человека чрезвычайно пріятнаго: умнаго, добраго и большого практика.

Какъ только хозяева устроили его за однимъ столомъ «въ мотью», онъ пересталъ негодовать и, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ, позволилъ мнѣ заговорить съ нимъ объ одномъ, нѣкогда сильно меня интересовавшемъ, церковномъ дѣлѣ.

Поводомъ къ разившейся у насъ интересной бесѣдѣ послужило одно чрезвычайно казусное событіе, о которомъ въ свое время много говорили въ русской печати, но никогда не коснулись того, что въ этомъ было самаго возмутительнаго и самаго интереснаго и прямо било въ глаза.

Одинъ довольно извѣстный въ свое время литераторъ принималъ къ себѣ въ домъ тоже довольно извѣстнаго педагога. Они были друзья, но потомъ поссорились, и педагогъ поступилъ непедагогично: онъ сдѣлалъ на своего гостепріимнаго товарища доносъ съ цѣлью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совѣмъ ему не жена, и дѣти ихъ не могутъ считаться дѣтьми признающаго ихъ отца.

Ежедневныя газеты занимались этимъ дѣломъ съ одной общедоступной стороны, — именно, со стороны «скандала въ благородномъ семействѣ», и притомъ въ такомъ семействѣ, глава котораго принадлежалъ не къ фаворитному изъ тогдашнихъ направленій. Болѣе достойнаго вниманія въ этомъ

дѣлѣ печать ничего не усмотрѣла, но и позволю себѣ теперь, въ запоздалый слѣдъ, указать то, что тутъ составляло самый важный интересъ и было пропущено.

Супружество, о которомъ сдѣлалъ доносъ педагогъ, дѣйствительно было не изъ законныхъ, но оно, во всякомъ дѣлѣ, было супружество вѣнчанное или, какъ говорятъ иные, «въ церкви пѣтое». А между тѣмъ, когда, вслѣдствіе доноса, представилась надобность доказать вѣнчаніе, то объ этомъ нигдѣ не оказалось никакихъ записей и никакого слѣда.

Стояла на землѣ церковь, въ которой все сіе «пѣта бяху», жилъ и наслаждался полнымъ благоденствіемъ батюшка, который призывалъ на брачавшихся Божіе благословеніе, даже и дьячокъ игралъ на гитарѣ точно въ тотъ день, когда новобрачный записывалъ у него въ церковной квартирѣ свой «обыскъ», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячокъ этихъ супруговъ никогда не вѣнчали и, — что всего важнѣе, — въ обыскной книгѣ, дѣйствительно, *ничего не записано*.

Приняты были самыя энергическія и настойчивыя попытки разоблачить эту таинственнѣйшую продѣлку и доказать фактъ вѣнчанія, но все оказалось безуспѣшно. Между тѣмъ, бракъ, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ, — въ этомъ со всею искренностью ручались оба супруга и очень престарѣлая мать одного изъ нихъ, *лично свидѣвшая* во время совершенія брачнаго обряда въ церкви. Но куда же это исчезло изъ обыскныхъ книгъ церкви и гдѣ брачное свидѣтельство, которое должно быть у каждой обвѣнчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена въ этомъ случаѣ ссылалась на мужа, а мужъ на свою оплошность.

Все это было какъ-то темно и маловѣроятно.

Въ родствѣ у супруговъ оказался очень проницательный и ловкій адвокатъ московской заправки, котораго такъ и звали «московскій пекарь». Пекаря выписали и пустили въ ходъ, но онъ мѣсилъ, мѣсилъ въ этой дежѣ и ничего не вымѣсилъ... Концы были такъ похоронены, что ни одного изъ нихъ нельзя было отыскать.

Долго адвокатъ рылся въ архивахъ, много рыскалъ по

разнымъ мѣстамъ, отыскиваемъ свидѣтелей, которые подписывали поручительныя записи въ обыскной книгѣ, но ни одного изъ нихъ нигдѣ не отыскалъ. Обращались, помнится, къ содѣйствию особыхъ властей, но и тѣ ничего не помогли, что, впрочемъ, было и неудивительно, потому что ни мужъ, ни жена не знали свидѣтелей, подписавшихъ ихъ обыскную книгу. Супруги увѣряли только, что свидѣтели были и подписывались, но что они были поставлены самимъ батюшкою, который взялся за ихъ дѣло *аккордомъ*, т. е. что и свидѣтели, и пѣвцы,—все будетъ *отъ него*.

— Мы,—говорили супруги:—считали это за самое удобное, а оно вышло вотъ какъ... неудобно.

Добиться подтвержденія отъ батюшки—нечего было и думать: онъ разъ навсегда наотрѣзъ отрѣзалъ, что онъ «лично таковыхъ супруговъ не помнитъ», а потомъ особымъ властямъ довелъ, что онъ и не можетъ помнить всѣхъ, кого онъ вѣнчалъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самихъ этихъ людей,—если они не лгутъ,—ихъ вѣнчаніе происходило до сѣихъ лѣтъ назадъ, а въ десять лѣтъ воды утечетъ много.

— «Если я ихъ вѣнчалъ,—отвѣчалъ батюшка:—то бракъ ихъ долженъ быть записанъ въ обыскную книгу, и у нихъ должно быть свидѣтельство. Это порядокъ вѣсьмъ извѣстный, даже не исключая и такихъ безбожниковъ, какъ писатели. А если въ обыскныхъ книгахъ записей нѣтъ и свидѣтельства нѣтъ, такъ, значить, вѣнчалъ ихъ не погъ вокругъ анаоя, а заяць вокругъ ракитоваго куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идутъ справки брать. А я, говорить, если мнѣ съ этимъ докучать еще будутъ,—за шиворотъ ихъ да къ прокурору стану, за оклеветаніе».

Исно было, что батюшка крѣико кованъ и ничего не боится.

Но чтò выходило всего хуже, такъ это то, что ветхая старушка, мать одного изъ супруговъ, во всей этой сумятицѣ совсѣмъ сбилась съ толку и стала говорить самый безсвязный вздоръ. Московскій софистъ до того изпурилъ ее, заставляя подробно припоминать всѣ детали событія, что она совсѣмъ все позабыла.

Старушка увѣряла, будто хорошо помнить, что, ѣдучи въ церковь, она чуть не вынала изъ саней и такъ прозябла, что сидѣла въ церкви, не снимая пубы, тогда какъ, по показанію супруговъ, выходило, что бракъ ихъ происходилъ

въ іюні. Потомъ супруги говорили, что они перевѣнчались за нѣсколько дней до рожденія ихъ старшаго сына, который появился на свѣтъ 2-го іюля, а матушка ихъ помнила, что она тогда, будто, очень спѣшила къ внучку.

Словомъ, выходила путаница, которая только прибавляла досаду къ досадѣ.

Старушка, которую всѣмъ этимъ мучили, думала, думала: какъ ей согласить свою шубу и сани съ іюльской жарой и ея поспѣшность къ внуку прежде его рожденія, и, наконецъ, объявила, что ей забилло камороки.

— Теперь,—божилась она:—хоть къ присягѣ идти,—ничего не понимаю, что въ самомъ дѣлѣ было и что мнѣ только кажется. Можетъ-быть,—говорить,—я въ саняхъ-то точно ѣхала, а про свадьбу вашу мнѣ только такъ кажется. А можетъ-быть я никуда и не ѣздила. Гдѣ это помнить!

Твердыми въ своемъ оставались одни супруги, которыхъ всѣ, ихъ знающіе, считали за людей очень правдивыхъ и честныхъ. По ихъ показаніе въ своемъ собственномъ дѣлѣ не представляло никакого юридическаго доказательства, да, притомъ, и оно, въ виду всѣхъ другихъ несообразностей, начало казаться страннымъ. Даже московскій адвокатъ, по близкому родству съ супругами, первый готовъ былъ заподозрить основательность ихъ свидѣтельства, а его примѣру послѣдовали другіе. И пока газеты потѣшались насчетъ злополучныхъ супруговъ съ безтактною злобою, которой тѣ нимало не заслуживали, судьба супруговъ и ихъ дѣтей была рѣшена: дѣло было проиграно не только въ надлежащихъ инстанціяхъ, но и въ общественномъ мнѣніи людей, имѣющихъ несчастіе подчиняться давленію всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супруговъ послѣ всей этой передраги отъ нихъ не отшатнулись, а напротивъ, даже еще болѣе о нихъ соболѣзновали; но что касается недоказаннаго вѣнчанія, то ему уже положительно болѣе не вѣрили и даже ставили въ упрекъ: зачѣмъ они такъ упорно стоятъ на своей неискусной выдумкѣ?

Но могли ли такъ нагло и такъ упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я ихъ считалъ и имѣю всѣ основанія таковыми же считать ихъ и нынѣ.

Это меня не переставало занимать и дало мнѣ поводъ вызвать скучающаго отца протоіеря на разъясненіе: можетъ ли случиться, чтобы бракъ, обвѣнчанный въ церкви и записанный въ книги, исчезъ безслѣдно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка, дай Богъ ему здоровья, все это мнѣ и разъяснилъ и, притомъ, такъ обстоятельно, какъ можетъ разъяснить человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія и имѣющій умъ тонкій и пронизательный, а знаніе сердца человѣческаго самосовершеннѣйшее.

На мой вопросъ: возможно ли, чтобы безслѣдно исчезъ бракъ, «пѣтый въ церкви», мой собесѣдникъ отвѣчалъ:

— Нынче все возможно.

— Отчего же это только *нынче* стало возможно? Можетъ-быть, и прежде такъ бывало.

— Нѣтъ, прежде такихъ мошенниковъ не было, какъ нынѣшніе. Прежде были разбойники, грабители да воры,—люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компанія аккордомъ плутуетъ. Да вы это, впрочемъ, по какому случаю меня спрашиваете?

Я назвалъ случай, т. е. пересказалъ вкратцѣ исторію не-постижимаго вѣнчанія литератора Z., который никакъ не могъ доказать, что онъ былъ обвѣнчанъ.

— Слыхалъ,—проговорилъ отецъ протопопъ:—слыхалъ про эту исторію, хотя и не помню гдѣ.

— Не въ газетахъ ли читали?

— Вотъ именно дѣти въ газетахъ гдѣ-то читали, а мнѣ рассказывали.

— Не правда ли, удивительное и непонятное дѣло?

— Отчего же непонятное? И удивительнаго мало, а непонятнаго еще менѣе.

— Однако, что же вы подумали: какъ это могло сдѣлаться?

— Я подумалъ только: должно быть отецъ N. вѣнчалъ.

Это дѣйствительно было такъ, какъ отгадывалъ мой собесѣдникъ, и потому я позволилъ себѣ предложить ему особый вопросъ объ отцѣ N., вѣнчанія котораго отличаются такою характеристическою непрочностью.

— Почему вы узнали, что это вѣнчаніе трудовъ отца N.?

— Вотъ странный вопросъ: а почему вы узнаете работу одного мастера отъ работы другого?

— По красотѣ исполненія, по прочности, иногда по фасону. По вѣдь это совсѣмъ иное.

— То же самое. Отецъ Н. это тоже сихъ дѣлъ портной безъ узелка...

— Извините,—говорю,—я этого не понимаю.

— Чего же вы не понимаете? Что значить «портной безъ узелка»? Значить, что у него нитка въ швѣ не остается, а все насквозь проходить.

— И значить—шва совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣтъ, или есть—это уже какъ хотите, но только его шовъ не держится.

— Но какал же ему выгода такъ шить?

— Есть выгода.

— Но ояъ рискуеть, съ такою манерою шва, остаться со временемъ безъ работы?

— Очень можетъ быть, только это будетъ еще не скоро,—не ранѣе, какъ иже по просвѣщеніи.

— То-есть, когда это «по просвѣщеніи»?

— А когда въ обществѣ распространятся настоящія понятія о тайнѣ брачія и люди не будутъ вертѣть этого дѣла какъ попало и съ кѣмъ попало, лишь бы скорѣе да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тутъ дѣло въ цѣнѣ?

— А разумѣется; по платѣ и шитво: дешевая цѣна,—такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложеніе по запросу: теперь человекъ и любить какъ-нибудь, и вѣлчается какъ-нибудь; беретъ для этого попишку какого-нибудь, а тотъ его свяжетъ тоже какъ-нибудь. А тамъ, гляди, оно и развизалось.

— Вы, замѣчаю, батюшка, кажется расположены въ пользу старшвы.

— Нѣтъ-съ, не особенно,—а впрочемъ—какъ въ чемъ и насчетъ чего. Если насчетъ того, будто бы древле было все лучше и дешевле,—такъ я не старовѣръ. А что насчетъ любви и склонности, а также серьезности брачныхъ отношеній, такъ тутъ я дѣйствительно люблю старинныхъ людей. Они, конечно, кое-чего такого, чтѣ мы знаемъ, не знали, а ужъ что касается любить, то это они посерьезнѣе насъ умѣли.

— Такъ ли? говорю.

— Да ужь такъ-съ. Вы вѣдь,—я знаю,—сейчасъ готовы, небось, заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари?—Это чушь. Итъ, а вы въ глубь вѣковъ погрузитесь, отколѣ ключъ жизни идетъ: тамъ настоящую предель любви и найдете.

— Гдѣ же это?

— Въ Библии. Страстная книга: оттого ею многіе иноки соблазняются. У меня ее разъ инспекторъ изъ рукъ вырвалъ: «начитаешься, говоритъ, женишься захочешь». А онъ хлопоталъ, чтобы я въ монахи пошелъ. Вотъ тамъ любовь такъ любовь. Дочери-то человѣческія каково описаны: голенькія, безъ всякихъ нарядовъ, исполноровъ плѣняли.

— Это, говорю, все до-историческое.

— А въ историческомъ-то еще лучше: начнемъ хоть съ отца нашего Іакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина былъ по сердечной части! Вотъ настоящій месо-потамскій рыцарь влюбился въ Рахиль и шесть лѣтъ за нее, сердяга, прослужилъ ей отцу,—да вѣдь какъ отслужилъ: не въ прохладномъ магазинѣ за прилавкомъ, а на полѣ подъ палящимъ солнцемъ. И что же? Его надули, и надули самымъ подлымъ образомъ: ему дурнолицынькую Лию подложили, а онъ впопыхахъ не разобралъ. Вынить нельзя: разговоръ вѣрно не было, а впопыхахъ всѣ конки сбрыя. Но вѣдь онъ не унялся:—не потянулъ тестя въ судъ, а еще шесть лѣтъ себя забатрачилъ, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добылъ. Такъ вѣдь это-съ человѣкъ—во всемъ значеніи слова, значить *любилъ*. И женщиноу-то, какъ ей этакого чудеснаго мужчину не полюбить,—потому что хоть пастушокъ, да рыцарь, кавалеръ во весь ростъ и во всю силу. Ну, а вынче что же?.. Все прохвосты,—все приданаго ницуть, либо завертять дѣвчонку и уговорять, будто ей стыдно, если мужъ на нее работать станетъ. «Сама, говоритъ, матушка, рукъ не покладай-работай». Это женское равноправіе, видите, называется; хитрость все,—чтобы самому легче было. Снизойдетъ къ ней когда-нибудь вечеркомъ, какъ Юпитеръ на ложе, и то если дѣться некуда,—осчастливитъ ее, когда той, бѣднягѣ, уже съ усталости и не до утѣхъ любовныхъ вовсе, а потомъ, на утро, встряхнулъ, да и пошелъ опять свои рацеи разводять. А она опять работай, да еще глядишь,—съ шарманочкой. Вотъ ей

и равноправіе. А другой если увозить дѣвушку,—будто ее крадетъ, однимъ словомъ—«тайно вѣнчается», а самъ чортъ его не разберетъ, что такое онъ этимъ фортеле устраиваетъ; даже, право, не разберешь, для чего это они дѣлаютъ: по любви, или по глупости, или еще того хуже—по подлости, тайнобрачіе ломаютъ.

— Но по какой же подлости-то можетъ быть нужно ломать тайнобрачіе?

— По какой подлости?.. Эхъ, государь мой, еще какіе, когда бъ вы знали, нынче являются на этотъ фасонъ выжики и какія отхватываютъ колѣнца,—такъ иной разъ просто либо только съ диву дашься и расхохочешься, или прямо вонъ подлеца выгонишь.

— Скажите хоть одинъ примѣръ.

— А вотъ, на примѣръ: подлю или не подлю сбить съ толку дурочку, которую родные берегутъ и не даютъ обобрать? Ко мнѣ явился разъ съ такою просьбою опекунъ и въ большомъ чинѣ... ухъ, выжига.

— Вы ихъ обвѣнчали?

— Нѣтъ, я-то не обвѣнчалъ. Я ему сказалъ: «Вы вельможка большая, да я не плутъ большой», а отецъ N и ихъ обвѣнчалъ.

— Но, однако, какъ же онъ: неужели всѣхъ, кого попало, вѣнчаетъ?

— Рѣшительно кого попало, но это у него жадность, по привычкѣ отъ отца, потому что его покойникъ отчаянный мастеръ на эти дѣла былъ; только я ихъ не сравню: тотъ былъ благороденъ—дорого бралъ, но и зналъ, съ кѣмъ подѣлиться. А этотъ какъ гѣна: все ничкомъ, самъ съ собою,—одинъ только все новыя штуки подлѣя выдумываетъ.

— Значить, и тутъ, въ тайнобрачіи, замѣчается пониженіе тона и измельчаніе тона?..

— Да вѣдь какъ иначе. Все «идетъ со временемъ»,—какъ говоритъ блаженный Августинъ,—«все, освѣщаемое солнцемъ, раздѣляетъ его движимость, все изнемогаетъ подъ тяжестью вѣковъ». А ужъ нашего брата, пона, тяжести вѣковъ-то давили, давили, да еще и сейчасъ не даютъ ослабы... Въ старину, на примѣръ, тайнобрачіе часто по страху дѣлалось. Мнѣ мой дѣдъ рассказывалъ, какъ онъ въ царствованіе Екатерины одного помѣщика съ насильно увезенной

боярышней вѣнчалъ. Взяли дѣдушку обманомъ, изъ дому вызвали, да первое дѣло, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накинули и повели въ церковь. Дѣдушка думалъ:—разбойники,—грабить храмъ хотить, и ключи имъ выставляеть: «Верите, дескать, все, что хотите,—последнюю ризу съ Царицы небесной снимайте, только мою грѣшную душу пощадите». Но видить: помѣщикъ и его люди стоятъ въ церкви и пучки розогъ держать. «Вѣнчай, говорятъ, сію минуту, а то залоремъ или на колокольнѣ повѣсимъ».

Дѣдушка былъ уже очень старый старичокъ и до безпамятства перепугался, но одно только вспомнилъ — про архіерея.

— Смилуйтесь, говоритъ, нашъ архіерей безжалостный,— онъ узнаеть, тогда меня разстрижеть, и моя старуха-попадья безъ хлѣба околѣеть.

А помѣщикъ отвѣчаетъ:

— Не блекочи, старый баранъ, о пустякахъ: кому онъ архіерей, а кому все равно что ничего. Сейчасъ надѣвай ризу да пойдь покороче, за нами погоня скачетъ. Успѣешь обвѣнчать,—я тебѣ за это выгонъ цѣлины дамъ и до смерти вашей съ понадею мѣсячину давать буду, а не сдѣлаешь по-моему, сейчасъ повѣшу.

Дѣдушка поклонился и стать облачатся. только просилъ, чтобы съ него петли уже и не снимали, на тотъ конецъ, чтобы все-таки оправданіе было.

— Такъ онъ и вѣнчалъ ихъ въ петлѣ?

— Такъ и вѣнчалъ: впереди вокругъ палую гайдукъ идетъ и дѣда ведетъ на обрывкѣ, а онъ молодыхъ ведетъ за руки.

— Что же, говорю, сказать?.. Дѣдъ вашъ сдѣлалъ дѣло невеликодупное.

— Чѣмъ-съ?

— Способствовалъ насилію:—вы же сами говорите, что невѣста была взята насильно.

— Да разумѣется, только вѣдь это дѣло-то, государь мой, все подъ петлей шло. Ишь вы захотѣли еще при нашихъ порядкахъ геройства! Героевъ, сударь, вообще на свѣтъ родится немного, да много-то ихъ и не нужно, а особенно на Руси ихъ не требуется. У насъ вѣдь ихъ не жалуютъ. И знаете черезъ что?.. Хлопотно съ ними. Право. Вотъ, посмотри, напримѣръ, на насъ теперь откуда-нибудь честные люди,—могутъ сказать, зачѣмъ это здѣсь все въ карты

играють, а не занимаются чѣмъ-нибѣдь серьезнымъ; а займись-ка серьезною,—скажутъ: что это они засерьезничали: о чемъ закручинились? Или всѣ говорятъ: мало правды на свѣтѣ. И оно точно: ея мало. А начни-ка иному правдолюбцу всю правду-то сказывать, такъ онъ и слушать не станетъ, да еще «безпокойнымъ» прозоветь. Оттого и нѣтъ правды... А что до духовенства, то поиники наши, конечно, худы, но, повѣрьте, они по нашему времени такіе и надобны. И это не огъ крови, а отъ тьмы вѣка сего,—отъ духовъ злобы поднебесной. Были бы у насъ и не такіе поны, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вотъ изъ этой же самой семейной моей, такъ сказать, хроники, имѣю тому доказательство, что поиники съ огонькомъ у насъ бывали и есть, но только они намъ не годятся и ждуть ихъ конецъ часто бѣдственный.

Это касается родного брата моего отца и моего дяди, тоже сельскаго священника той же губерніи, откуда всѣ мы родомъ, а начало тому дѣлу восходитъ къ двѣнадцатому году.

Дядюшка, отецъ Алексѣй, былъ старше моего отца и поступилъ на мѣсто того самаго дѣда, который съ веревкою на шеѣ помѣщика-то вѣнчалъ. А былъ онъ человѣкъ, по тогдашнему времени, новаго поповскаго закала, что называлось «платоновскаго»,—разумѣется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левицину, которымъ тогда по семинаріямъ восторгалось не мало шылкихъ и благородныхъ юношей и пламенно старались ему подражать въ высотѣ мысли, въ стойкости нрава, въ достоинствѣ поведенія и въ благородствѣ чувствъ.

Вотъ такой былъ и дядя, отъ котораго произошелъ на свѣтѣ мой двоюродный братъ.

Священствовать дядя о. Алексѣй началъ незадолго передъ отечественною войною, а въ ту пору въ одно село, его прихода, отъ французовъ прибѣжало изъ Москвы нѣкое семейство чиновничье. Люди были бѣдные, безиристальные и безкровные,—мужъ да жена съ однимъ груднымъ сынишкой. Помѣщикъ, сынъ того же самаго насильника Катерининыхъ временъ, почему-то знавалъ немножко этихъ можайскихъ сиротъ и теперь, въ ихъ тяжелой бѣдѣ, принялъ, по не на радость, а на новое горе. У чиновника жена была

раскрасавица-красавица, изъ московскаго купческаго рода. Помѣщикъ чиновнику мѣсто гдѣ-то по карантинамъ досталъ, а жену у себя во флигеляхъ помѣстилъ, да и воспользовался ея одиночествомъ. Не знаю уже: сталося это волею, или неволею, или своею охотою, а говорили только, будто она сдѣлалась его добычею, хотя при этомъ всегда мужа любила.

Долго ея грѣхъ, разумѣется, не утаился, потому что у помѣщика прежде этого свой крѣпостной гаремъ былъ, и отставныя наложницы все скоро развѣдали и заняли. Особенно одна, какъ сейчасъ помню,—старухою ее мнѣ еще показывали,—она въ такое пришла неистовство, что, вѣроятно изъ мести, стала выкликать объ этомъ въ церкви за обѣднею. Какъ херувимскую пѣснь заповѣть на клиросѣ, она лапашъ почуветь и сейчасъ съ ногъ хлопъ на полъ въ растяжку и пойдетъ причитать обличенія. Всю эту публицистику она вела отъ лица помѣщеннаго, будто, въ нее бѣса... «Сижу, выкликаеть, у Афимьи въ утробѣ, подъ горячимъ сердцемъ,—тоской ее мучу ревнивою, а самъ все вижу. Вижу, какъ Самоха съ Давида примѣръ взялъ: Урю на войну усалъ, а къ его Вирсавѣ со грѣхомъ ходитъ. Я то все знаю, и тѣмъ Химкино сердце сушу». Кричитъ, кричитъ этакъ, а потомъ взвостъ: «Ахъ, куда дѣться, куда дѣваться». Жуткость даже этими криками на весь приходъ навела, тѣмъ болѣе, что за нею, по ея примѣру, и другія закликали, и все про ту же бѣдную барыньку, которая, можетъ-быть, и сама не рада была, что такого прелестника у подобныхъ соперницъ отбила.

Шла эта безцензурная гласность до тѣхъ поръ, пока узналъ про нее «самъ Самоха» и расправился съ обличительницами по силѣ своей божественной власти,—то-есть, одиѣхъ отечески перепоролъ, а самую главную зачинщицу замуровалъ въ какой-то чуланъ и держалъ тамъ чуть не цѣлыхъ десять лѣтъ. А въ это время, разумѣется, невольный грѣхъ барыньки все продолжался, или по крайности такъ о немъ все полагали.

Для же, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ зналъ, потому что и чиновникъ, и жена его, да и «самъ Самоха» у него исповѣдывались и, какъ люди вѣрующіе, сами ему все на духу сказывали. А чиновникъ-то даже и не на духу, а такъ, прямо, по пріязни, не разъ ему свое горе открывалъ и

искалъ у него духовнаго утѣшенія. Въ селахъ, вѣдь, попамъ сердечное горе и до сихъ поръ сказываютъ,—особенно если поникъ не жаденъ да простъ.

Дяди же былъ человѣчекъ добрый и, въ свою мѣру, благочестивый; его все любили. Онъ и чиновника этого въ его огорченіи добрымъ словомъ пользовалъ: когда бывало ему что-нибудь изъ Евстафія Плакиды привести, или изъ другой трогательной книжечки прочесть, а другой разъ, вечеромъ, съ нимъ домашнихъ наливочекъ попить, или въ мушку отъ скуки поиграеть, и такими разнообразными приемами добраго участія очень успѣлъ его успокоить и примирить съ его положеніемъ. Такъ жили они все лѣтъ пятнадцать, и всякій день, какъ нынѣ въ удивленіе пишутъ, «втроемъ по утрамъ чай пили». Мужъ считался управителемъ и помѣщался на особой половинѣ, а помѣщикъ вблизи къ его супругѣ, утромъ же опять къ чаю трое садятся. Ревности мужъ по привычкѣ уже никакой не чувствовалъ, но только сталъ, горькій, запивать жестоко запоемъ и тогда опять, взволновавшись, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и поучительное, поучительное въ томъ смыслѣ, что можетъ показать вамъ, какъ иногда священникъ-то бываетъ высокъ и совѣстливъ, да къ тому же, и свѣдущъ въ дѣлахъ, ускользящихъ всякаго контроля не только высшей духовной власти, но и самаго закона, который вотще все предузрѣть тщится.

У чиновницы съ тѣхъ поръ, какъ она стала по утрамъ втроемъ чай пить, народилось много дѣтей, и въ числѣ оныхъ была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помѣщикъ, лихо его лишь, глядѣлъ, глядѣлъ на нее, выбиралъ, выбиралъ ей жениховъ, да вдругъ, въ одинъ прекрасный день, самъ вздумалъ на ней жениться. Законные все претексты были къ тому, что ихъ можно было обвинять, а только дядя, отецъ Алексѣй, больше всехъ законовѣдовъ зналъ: онъ, какъ духовникъ, знаетъ грѣхи родительскіе. Да-съ; онъ знаетъ, что тутъ незаконнаго:—дѣвочка приходилась дочь жениху,—и какъ дѣло дошло до отца Алексѣя, онъ и уперся.

— Итъ, говоритъ, не только не могу васъ вѣнчать, но обличаю васъ. Бога убійтесь, сами вѣдь во грѣхѣ каились, и мать ея каилась: эта дѣвица ваша дочь есть.

Помѣщикъ разсвѣрѣпѣлъ и покатишь къ архіерею, а архіерей о ту пору былъ Г—яль. Умный былъ человекъ, но любилъ пожить, а жить было не на что, и потому онъ не всегда себѣ господиномъ выходилъ. Тутъ архіерей видитъ, что дѣло кормное, и сейчасъ вытребовалъ къ себѣ въ О. дядю, отца Алексѣя, и спрашиваетъ:

— Почему ты такого-то помѣщика на таком-то дѣвицѣ не вѣнчаешь? Какія къ тому препятствія?

А отецъ Алексѣй отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вотъ что мнѣ, какъ духовному отцу, извѣстно, и вотъ мои причины и основанія не вѣнчать.

Архіерей задумался, похрапѣлъ и говоритъ:

— Ишь ты, какъ ты очень много знаешь!—и отослать дядю домой, а однако и помѣщику, должно быть, разрѣшенія не дать, потому что тотъ въ сосѣдней епархіи вѣнчался.

— Что же, говорю, вашъ дядюшка, дѣйствительно, погавалъ своего рода геронизмъ.

— То-то, геронизмъ, зато оно ему худо и вышло. Геронизма-то, повторю, у насъ не жалуютъ. Такъ это, прочитавъ гдѣ-нибудь о героѣ, который дѣйствовалъ при царѣ Горохѣ, или хоть и нед.вно, да только не на нашей землѣ,— это мы любимъ; а если у себя на дворѣ что-нибудь хоть мало-мальски съ характеромъ заведется, такъ и согнемъ его сами въ три погибели. То было и съ дядею: вмѣсто того, чтобы его взять да перевести на другое мѣсто отъ разлютовавшагося помѣщика,—его взяли да нарочно тамъ и оставили. И что онъ только, бѣдный, вытерпѣлъ въ этомъ загонѣ: на дворѣ его помѣщичій не пускали, собаками исари не разъ травили, и, наконецъ, до того довели, что онъ съ ума сошелъ и точно, какъ та баба Химка, все бывало сидитъ, какъ подстрѣленный голубь, и стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Ужасное это было зрѣлище. Помню его: бывало, дни и ночи все сидитъ въ батрацкой избушкѣ на холодной печкѣ и все одно жалобно стонетъ:

— Куда дѣться, куда дѣваться?

Въ одну сторону метнется, голышомъ: «Куда дѣться?» и сейчасъ въ другую повернется: «Куда дѣваться?»! Насилу

6223. 2043

Рубинский
АБСДА
№ 513-
194
№

Господь его вспомнилъ: дочериниу свадьбу за дядька сира-
вляли послѣ Крещенія, да за суетами про него позабыли,—
онъ и замерзъ въ холодной избѣ на нетопленной печкѣ.
Утромъ послѣ свадьбы пришли къ нему, а онъ лежитъ
мертвый, скорчившись, и ручку крестомъ сложили: вѣрно въ
последнюю минуту въ себя пришелъ и Богу помолился о
себѣ и о своихъ мучителяхъ. Вотъ вамъ и примѣры нрав-
ственнаго, какъ вы говорите, героизма, и того, чѣмъ онъ
для насъ на Руси увѣличивается. Жестко, сударь, жестко на
Руси героизировать...

Разсказчикъ вздохнулъ и добавилъ:— Такъ вотъ съ дѣт-
ства-то видѣвъ это направленіе и эту практику, молодое-то,
поколѣніе наше и росло до того возраста, до котораго нынче
выросло, и выработало себѣ, что необходимѣе, именно: не
героизмъ, а практицизмъ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Да въ родѣ нѣкотораго, такъ сказать, самоуправленія,
или, пожалуй, если хотите, самоуправства, но только это,
во-первыхъ, вызвано необходимостію, а во-вторыхъ, и не
совсѣмъ безосновательно и не совсѣмъ безчинно. Даже къ
чести духовенства сказать,—оно во многихъ случаяхъ дѣй-
ствовало весьма человѣколюбиво, а главное—практику вы-
работало, которая хорошо рекомендуетъ духовныхъ и даетъ
полную возможность полагаться на ихъ умъ и нравственное
чувство.

— Но вотъ этого-то, говорю, я и не понимаю: въ чемъ
эта практика и ручательство?

— А въ томъ, что кого не слѣдуетъ вѣнчать, такъ
будьте увѣрены—у насъ не перевѣнчаютъ.

— Не ошибаетесь ли вы, батюшка?

— Пѣть-съ, я не ошибаюсь.

— Воздержусь отъ противорѣчія вамъ, а только въ
обществѣ объ этомъ думаютъ иначе.

— «Въ обществѣ!» Нашли на кого ссылаться! Что оно
знаетъ и чего не болтаетъ это такъ-называемое наше об-
щество!

— Ну какъ, говорю, такъ... о всемъ обществѣ...

— А то какъ еще говорить о людяхъ, которые судить
и рядить о томъ, о чемъ и понятія не имѣютъ? Или до-
казательствъ еще требуете, — такъ они у васъ налицо.
Разберите-ка, вѣнчанъ или не вѣнчанъ этотъ писатель З.,

съ котораго нашъ разговоръ пошелъ, — вотъ и не разберете. Да они даже и сами не разберутъ, потому что въ церковь не ходятъ, служенія никогда не видятъ и не знаютъ, что надъ ними дѣлаютъ: крестятъ ихъ, вѣчаютъ, или хоронятъ. Ей право, — одичали хуже дикихъ!

И мой собесѣдникъ весело разсмѣялся.

— Но позвольте, — возразилъ я, слегка уязвленный его насмѣшкою, которая мнѣ все-таки не открывала интересовавшихъ меня практическихъ пріемовъ тайнобрачія. — Надѣюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судить о духовенствѣ, то, напримѣръ, архіереи ваши имѣютъ же о васъ настоящія понятія.

— Ну, что же такое? къ чему это? вопросъ?

— Да такъ. Вы скажите: имѣютъ они или не имѣютъ?

— Можетъ-быть нѣкоторые и имѣютъ.

— «Нѣкоторые» только?

— Да, нѣкоторые.

— Да и то «можетъ-быть». По пусть такъ, — пусть будетъ по-вашему, а вотъ я знаю одинъ случай.

И я назвалъ дядю Пикса.

Но едва я произнесъ это имя, какъ мой собесѣдникъ снова покотился со смѣху.

— Право, говорю, не могу понять, почему все это васъ такъ смѣшитъ.

— Да какъ же не смѣшнѣе-съ! Такъ вотъ это вы этакого-то мѣщанскую свадьбу считаете отчаянною смѣлостію? Ну, поздравляю васъ съ знаніемъ русской жизни. Вотъ оттого-то у васъ, господа, по большей части и въ романахъ-то въ вашихъ отвлеченіяхъ, чѣмъ въ Аристофановой комедіи, — все «на облакахъ» происходитъ.

— Романы, говорю, отодвиньте въ сторону, — нынче на нихъ и сирова нѣтъ, а вы разубѣдите меня, что свадьба съ родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, противъ этого я спорить не стану, а рискованнаго въ ней нѣмало нѣтъ, да и вѣдѣлъ ее основательный священникъ, котораго я какъ самъ себя знаю. Онъ никогда и ни за какія благополучія рискованнаго дѣла дѣлать не станетъ.

— Но вамъ, я думаю, надо бы подробнѣе знать эту пару, о которой мы говоримъ.

— Нечего мнѣ о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите ли позкзаменовать: я все отлично помню, со всѣми, можно сказать, деталями. Тутъ еще было пагажено тѣмъ, что разныя большія лица были влутаны. Не правда ли?

— Да.

— И къ тому же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Братъ у невѣсты былъ, длинный-предлинный офицеръ съ ученымъ значкомъ.

— Былъ.

— Имени не помню, а по батюшкѣ, кажется, Данилычъ.

— Вы отлично помните.

— Вотъ онъ и приходилъ. Чудесный парень, все разсказать, по-военному: благородно и откровенно, и о своихъ неудачахъ у владыки открылъ.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штрафъ, разумѣется, на нихъ маленькій пакинулъ въ цѣнѣ, чтобы старшихъ не безнокоили, и все тутъ.

— Однако, я помню, говорю, что этотъ Данилычъ не сразу какъ-то сговорился со священникомъ, а было два-три дня томительныхъ.

— Не правда: всего на-все одинъ день только ихъ просили подождать, и то это совсѣмъ не для притѣсненія, а уже это всегда такъ, нарочно, «заминка» дѣлается.

— Для чего?

— Чтобы давальцевъ не отпугнуть, а въ то же время справки навести.

— Какія же справки?

— Есть или нѣтъ у брачущихся недвижимое имущество или значительное наслѣдство.

— Но зачѣмъ это священнику?

— А это въ тайныхъ бракахъ и есть самое нужнѣйшее.

— Будто это такъ важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имѣніе, которое могутъ наслѣдовать родственники, или если дѣти могутъ быть претендентами на какое-либо родовое наслѣдство,

тогда, будьте увѣрены, никакой священникъ такого брака вѣнчать не станетъ.

— А какъ можно это знать?

— Въ тонкости узнаютъ.

— И скоро?

— Да смотри по людямъ и дѣлу: иногда сразу же, а иногда подольше.

— Съ недѣлку, или съ мѣсяцъ?

— О, что вы! Нѣтъ,—сутки, много двое.

— Какимъ же образомъ можно собрать такъ скоро такія щекотливыя справки, о которыхъ люди могутъ все утаить и налгать?

— Надо имѣть способнаго справщика и содержать его, иногда даже и терять отъ него кое-что, какъ вотъ, напри- мѣръ, нѣкому ближнему доводилось терять отъ этого мо- лодца, который о дядюшкѣ Никсѣ обыскъ дѣлалъ.

— Какой же у этого дѣльца церковный чинъ?

— Чинъ у него — церковный сторожъ, а ходитъ онъ за причетника.

— И по особымъ порученіямъ?

— Да, преимущественно - то по особымъ порученіямъ. Сдѣлаешь маленькую заминку, а онъ тѣмъ временемъ все и обслѣдуетъ.

— Но какимъ образомъ?

— А ужъ это по его усмотрѣнію.

— А онъ не вретъ?

— Нѣтъ, для чего же? да онъ всегда вѣдь и весь про- цессъ и источники укажетъ, такъ что можете обсудить осно- вательность и достовѣрность и того, и другого, и третьяго.

— Ну, такъ вотъ, позвольте же, говорю, васъ разоча- ровать.

— Сдѣлайте милость—если удастся.

— При вѣнчаніи дяди Никса рѣшительно ни отъ кого ни изъ ихъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, никто такихъ справокъ не забиралъ.

— Вѣрно. Нашъ дока свое имя не даромъ носить: онъ не такъ глупъ, чтобы съ родными жениха сталъ разгова- ривать. Онъ понимаетъ, что это дѣло сердечное, и дѣй- ствуетъ тонко, — собираетъ источники чистые и достовѣр- ные. Ему было сказано, что вотъ такъ-то и такъ-то, — вотъ этакій крупный человекъ желаетъ жениться на се-

стрѣ своей покойной жены, — я на день заминку сдѣлаю, а ты поди и удостовѣрь дѣло какъ нужно. А онъ отвѣчаетъ: «это можно кратко дослѣдить — потому что у нихъ старшій дворникъ Терешка мой пріятель». Если вы все вѣдаете, то вы должны знать: былъ у нихъ дворникъ Терешка или нѣтъ?

— Знаю: дѣйствительно былъ дворникъ Терешка.

— Ну вотъ видите. Справщикъ взялъ на три бутылки пива, посидѣлъ съ этимъ Терешкой въ низкѣ и вернулся, говорить:

— Терешка сказалъ: можно вѣнчать.

— Но вѣроятно же при этомъ и какія-нибудь подробности дознанія были представлены?

— Какъ же, — разумѣется, были: подробности необходимы, потому что по нимъ видишь и судишь: вѣрно ли и благонадежно ли все дѣло?

— Ну, а въ отношеніи дяди Никса, на примѣръ, въ чемъ же заключались эти подробности?

— Помнится, онъ разсказалъ такъ: пришелъ, говорить, къ воротамъ, Терешку вызвалъ, — пошли въ низокъ, двѣ пары пива выпили, и Терешка сказываетъ: ничего, — дѣло плевое, — можно вѣнчать, господа согласны. Она, говорить, барыня къ нему ласковая и теперь тяжела, а всѣ ейныя братья и сестры желаютъ, чтобы она съ нимъ подзаконилась. А насчетъ состоянія не сумлѣвайтесь: имѣніевъ у нихъ нѣтъ и что имъ по зимѣ мороженныхъ индюшекъ присылали, такъ это изъ чужой деревни. Онъ съ жалованья живетъ, а она совсѣмъ безиомѣстная. Скажи батюшкѣ, что совѣтую, чтобы крутилъ съ Богомъ.

— И это все?

— А вамъ что же еще надо?

— И вотъ *это-то*, вотъ эту болтовню съ дворникомъ вы называете справкою или свѣдѣніемъ!

— А какъ же это по-вашему надо назвать?

— Да такъ и назвать, пустяками, вздоромъ. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Не могу вѣрить!

— Почему же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова

такихъ людей, какъ мужикъ-дворникъ, твердо полагаться нельзя.

— Итъ, я этого не знаю, и совсѣмъ другое думаю.

— Что же вы думаете?

— Я думаю: какіе вы все жалкіе, поврежденные люди, и какъ вы безнадежно повреждены, въ самомъ своемъ корнѣ: въ вѣрѣ въ умъ и въ доблесть русскаго человѣка. Кто, какой злой духъ, или какой лихой опытъ далъ вамъ право такъ низко судить о нашемъ умномъ и добромъ народѣ? И сторожь-то васъ обманеть, и дворникъ обманеть, и, наконецъ, уже и я, попъ, васъ обманываю, — шучу, видите, а не правду вамъ сказываю...

Батюшка закачалъ укоризненно головою и добавилъ снисходительно:

— Ахъ вы, господа, господа теоретики. Постыдились бы вы этого своего невѣрія въ русскаго человѣка, да не давали бы другимъ повадки утверждать, что мы сами собою ничего путнаго учредить не можемъ. Тьфу, что за гадость, что за недоверіе къ русскому человѣку, даже въ томъ случаѣ, если онъ дворникъ, которому сама полиція вѣритъ больше, чѣмъ любому ученому и литератору.

Сказавъ это, батюшка опять плюнулъ и плюнулъ такъ рѣшительно, какъ могъ плевать только извѣстный Костанджогло, и затѣмъ тихо проворчалъ:

— Недовѣріе, вездѣ недоверіе, на всякое время и на всяка часть это проклятое недоверіе. Оттого и заводятся всякіе партіи, что безъ узла шьютъ.

— То-есть вотъ этого-то я и не понимаю: отчего же они заводятся?

— Да отъ боязни живыхъ сношеній съ людьми и отъ возни съ одною бумажною хитростію. И какъ все это сложно и непрочно, и какую хитрою механикой пахнетъ— вособразить гадко. Я увѣренъ, что если я вамъ сейчасъ это разъясню, то вы увидите, какія преимущества имѣетъ простота вездѣ, не исключая и тайнобрачія, гдѣ она должна быть хвалима передъ всѣми иными хитростями, въ которыхъ теперь жалостно уловляется не мало людей, имущихъ только образъ вѣщанія, но силы онаго лишенныхъ.

И весь обратился во вниманіе.

— О тайномъ вѣщаніи такихъ людей прежде и помниа

не было. Вѣнчались тайно, бывало, помѣщички или гусары, или вообще люди значительные, о которыхъ всегда можно что надо разузнать въ разсужденіи родства и наслѣдства; но потомъ, какъ все это съ отъемомъ крестьянъ перенуталось, — тутъ разночинецъ сталъ входить въ силу и тоже полѣвъ тайнобратиться. Разумѣется, всему этому женщины виною: сейчасъ сороки этакія изъ верхнихъ слоевъ всякую моду перенимаютъ. Иная прежде уже лѣтъ нѣсколько въ простотѣ съ человѣкомъ безъ вѣнца тихо обращалась и нимало не смущалась, — а тутъ прослышала, что въ большихъ кружкахъ все вѣнчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзакониться. Ну, разумѣется, чего баба захочетъ, того достигнетъ: человѣкъ терпѣть, терпѣть и, наконецъ, плюнетъ: «будь ты соевѣмъ не ладна!» Пойдетъ и проситъ батюшку: «Такъ-моль и такъ, — не могу бабу усмирить: повѣнчайте!» Иной по нынѣшнему времени и таковыхъ вѣнчасть, и уже, разумѣется, не по старинному, за помѣщичью или за гусарскую цѣну, а такъ «что положить». И за двѣ десятныхъ пѣвали, и даже менѣе, и, разумѣется, уже въ разсужденіи справокъ стали обращаться съ небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а къ тому же и трудно. Русскій мужикъ дворникъ — ужасный, вѣдь, аристократъ въ дунѣ, особенно если брюхо себѣ наѣсть: онъ такимъ мелкимъ народомъ, какъ разночинцы, не любитъ заниматься. Вотъ о жильцѣ начиная съ чина статскаго совѣтника — онъ любопытствуетъ, изъ какихъ домовъ и какого роду и состоянія, и изъ чьего имѣнія ему мороженыхъ пидюшекъ присылаютъ, ну, а мелкою онъ интересоваться не любитъ. Это уже его натура такая, — даже полиція его къ этому приучить не можетъ. Приставъ нангъ мнѣ не разъ жаловался, — говоритъ: хоть не спрашивай ихъ, дураковъ, про подозрительныхъ людей, — аведетъ такую катавасію:

— «Мы, моль, ваше-скобродіе, понимаемъ, что какъ эти люди малозначительные, такъ ими не интересуемся, а вотъ генераль у насъ живутъ — это точно, и съ своей эконожкой они обращаются, изъ нѣмокъ, а у той братъ есть при чужомъ графѣ секретаремъ служить». — И пойдетъ, говоритъ, дуракъ вверхъ все въ аристократію лѣзть. — И это справедливо: съ этой стороны они намъ неудобны, и это-то собственно и есть для браковъ небольшихъ людей большое препятствіе. А между тѣмъ, какъ вамъ докладываю, и эти

съ послѣднее время, по бабьему настоянію, все туда же лѣзли, чтобы секретно вѣнчаться, да еще и задешево, потому что и платитъ-то какъ слѣдуетъ они не могутъ. Тогда этотъ самый отецъ «вѣнчальный батюшка» и выдумать фортелѣ, и такое фортелѣ, что долго его никакъ нельзя было понять, въ чемъ оно заключается. Слышимъ только между собою, что онъ вѣнчаетъ и направо, и налѣво, и уже никакихъ справокъ не собираетъ. Да-съ, и задешево: всѣ прификсы сбилъ, а крутитъ за предложенную цѣну. Понять невозможно было, въ чью это голову онъ содитъ и за что рискуетъ, какъ вдругъ оказывается, что онъ, плутыга, ничѣмъ и не рискуетъ. И выплыло это дѣло самымъ неожиданнымъ манеромъ, къ которому я какъ базъ могу подвести дѣло вашего тайнобрачнаго знакомаца.

Въ лѣтнее время семья моя на дачѣ была, а я набѣзжалъ сюда чередное служеніе отбывать. На всю недѣлю для свидѣнъ я «раняго батюшку» за себя напималъ, а въ субботу самъ прѣзжалъ: служилъ всенощное и въ воскресенье—позднюю. Только-что выхожу я послѣ всенощной,—пройтись по набережной хотѣлъ, — а ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ съ дамочкой и объясняютъ, что они женихъ съ невѣстою и хотятъ повѣнчаться. И отвѣчаю: доброе дѣло, доброе дѣло; а самъ на него смотрю инквизитерски, потому-что онъ мнѣ что-то фертовать показался.

— А документы, говорю, въ порядкѣ?

— Да, документы, отвѣчаютъ, есть.

— Рассмотрѣть, говорю, надо. — Благоволите оставить. Завтра отвѣтъ дамъ.

Онъ утромъ занесъ всю свою герольдію въ одномъ пакетикѣ. Поглядѣлъ я, — все въ порядкѣ, а только легковѣнность какая-то: у него указникъ объ отставкѣ и чинникъ шаршавенькій, — губернской секретарь, а она—вдова учителя. Кто ихъ тутъ разберетъ, въ какой они другъ къ другу позици?

И велѣлъ своему докѣ-сторожу адресъ ихъ замѣтить и справиться, — справка вышла пустая. Приходитъ мой вѣстовщикъ и говоритъ:

— Такъ и такъ, говоритъ, живутъ они вмѣстѣ третій годъ на одной квартирѣ, и дѣвочка маленькая у нихъ есть, а прислугу одну держать и въ мелочной берутъ на

книжку, а мясникъ не даетъ въ долгъ. Впрочемъ, говорить, пить не пьютъ, но знакомцевъ окромя писателевъ никого изъ достойныхъ лицъ у нихъ не бываетъ и ничего про нихъ знать нельзя. Мое, говорить, такое мнѣніе, что не надо ихъ вѣнчать, — что-то опасно. Пусть къ своему приходскому батюшкѣ идутъ.

А я ему въ тонкихъ дѣлахъ вѣрить, да и мнѣ самому показалось, что это опасно. У насъ, знаете, ужъ свой нюхъ на это есть. Дѣла по дѣламъ будто ничего, а своимъ верхнимъ чутьемъ поведешь — и другое слышишь. Такъ и тутъ: бумаженки тонія и людцы маленькіе, и что-то не порядкомъ отдастъ, да опять, самое главное, и дворникъ не ручается.

Подумаль я, подумаль: есть что-то сомнительное, и откажь. Свернулъ бумажки въ его же конвертъ, поддѣлалъ клейкомъ и отдалъ сторожу.

— Какъ придетъ, говорю, этотъ господинъ, — скажи ему, что, молъ, батюшка уѣхалъ, и бумаги отдай. А впередъ, молъ, просили не приходить.

Такъ и сдѣлалось, тотъ его отправилъ. Я рукою махнулъ и позабылъ. Но господинъ этотъ женихъ былъ мстивъ и, встрѣтивши разъ гдѣ-то моего сторожа, какъ бы въ веселіи объявляетъ: — «Вотъ твой батюшка не хотѣлъ меня перевѣнчать, а отецъ такой-то (называетъ вѣнчальнаго батюшку) насъ, говорить, перевѣнчалъ». Тотъ мнѣ это передаетъ, а черезъ малое время говорить, что онъ и самъ желаетъ перейти къ тому вѣнчальному батюшкѣ, на «соответственную должность».

— На какую это? — спрашиваю.

— Въ пѣвцы.

— Да ты пѣть не умѣешь.

— Что жъ такое, говорить, — и не умѣвши поютъ.

— Но у тебя и голоса нѣтъ.

— Въ церкви, отвѣчаетъ, можно пѣть и безъ голоса.

— Пѣтъ, ты, говорю, откройся: чѣмъ мальчикъ Гришка мачихою недоволенъ?

— Да что, говорить, батюшка: откровенно сказать, вы еще по старинѣ: все справляете. Теперь это надо оставить. — Тамъ смѣлѣе крутятъ, и черезъ то служить авантажѣ.

— Ну, смотри, молъ, не попадись, съ большимъ авантажемъ-то.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, тамъ придумана механика умная.

Я и полюбопытствовалъ, что это за механика и какъ онъ про нее провѣдалъ.

— А я, говоритъ, отъ этого же барина все провѣдалъ.

— Да у тебя, молъ, какія же съ нимъ сношенія?

— За совѣтами онъ ко мнѣ приходилъ.

— А ты что за юристъ-консулъ такой, что къ тебѣ за совѣтами ходятъ?

— Нѣтъ, я, отвѣчаетъ, не консулъ, а когда человѣка хорошенъко нажгутъ, такъ онъ ко всякому лѣзетъ.

— Да, молъ, если глушь, такъ лѣзетъ.

— Однако, отвѣчаетъ, и у васъ, какъ въ прошломъ году зубы хорошенъко разболѣлись, такъ вы вотъ и не глушы, а тоже на Моховую къ цырюльнику заговаривать пошли.

— Да, говорю, это правда,—ходилъ.

— А вотъ то-то, говоритъ, и есть. А вѣдь онъ, этотъ цырюльникъ, ничего не знаетъ: молитовку какую-то пошепчетъ, да обрывокъ человѣку, какъ теленку, нацѣпить и велить не скидывать. И вамъ, небось, то самое вѣшалъ?

— Вѣшалъ.

— И вы, пожалуй, такъ и служили въ обрывкѣ?

— Служилъ.

— Ну, такъ это и я бы вамъ могъ нацѣпить, да стыдъ только не позволялъ. А баринокъ этотъ ко мнѣ первый разъ съ весельемъ заговорилъ, чтобы черезъ меня васъ подзадорить, а потомъ, вчера—гляжу, царочно идетъ, и лица на немъ нѣтъ.

— Что, говорю, вамъ такое?

— Ужасная, говоритъ, неприятность: мнѣ надо еще разъ перевѣнчаться.

Я гляжу на него и думаю: не помѣшался ли онъ?

— Да вѣдь вы же, говорю, сказывали мнѣ, что васъ обвѣнчали.

— Да, отвѣчаетъ: обвѣнчать-то обвѣнчали, да очень легко сдѣлали: надо еще разъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться основательнѣе.

— Что же это за дѣло такое? Вы, говорю, если хотите отъ меня помощи, такъ въ подробности объясните, потому что безъ этого и лѣкаръ не лѣчить.

Опъ и сталъ объяснять.

— Батюшка, говорить, насъ обвинчалъ, велѣлъ поцѣловаться и отпустилъ, а потомъ я пошелъ за свидѣтельствомъ,— дома его не засталъ. И еще черезъ день пошелъ, и опять не засталъ, и опять черезъ недѣлю пошелъ и тоже не сподобился видѣть.

И такъ ходилъ, ходилъ, и счетъ ходинкамъ потерялъ, а тѣмъ временемъ жена родила и надо крестить; брачное свидѣтельство уже необходимо.— Тутъ этотъ сунругъ уже не съ короткимъ полѣзъ звониться, и дозволился, хоть не до самого батюшки, такъ до его причетника, и сообщилъ ему свою нужду и неудовольствіе. А причетникъ проговорилъ:

— Что, господинъ, напрасно ходите, и себя, и насъ напрасно затрудняете: никакого вамъ свидѣтельства не будетъ.

Барянокъ вскинулся: какъ не будетъ?

— Что, грозить, вы думаете—я церковныхъ порядковъ, что ли, не знаю! я юристъ—у насъ на лекціяхъ все это преподавали; я сейчасъ къ благочинному, да въ консисторію, или къ самому владыкѣ!

А дьячокъ-то у нихъ очень умный.—Все чернило и марки у него на рукахъ *). Онъ этому барину и отвѣчаетъ:

— Не пужайте, господинъ; что вы такъ странно пужаете? Идите не только къ владыкѣ, а хоть къ самому Господу Богу, такъ мы стоимъ во всѣхъ дѣлахъ чисты, — и никого не боимся.

— Да, вѣдь, я же, говорить, вѣнчался.

— Спору нѣтъ, что вѣнчались, — отвѣчаетъ дьячокъ: — мало ли кто вѣнчался, но не всякій же беретъ свидѣтельство. Вотъ наши мужички православные и знать этихъ пустяковъ никогда не знаютъ. А намъ совѣтъ неизвѣстно: кому нужно такое свидѣтельство, а кому оно не нужно. Если

*) Содержать «чернило на рукахъ»—значитъ вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемые священниками исповѣдникамъ, съ каковыми послѣдніе подходятъ къ записчикамъ, вносящимъ имена въ исповѣдныя росписи. Марки эти должны служить доказательствами, что исповѣдникъ дѣйствительно былъ у священника на духу и получалъ разѣшеніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, а не записывается въ книги безъ исповѣди. Впрочемъ, эти марки или бляшки теперь уже почти повсемѣстно выводятся изъ употребленія, какъ не достигающія цѣли.

вы вѣнчались для уваженія тайнства, то и будетъ съ васъ, и оставайтесь тѣмъ довольны.

Баринъ вскрикнулъ:—Что вы разбойники, что ли, говорить, на что мнѣ тайнство!

А дьячокъ свой шагъ спокойно держать.

— Нѣтъ, говорить, мы не разбойники, а вы, господинъ, про тайнство потише, да и не ругайтесь, а то я сейчасъ и дверь захлопну, чтобы такихъ словъ не слышать, за конкъ отвѣту потянуть могутъ. А вы тогда оставайтесь на улицѣ и идите куда вамъ угодно жаловаться.

Тутъ баринокъ видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ крѣпкимъ: пересталъ пылить и говорить:

— Да нѣтъ, вы, милый другъ, сами посудите... я этого себѣ даже уяснить не могу: въ какомъ же я теперь положеніи?—Да при этомъ рублевый билетикъ ему въ руку и сунуль.

Тогда, разумѣется, и дьячокъ къ нему перемѣнился.

— Давно бы, говорить, господинъ, вы этакъ... честию всегда все скорѣе узнаете. Вы къ батюшкѣ на домъ больше не докучайте, потому что они дома никакихъ объясненій по неприятнымъ дѣламъ не даютъ, а пожалуйте завтра, въ воскресенье, за литургію,—тамъ и объяснитесь.

Тотъ такъ и учинилъ: пошелъ къ обѣднѣ съ пыломъ въ сердцѣ, за обѣдней постоялъ, немножко поуморился и отмякъ, а, дождавшись времени, подходитъ къ батюшкѣ:

— Такъ и такъ, до васъ, батюшка, дѣло имѣю.

— Какое?

— Свидѣтельство мнѣ позвольте.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что я вами обвинялъ съ моею женою.

— А какъ ваша фамилія?

— Такъ-то.

— Не помню. А когда я васъ вѣнчалъ?

— Да вотъ, мѣсяца два тому назадъ.

— Мѣсяца два назадъ... не помню. Но что же вы такъ долго не брали свидѣтельство?

— Я, говорить, нѣсколько разъ приходилъ, да все дома васъ не могъ застать.

— Ничего не слыхалъ, а дома меня точно трудно застать. Впрочемъ, я сейчасъ здѣсь си авиюсь.

Оборачивается къ дьячку и говоритъ:

— Покажи мнѣ, какъ ихъ обыскъ записанъ.

Долго, долго онъ гдѣ-то съ этою справкою возился и, наконецъ, идетъ съ обыскною книгою въ рукахъ и кладетъ ее передъ батюшкой.

— Что же?—спрашиваетъ тотъ:—на которой страницѣ?

— Ни на которой нѣтъ,—отвѣчаетъ дячокъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

Дячокъ молчитъ.

— Должно быть, если вѣщали?

— Не знаю,—отвѣчаетъ дячокъ, а самъ налѣво кругомъ за двери.

А батюшка вручаетъ книгу супругу и говоритъ:

— Вотъ вамъ, милостивый государь, самому книги въ руки, отыщите вашу запись.

Супругъ ищетъ, ищетъ и, разумѣется, ничего не находитъ.

— Нѣтъ, здѣсь, говорить, не записано.

— Вотъ тебѣ и разъ,—отвѣчаетъ батюшка и началъ самъ листки перекидывать.

— Что-же это можетъ значить?

— Значить: нѣтъ.

— Но вѣдь, помилуйте, говоритъ: я самъ расписывался въ такой книгѣ.

— Но гдѣ же эта ваша роспись?

— Да нѣтъ ея здѣсь.

— А нѣтъ, такъ и суда нѣтъ.

Да съ этимъ хлопъ,—книгу закрылъ и въ шкапикъ заперъ.

Супругъ взвылъ не своимъ голосомъ.

— Что же это такое? У васъ вѣрно другая похожая книга есть?

А батюшка говоритъ:

— Т-съ, милостивый государь,—потипше. Здѣсь церковь, а не окружный судъ, что вы кричите. Не угодно ли попросить васъ о выходѣ, а то вѣдь вы помните,—здѣсь за всякое неумѣстное слово отвѣтственность по закону усугубляется.

Господишь и спекся,—милосердія запросилъ.

— Батюшка, говоритъ, помилуйте, вѣдь это же не можетъ быть; вѣдь вы же, конечно, помните, что я къ вамъ при-

ходилъ и вы меня вѣнчали, и я вамъ, что было условлено, впередъ заплатилъ.

— Еще бы, говорить, это уже такое правило, — впередъ отдавать.

— Ну, такъ что же, говорить, за что же вы меня такъ обижаете?

— Чѣмъ-ст?

— Да какъ же, помилуйте, я вѣдь это все не для себя, а для жены, да для дѣтей только и дѣлалъ, а теперь не могу даже разобрать: въ какихъ мы всѣ отношеніяхъ? Это хуже, чѣмъ было.

— Напрасно вы такъ говорите, отвѣчаетъ батюшка, чѣмъ же хуже? Ничего вы хуже не надѣлали. Во всякомъ случаѣ, если вы взяли благословеніе въ церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо — женщина должна быть религіозна. А въ разсужденіи прислуги отъ этого въ домѣ гораздо спокойнѣе, — прислуги законъ брачный уважаютъ и вѣнчаную барыню лучше слушаютъ. Что же тутъ худо?

— По мнѣ не это нужно... мнѣ свидѣтельство нужно!

— Свидѣтельство-о-о?

— Да?

— А я вамъ развѣ его обѣщать?

— М... н... то-есть... мы объ этомъ не говорили.

— Надѣюсь, что не говорили. Вы пришли ко мнѣ и просили васъ повѣнчать и представили документки какіе-то ледяные, темные, и говорите, что другихъ достать не можете, и къ тому же, вы человѣкъ не богатый и заплатить много не въ состояніи. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ-съ.

— Ну, что же, развѣ я васъ обидѣлъ или притѣснилъ? Ничуть не бывало: я вамъ, напротивъ, во первыхъ, добрый совѣтъ далъ, я вамъ сказала: если вы человѣкъ незначительный, такъ для чего вамъ обо всемъ хлопотать! Вы не графъ, ни князь, ни полковникъ, — и живите себѣ, какъ жили. Но вы на своемъ стояли, что вамъ это нужно, — что она «присасть», что «надо отъ этого отвязаться». Что же — я и тутъ васъ не огорчилъ: — васъ никто бы не сталъ вѣнчать, а я васъ пожалѣлъ. Я знаю, что барыни охочи вѣнчаться, и вамъ на ваше слово повѣрилъ и обвѣнчалъ васъ для ея утѣшенія, и всего тридцать рублей за это взялъ, ничего болѣе съ васъ не вымогалъ. А если бы вы мнѣ

тогда сказали, что вамъ не только вѣчаніе, а и свидѣтельство нужно, такъ я бы понялъ, что это уже не для женской потѣхи, а для чего-то иного прочаго, и за это бы съ васъ трехсотъ рублей не взять. Да-съ, не взять бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена, и свои дѣти есть. Прощайте.

— Но... позвольте... какъ же... гдѣ же я и жена, въ какую книгу мы себя записали?

— А это, я вамъ скажу,—не ваше дѣло.

— Иѣтъ, это мое дѣло: вѣрно у васъ другая книга есть.

— Да, для такихъ суируговъ, какъ вы, есть другая книга.

— Но это не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ,—почему это не можетъ?

— Консисторія не выдастъ двухъ книгъ.

— А вы посмотрѣли въ ту книгу: откуда она была выдана!

— М... н... нѣтъ.

— А то-то и есть, что нѣтъ. Плохо видно васъ на вашихъ лекціяхъ учили, если пишете не взглянуть: на чемъ пишете.

— Такъ вѣдь это все подлогъ, фальшь..

— Пимало не фальшь, — а просто предварительная чернетка, которая по минованіи надобности посякнется и въ огонь вметается.

— Такъ я же найду, кто были свидѣтели...

— Поищите, такъ они вамъ и объявятся.

— Ага! такъ вотъ зачѣмъ вы и сказали, что вамъ не надо моихъ свидѣтелей, а какую то свою сволочь поставили.

— Да уже конечно такъ; только все же моя сволочь лучше вашей: они хоть сволочь, да я-то ихъ знаю, а вы бы мнѣ такихъ своихъ ангелистовъ привели, что каждый вмѣсто крестнаго имени чужою чортовой кличкой назовется, а потомъ ни знать, гдѣ его и нескать, — въ какомъ болотѣ. Иѣтъ, государь мой, мы, въ наше умное время, отъ вашего брата тоже учены.

— Тьфу!

— Здѣсь не плюйте, а то потеряетъ заставлю.

— Но что же мнѣ дѣлать: вы меня сгубили, такъ дайте хоть мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ извольте: достаньте себѣ съ супругою хорошіе

документы и ступайте, ничего не говоря, къ приходскому священнику, — онъ васъ обвиняетъ и дастъ вамъ свидѣтельство. А со мною всѣ ваши объясненія кончены.

— И ничего болѣе?

— Да, ни одного слова болѣе.

Какъ мнѣ рассказали все это мой сторожъ, продолжалъ собесѣдникъ, я и руки растопырилъ.

Вотъ это, думаю, артистъ, такъ артистъ. Что за работа, что за милая работа! И просто все, и вѣрно, и безопасно, и даже по-своему *юридически честно*: за что взялся, — то и сдѣлалъ, а неуговорнаго съ него и не спрашивай. За что человекъ не брался, за то и не отвѣчаетъ.

— Чудесно, говорю: спасибо тебѣ, братъ, безголосый пѣвецъ, что ты мнѣ, глупому человеку, такія умныя дѣла открылъ. Хотя я самъ ихъ дѣлать и не стану, но все-таки просвѣщеніе буду. И отпустилъ его отъ себя къ тому батюшкѣ съ миромъ и даже съ наградою, на тотъ конецъ, чтобы не забывалъ ко мнѣ заходить и порою просвѣщать мое робкое невѣжество тѣмъ, что они, совокупивъ свою опытность, дѣлать будутъ.

— И что же, спросилъ я: онъ къ вамъ заходилъ?

— И сейчасъ иногда заходитъ.

— И интересныя дѣла сказываешь?

— Охъ, сказываетъ, разбойникъ, сказываетъ.

— Удивляюсь, какъ теперь это стало откровенно.

— Дѣйствительно, откровенно; да вѣдь что еще и сокровенничать-то, когда — какъ мои дѣти на фортеціано кушетъ ноютъ:

«Расплесалась вся Россія
«Въ ахенбаховщинѣ мерзкой,
«Лишь одинъ Іеремія
«Намъ остался, — князь Мещерскій!»

А главное, замѣтите, любо-дорого то, что все это хорошо практикуется. Откровенно, а комаръ носу ни подо что не подточить.

— Батюшка! говорю: будьте благодѣтель, познакомьте меня съ этимъ интереснымъ человекомъ.

— Съ пѣвцомъ-то съ безголосымъ?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подалъ, а батюшка начерталъ на ней рекомендацію и

наименовалъ меня «дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ», что мнѣ показалось неудобнымъ.

— Извините, говорю: это не годится. — у меня такого чина нѣтъ.

— Ну, вотъ важность! нынче никого меньше не называютъ, а къ тому же онъ стать гонористъ, и если узнаетъ, что вы писатель, а не генераль, такъ, пожалуй, знакомиться не захочетъ.

— Да, а я, говорю, все-таки, стѣсняюсь...

— Есть чѣмъ стѣсняться? суньте два пальца вмѣсто руки,—вотъ и сановникъ. Неужели у васъ на это образованія не достанетъ?..

Однако я не былъ у безголосаго пѣвца, потому что это представляло слишкомъ большія трудности: выходило, что для собесѣдованія съ этимъ интереснымъ лицомъ мнѣ не только надлежало выдать себя за дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и тыкать два пальца человѣку, который подастъ мнѣ цѣлую руку, но надлежало еще изобразить собою предъ пѣвцомъ жениха или, по крайней-мѣрѣ, тайнобрачнаго переговорщика. Я опасался, что не выдержу этихъ замысловатыхъ ролей передъ такимъ пронизательнымъ человѣкомъ, а къ тому же думалось мнѣ, что самъ отецъ протоіерей открылъ мнѣ довольно, чтобы не гнаться за большимъ. Кроме того, пѣвецъ могъ сообщить мнѣ только факты, разнообразіе которыхъ зависитъ отъ случайностей, а ихъ природа почти неизслѣдима, между тѣмъ какъ настоящій мой собесѣдникъ могъ ввести меня въ самую философію вопроса, въ самую суть нравственныхъ побужденій, руководящихъ духовенствомъ въ дѣлахъ тайнобрачія. Это мнѣ казалось интереснѣе, потому что нѣкоторое знаніе нравовъ нашего духовенства внушало мнѣ твердую надежду, что и здѣсь, въ этомъ путанномъ дѣлѣ долженъ дышать тотъ духъ простоты и практическаго добротолубія, котерый присущъ русскому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и дѣятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющіеся на практикѣ при вѣнчаніяхъ паръ, которыя не могутъ быть повѣнчаны съ разрѣшенія начальства, почти всѣ совершенно невозмутительны, а нѣкоторые изъ нихъ такъ трогательны, что надо имѣть мертвое, «почившее на законѣ», сердце,

чтобы не оцѣнить благодати, движущей сердцами живыми, которыя ласково усыпляютъ законъ, вмѣсто того, чтобы самимъ азартно уснуть на немъ.

Такой случай мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, даже не отдѣливъ отъ него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и доканчиваю его бесѣду, а съ нею и мои очерки.

— Ко всему нынѣшнему тайнобрачію, — изрекъ онъ: — какъ къ каждому историческому явленію, надо относиться беззлобно и съ разсмотрѣніемъ. И когда такъ станете смотрѣть, то и увидите, что оно потребно и отвѣчаетъ времени. А по сему времени даже и самые захватскіе «вѣнчальные батюшки» тоже, въ своемъ родѣ, нужны и годны. Право, право, годны: въ большомъ хозяйствѣ все сдается. И хотя я ихъ методы, безъ узловъ шить, въ прищипкѣ и не одобряю, но знаю, что и это у насъ инымъ въ прокъ пошло.

Я было обнаружилъ попытку выразить нѣкоторое сомнѣніе, но батюшка, замѣтивъ это, придержалъ меня за руку и сказалъ:

— Не спѣшите поспѣшать. Я живой случай знаю, гдѣ если бы не эта благодать, такъ нельзя было бы оказать помощи очень жалкимъ людямъ, которые однажды пришли ко мнѣ съ преудивительною исторіею.

Лѣтъ восемь назадъ ко мнѣ въ домъ хаживала дочеринна подруга. Славная дѣвица Нюточка, — все онѣ съ моею дочерью въ четыре руки играли. Но потомъ она вдругъ какъ-то сникла. Перестала ходить, — я этого не замѣтилъ, а потомъ, когда дочь скоро замужъ вышла, то я и совсѣмъ про эту чужую дѣвочку забылъ. Проходитъ такъ годъ, два и три, — и пять лѣтъ, но вдругъ тоже вотъ такъ, въ лѣтнее время (у меня замѣчательно, что большая часть казусовъ со мною все лѣтомъ случается, когда я въ одиночествѣ дома бываю), приходитъ ко мнѣ нѣкая молодая особа женскаго пола, съ виду мнѣ незнакомая, собою, однако, довольно благоприличная, но смутная и чѣмъ-то, какъ бы, сильно подавленная. Я думалъ, что потеряла себя и вѣрно хочетъ исповѣдываться, но вышло другое. Называетъ себя по имени и говоритъ, что была она подругою моею дочери по гимназіи, а потомъ пошла достигать высшаго знанія, но не сподобилась онаго, потому что попала въ нѣкоторыя «трудныя

комбинація». Словомъ сказать, дойдя, вмѣсто научнаго совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подругѣ, а о моей дочери, и пришла просить ее, не можетъ ли она достать ей гдѣ-нибудь переводовъ.

Ужаснуло меня это младенчество просьбы и младенчество страннаго ея вида.

— Извините, говорю, дочери моей здѣсь нѣтъ: она уже давно замужъ вышла и живетъ въ другомъ городѣ, да и переводами не занимается, а наипаче занята домашнимъ хозяйствомъ и чадорожденіемъ. Поэтому, если бы вы и писать ей захотѣли, то это будетъ для васъ бесполезно. А васъ я теперь дѣйствительно немножечко приноминаю: васъ, говорю, кажется, звали Нюточкою?

— Да, отвѣчаетъ, меня такъ прежде называли.

— Очень радъ, говорю, васъ видѣть, но что же довело васъ до такихъ комбинацій?

Она хлопъ-хлопъ глазами, да и заплакала.

— У васъ есть родные?

— Да, говоритъ, у меня есть братъ, и называетъ фамилію одного довольно извѣстнаго адвоката.

— Вы, говорю, вѣрно у него живете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ.

— А почему же такъ?

— Онъ женатъ.

— Такъ что же такое, развѣ при женѣ для сестры и за ширмою мѣста нѣтъ.

— Нѣтъ, мы съ его женою не ладили, я одна съ дѣтьми живу.

— Такъ вы вдова?

— Нѣтъ, не вдова.

— Тогда гдѣ же вашъ мужъ—вѣрно сосланъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не сосланъ, а его нѣтъ со мною.

— Отчего?

— Онъ въ очень затруднительномъ положеніи.

— Въ какомъ затруднительномъ положеніи, чтобы своихъ дѣтей бросить?

— Его обманули, когда онъ женился.

Тутъ уже я глазами захопала.

— Милая барынька, говорю: да вы что же это такое, шутите, что ли? Что вы мнѣ рассказываете: какъ же онъ

могъ отъ живой жены во второй разъ жениться? развѣ вы разведены?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, мы жили въ гражданскомъ бракѣ, а одна моя подруга хотѣла въ акушерки, и ей понадобилось выйти въ фиктивный бракъ, она меня попросила, чтобы и позволила....

— Ну-съ?

- А она устроила комбинацію....

- Какую, милостивая государыня?

— Она, вмѣсто того, все обратила въ серьезъ и заставляетъ его, чтобы онъ ей деньги давалъ, и теперь онъ что получаетъ—ей носить, а мнѣ помогать не можетъ.

— Что же, онъ и съ нею не живетъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, онъ съ нею вмѣстѣ не живетъ; она одного полицейскаго любитъ, а этого только заставляетъ, чтобы онъ часть жалованья ей приносилъ.

— И онъ носить?

— Да что же дѣлать, а то она жаловаться пойдеть.

— Да кто же онъ такой, вашъ общій мужъ-то?

— Ветеринаръ.

— Гм! думаю себѣ: однако она должно быть очень ловкая, эта акушерка, если на самомъ ветеринарѣ ѣздить.

— Да, она, говоритъ, очень развита.

— Развита? А извините, говорю, за вопросъ: онъ не дурачокъ, этотъ господинъ ветеринаръ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ: какъ дурачокъ? — онъ тоже очень развитъ.

— Какъ же, говорю, развитъ, а отъ акушерки отбиться не можетъ?

— Да онъ отбилъ и живетъ у товарищей, а больше нельзя, потому что у нея по полиціи всѣ ей полезныя связи.

— Ага, говорю: это дѣйствительно «комбинація». Ну, а гдѣ же ваши дѣтки?

— Недалеко, говоритъ, тутъ за вокзаломъ на третьей перстѣ по желѣзной дорогѣ у сторожихи живутъ, -- я ихъ тамъ оставила, а сама пришла переводовъ искать.

— Стало-быть, вы теперь всѣ врозь?

— Да.

— Ветеринаръ съ товарищемъ, вы съ своими котятками, а та съ полицейскими?

— Да.

— А въ городѣ-то, говорю, у васъ есть пріютъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ — нѣту, да это ничего не значитъ: теперѣ тепло,—и ночь по бульвару прохожу.

— Какъ проходите?

И не дождавшись, что она мнѣ отвѣтитъ, скорѣе взявъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ темя и говорю:

— Ничего я, бѣдное дитя, не понимаю, что вы мнѣ такое рассказываете. Вы ко мнѣ съ своими «комбинаціями» точно пришелица изъ другого свѣта упали. Но я, во всякомъ случаѣ, не ксендзъ, чтобы васъ укорять, и не протестантскій пасторъ, чтобы отъ вашихъ откровеній придти въ ужасъ или въ отчаяніе, а какъ простой нопъ я только васъ на бульварѣ ночевать не пущу. Вотъ у меня вся пустая квартира къ вашимъ услугамъ, а на кухнѣ есть баба-старуха смотрѣлка. Я ее сейчасъ къ вамъ призову. Разуейте поскорѣй свои бѣдныя ноженьки, напейтесь чаю, да ложитесь на диванъ въ гостиной спать. А впрочемъ, я старикъ—со мною и съ однимъ неопасно оставаться.

Она согласилась. И все это какъ-то тупо: и одно предполагаетъ, и сейчасъ другое располагаетъ, на все согласна—и все какъ не живая. Видно уже, что весь человѣкъ въ ней до-мертва въ порошокъ растолченъ.

Ужасно мнѣ ее стало жалко. Въ голову впало: какъ таковой горемыкѣ на свѣтѣ жить? Свои дѣти у меня хорошо устроены, благодаря Бога и добрымъ людямъ, потому что заботился о нихъ, да къ тому же они дѣти іерейскія, — въ свѣтѣ могли ходъ имѣть, а эта тля безпомощная: кѣмъ она покрыта? Можетъ быть, съ дѣтства на произволь пущена. А все же вонъ въ ней еще какое-то добро ерошится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданскаго отдала на поддержаніе, а теперь, какъ кошка мечется и своихъ котятъ по сторожкамъ носить... И все это во имя чего-то возвышеннаго. Право, точно пришлецы изъ другого міра, а между тѣмъ страдаютъ какъ люди. Оставилъ я ее и пошелъ на вечеръ къ коллегѣ, у котораго жена зимою не позволяетъ въ карты играть, такъ онъ лѣтомъ, прѣзжая съ дачи на служеніе, и собираетъ кружочекъ.

Засталъ тамъ ближнихъ и искреннихъ и «въичальнаго батюшку». Провинтилъ въ винтъ рублей за сорокъ и, по

склонности человеческой, сваливаю всю вину этого проигрыша на кого-нибудь другого.

— Это, говорю, ребята, я так провинтился отъ разстройства: одна дѣвчонка меня нынче очень размазала. И рассказали имъ о своей гостьѣ.

Всѣ выслушали и особеннаго вниманія не обратили, но мой вѣнчалникъ, идучи вмѣстѣ со мною домой, вѣрно нѣчто почувствовалъ, одобрился и уронилъ мнѣ «крылатое слово»:

— Еще такъ ли это, какъ они сказываютъ. Можетъ быть, имъ еще можно пособить. Вы у нихъ свидѣтельство спросите.

— Да какъ имъ пособить, если они обвиняны? Вѣдь у нихъ грошей на разводъ нѣтъ.

— Да я, отвѣчаетъ, о разводѣ и не думаю, а можетъ быть это дѣло совсѣмъ не порчено, — и развода никакого не надо.

— Все равно, если и свидѣтельства нѣтъ, а вѣнчаны, такъ уже пропадай они совсѣмъ, — второй разъ перевѣнчивать зазорно.

— Я, говоритъ, думаю, что ихъ не вѣнчали. Небось пропѣли что-нибудь, да и конецъ.

— Ну, можетъ ли это быть?

— А отчего нѣтъ? Они вѣдь ангелисты, — въ церковь не ходятъ, службы не знаютъ, не все ли имъ равно, что имъ спуютъ: молебень, или вѣнчанье. Нѣтъ, вы спросите-ка свидѣтельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Онъ это даромъ на вѣтеръ не бросилъ.

Отслуживъ на утро обѣдню, напился съ своей гостьей чаю и говорю:

— Я вамъ переводнишко устроилъ, и вотъ вамъ пока изъ редакціи три рубля впередъ, а передъ вечеромъ пожалуйста, — тогда и переводъ получите. Да не можете ли пригласить ко мнѣ вашего ветеринара, — я и ему кое-что хочу предложить.

Такъ, разумѣется, вздоръ вралъ, но въ случаѣ если бы она стала разспрашивать, сказалъ бы, что хочу его отрекомендовать въ Москву бѣснаго слона лѣчить. Но только она не спросила, а прямо его обѣщала привести.

А я тѣмъ временемъ спосылалъ за безголосымъ пѣвцомъ

и спрашиваю: есть ли у них *для себя* какія-нибудь памятки, кто у них легко вѣнчанъ?

Отвѣчать: есть.

— Нельзя ли, говорю, мнѣ справиться про такого-то студента?

Онъ это минутою сдѣйствовалъ и воротился,—говорить:

— Очень легко сдѣлано.

— Такъ что можно ему еще разъ жениться?

— Сколько угодно. Имъ просто молебень спѣтъ.

— Ишь, говорю, что вы, разбойники, строите.

— А что же, отвѣчаетъ, да они безбожники больше и не стоятъ. До какихъ лѣтъ доживутъ, въ церковь гроша не подадутъ, и не слышали о томъ, какая служба есть. Имъ и молебна-то жаль, — не токма что Исаю для нихъ безпокоить.

— Такъ, значить, они съ акушеркой не вѣнчаны?

— Не вѣнчаны.

Я это принялъ къ свѣдѣнію, пообѣдалъ и только маленько соснулъ, какъ смотрѣлка меня будить:

— Утренняя мадамка, говоритъ, вдвоемъ пришла.

— Съ кѣмъ?

— Женихъ, говоритъ, ейный, что ли, не знаю.

Я велѣлъ подождать, оберся со сна полотенцемъ и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что она въ немъ и полюбила, — смотрѣть совсѣмъ не на-что.

Я его туда, сюда повернулъ и въ первыхъ же вопросахъ вижу, что дѣтина самая банальная: откровенно глупъ и откровенно хитеръ. Такъ сказать — фруктъ нашего урожайнаго года.

— Я, говоритъ, обмануть низостью, какой не ожидалъ. Жена моя, говоритъ, казалась развитою женщиною, — увѣряла, будто ей нужно выйти замужъ только для того, чтобы отъ родительской власти освободиться, а потомъ стала требовать, чтобы я Анюту бросилъ, а съ нею на одной квартирѣ жилъ, или чтобы я ей на содержаніе давалъ. А послѣ къ ней полицейскіе стали ходить и она меня начала пугать.

— Чѣмъ?

Молчить.

— Доносъ какой-нибудь хотѣла сдѣлать?

Пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Вѣроятно.

— Да вы развѣ въ чемъ-нибудь замѣшаны?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я не замѣшанъ, но мы еще со студенческаго времени всѣ безъ замѣшательства, такъ, просто боимся, а она теперь и сама въ полицію акушеркой поступила.

— Ахъ ты, думаю, дурачокъ горькій. И спрашиваю:

— Она въ полиціи, а вы-то гдѣ служите и подъ чьимъ начальствомъ?

Называетъ мѣсто и начальника—лицо мнѣ, по старымъ памятямъ, весьма знакомое: еще съ табелькой съ нимъ игравали.

— Да у тебя, голубчикъ, въ формулярѣ-то записано ли, что ты женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, не записано.

— А вѣнчальное свидѣтельство есть?

— Тоже нѣтъ.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвѣчай мнѣ: радъ бы ты имѣть женою, вмѣсто твоей акушерки, Нюточку?

Молчить.

— Что же ты молчишь?

— Я, говоритъ, вѣдь совсѣмъ противъ брака.

— Ага, моль, ишь ты какой: норовишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку, говорю, когда человѣкъ съ женщиною дѣтей прижилъ, такъ ему ужъ эти рацеи надо въ сторону. Женись-ка, братъ, на ней да и баста.

— Да, вѣдь, это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчить.

— Ну, стало быть, говорю, ты, братъ, лукавишь. Отвѣчайте-ка вы, Нюточка: вы желали бы быть его женою?

Та, молодцомъ, сразу прямо отвѣтила, что желала бы. Видно уже игра-то сія ей надоѣла.—Но онъ молчить.

— Что же ты, говорю, сталъ? Поверни тебя, батюшка Спиридонъ-поворотъ.

— Я, говоритъ, больше уже не попадусь.

— Кому это?—женщинѣ, которая вашихъ дѣтей таскаетъ и васъ любить?

— Все равно, говорить, я могу жить граждански.

— Нѣтъ, думаю, если ты по-граждански, такъ я же съ тобой съ разбойникомъ сдѣлаюсь по-военному.

Язычокъ-то себѣ прикусилъ и о родѣ его вѣщанія съ акушеркой ничего ему не сказала,— чтобы онъ не считалъ себя свободнымъ, а озаботился имъ иначе.

Какъ онъ ушелъ, я положилъ передъ его супругой листъ бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вамъ переводъ продиктую.

И задиктовалъ, указывая, гдѣ что ставить: «Его превосходительству, господину такому-то, отъ такой-то докладная записка. А затѣмъ продолженіе въ такомъ смыслѣ, что «я, просительница, приживъ внѣ-брачно съ такимъ-то, служащимъ подѣ вѣдѣніемъ вашего превосходительства, двухъ дѣтей, въ чемъ онъ чистосердечно признался при священникѣ такомъ-то, и не получая отъ него ничего на содержаніе сихъ невинныхъ малютокъ, коимъ сама не въ состояніи снискать пропитанія, а потому всепочтительнѣйше прошу побудить его на мнѣ жениться, или по крайности оныхъ моихъ малютокъ обезпечить должнымъ, по средствамъ его, содержаніемъ, вычетомъ части изъ его жалованья».

Она это все написала, а потомъ спрашиваетъ:

— Къ чему это писано?

— А къ сему, говорю, подпишись.

— Но, вѣдь, это доносъ.

— Нѣтъ: это докладная записка.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ, я подпишу. И подписала.

Я взялъ этотъ манускриптъ въ карманъ, надѣлъ новую ряску и пошелъ къ генералу, котораго, какъ вамъ говорю, еще въ малыхъ чинахъ коротко по картамъ зналъ. Отлично шельмецъ съ табелькой игралъ и, вообще, былъ чудесный парень,—любилъ выпить и закусить, и отношенія наши, по полковому, были на «ты».

Конечно, *honores mutant mores*,—можетъ быть, онъ и перемѣнился, но я какъ-то этого не надѣялся и рѣшилъ держаться съ нимъ на прежней ногѣ.

Велѣлъ о себѣ доложить, а самъ сталъ передъ зеркаломъ, чтобы орденки поправить. Но въ это же зеркало и вижу: онъ въ ту же минуту выходитъ, прямо ко мнѣ, крадется и—цалъ сзади ладонями глаза мнѣ и закрылъ.

— Жоздра! говорю,—радость моя,—это ты.

— А ты,—воскликаетъ,—почему узналъ?

— Мудрено ли узнать: кто, кромѣ тебя, можетъ мою священную особу за лицо брать, а къ тому же я и въ зеркало тебя видѣлъ. Давай, поцѣлуемся.—И, говорю, къ тебѣ по дѣлу, Жоздра.

Его Егоровъ величали, но мы его Жоздрою звали, потому что такъ ему одна нѣкогда влюбленная въ него простонародная дѣвица бѣлошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненникъ?

— Есть.

— Повели ему, мой ангелъ, на одной мамзелькѣ жениться.

Онъ расхохотался.

— Что ты это, попъ-чудила,—говорить,—выдумать. Въ моей власти конскія свадьбы, но человѣческіе браки не по моему вѣдомству.

— Нѣтъ, говорю, Жоздра, жизненокъ мой, маточка,—не говори глупостей: у русскаго генерала все во власти! Я иначе не вѣрую. Не огорчай меня, не отказывайся отъ христіанскаго дѣла, повели дураку жениться на дурѣ, чтобы вышла цѣлая фигура, а то мнѣ ихъ и ребяты очень жалко.

Онъ было оиать смѣяться, но я говорю:

— Нѣтъ, ты ангелъ мой, не смѣйся,—это дѣло серьезное. И рассказалъ ему все дѣло.

— Понимаешь ли, говорю, что этого ни въ какой конклавъ нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадалъ, а зачѣмъ страдать, когда ты по-генеральски, одинъ все дѣло поправить можешь.

— Какимъ манеромъ?

— Просто—повели, да и баста, на то ты начальникъ.

— Я выгнать его, говорить, могу, но принудить его жениться не имѣю права.

— Тпру, тпру, тпру, отвѣчаю,—остепенись. Чтò ты это такое выдумалъ? Какъ можно человѣка выгнать, да еще особенно этакого глупаго. Куда онъ безъ казенной службѣмъ годится? Нѣтъ, ты не ожесточай несчастнаго сердца, а просто потребуй его передъ себя и накричи.

— Что же я буду кричать?

— Да что хочешь, только посердитѣе: это все равно. Но если замѣтишь, что отвѣчать хочетъ, этого не допускай,—топни и скажи: молчать.

— И съ тебя этого будетъ довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитесь и чтобы не смѣть отвѣчать.

— Изволь, говорить, уважу,—и съ этимъ позвоилъ, а мнѣ добавляетъ: пойди, тамъ, за ширмой, посиди, покури и послушай, что выйдетъ. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, говорю, никто и не просить ручаться, только сдѣлай свое начальническое дѣло добросовѣстно,—накричи.

Ну, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ все это очень хорошо: какъ тотъ вошелъ, онъ сразу его афранировалъ. Всѣ нынѣшнія жестокія хитрости сентиментальнаго обхожденія откинувъ, прямо ему сочиненною мною докладною запискою мимо носа на землю швырнулъ.

— Знаете ли вы, спрашиваетъ, какая женщина это пишеть?

И чуть тотъ было только ротъ разинулъ, чтобъ сказать: «знаю»,—онъ какъ крикнетъ:

— Молчать! Почему вы на ней не женитесь?

Но прежде, чѣмъ тотъ отвѣтилъ, я ему черезъ ширму пальцами махнулъ, онъ—опять крикнулъ:

— Молчать! Я знать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-и-и-шаю.

— Завтра мнѣ чтобы брачное свидѣтельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-и-и-шаю.

— Вонъ! и до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не смѣть показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нѣтъ.

— Всюпомощствованіе дамъ, а пока... Батюшка!—зоветь меня:—пожалуйте сюда.

Я вышелъ.

— Извольте взять, говорить, этого соблазнителя: онъ дѣвицу соблазнилъ и долженъ немедленно быть съ нею обвѣнчанъ. Прошу васъ исполнить это и завтра же прислать мнѣ его брачное свидѣтельство.

— Слушаю-съ, отвѣчаю. Извольте, молодой человекъ, идти и приготовьте разрѣшеніе начальства. Я за нимъ зайду.

Тотъ вышелъ, а генераль спрашиваетъ меня:

— А что, я какво кричу?

Я его въ обѣ щеки чмокнулъ и говорю:

— Дивно, дивно! но теперь доверши свою работу: сплавь ихъ отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь въ провинцію отдѣльную должность занимать.

— Это для чего?

— Да онъ тамъ успокоится и съ простыми людьми въ разумъ придетъ.

И въ этомъ успѣлъ. Такъ я ихъ въ одинъ день развелъ, а на другой день обвѣнчалъ; съ малымъ униженіемъ по числу оглашеній, и свидѣтельство выдалъ, а черезъ недѣлю и на службу ихъ выпроводилъ. Онъ ничего и понять не могъ. Однако пробовалъ меня пугать.

— Вы отвѣчать, говоритъ, будете.

— Ну это, молъ, не твое дѣло: мнѣ начальство приказало вѣнчать, а я власти покоренъ.

Такъ онъ и сейчасть настоящимъ образомъ всего не понимасть, а живутъ, судьбою довольны и назадъ не просятъ,—думаютъ, небось, что они въ самомъ дѣлѣ законопреступно обвѣнчаны, да, чай, и акушерки боятся.

— А что же, акушерка не приходила?

— Къ кому?

— Къ вамъ.

— Какъ же,—приходила. Я ее къ пѣвцу отправилъ.

— И послѣ не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ одинъ разъ у пристава на крестинахъ.

— Что же она: сердилась?

— Н-н-нѣтъ. Понскала вчерашняго дня и увидала, что она дура.

— «Отличную, говоритъ, батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли».

— А что такое?

— «Да то, что я по ихъ милости все равно, какъ будто вмѣсто кадрили вальсъ протанцовала».

— Ну, что дѣлать, когда-нибудь утѣшитесь, вмѣсто вальса кадрили протанцуете. На кого же ей сердиться?

— Просто невѣроятно!

— Вотъ то-то и есть. А поведите-ка все это черезъ настоящія власти,—какая бы кутерьма поднялась, а путнаго

ничего бы не вышло, потому что законъ и высокое начальство, стоя превыше людскихъ слабостей, къ глупости человѣческой снисхожденія не могутъ оказывать, а мы, малые люди, можемъ, да и должны. Дурачки, да наши. Что жъ ихъ хитрецамъ въ обиду давать? Надо ихъ пожалѣть. Поживуть съ наше—и они обумнѣютъ,—тоже людей жалѣть будутъ. Но довольно мнѣ вамъ эти сказки сказывать. Я ужь очень разболтался, пойду—посмотрю, что мнѣ въ мотѣ написали.

— Да, говорю, это и впрямь все отдасть сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да посвистывай... «Патока съ инбиремъ, ничего не разберемъ, а ты дядя Еремѣй, какъ гораздъ, такъ разумѣй».

Собесѣдникъ мой подаль мнѣ руку, которую я придержалъ и спросилъ:

— Но неужто же у насъ никто не можетъ помочь вмѣсто всей этой городьбы прямую улицу сдѣлать?

— А объ этомъ намъ еще ничего неизвѣстно. Впрочемъ, никогда, ни въ чемъ не должно отчаиваться: одна набожная старушка въ дѣтствѣ меня такъ утѣшала: все, говорила, можетъ, поправиться, ибо «рече Господь: аще могу—помогу». Гдѣ она это вычитала,—я тоже не знаю, но только она до ста лѣтъ благополучно дожила съ этимъ уцованіемъ, чего я и вамъ отъ души желаю.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ.)

Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечеркомъ.
А. Фетъ.

«Одни представляли ее себѣ въ видѣ женщины, отравляющей воду, другою— въ видѣ запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

С. Смирнова («Нов. Вр.» 18 ноября 1892).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Остроумная писательница, изъ послѣдняго литературнаго этюда которой я выписалъ этотъ эпиграфъ, обрисовываетъ дѣло чрезвычайно вѣрно. Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, появилась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и разномысліе, что надо дѣлать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

Слѣдуетъ добавить, что народъ не только такъ «думалъ», но онъ пробовалъ и приводить это въ дѣйствіе. Нѣсколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы дѣлу, были сами убиты.

Это случилось, говорятъ, оттого, что простымъ людямъ всего своевременно и терпѣливо не объяснили и, главное, не показали имъ нигдѣ эту самую «запятую», чтобы они видѣли, какъ она имъ вредитъ. Это, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо было бы показать, но только сдѣлать

это было очень трудно: запятая видна только подъ микроскопомъ, а въ слободахъ и селеніяхъ, гдѣ живетъ «народъ по преимуществу», микроскоповъ (или «мелкоскоповъ») нѣтъ. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услышалъ про «запятую», вѣсти о ней показались сомнительными. Народъ довольно приученъ не вѣрить ученымъ, и онъ смекнулъ, кому эта выдумка о «запятой» могла быть выгодна, и порѣшили наказать лѣкарей за ихъ выдумку.

Въ столицахъ, гдѣ образованность несравненно выше, наукѣ оказано совсѣмъ иное довѣріе: здѣсь запятую видѣли увеличенную подъ микроскопомъ, засушенную и выставленную на окнѣ «въ квартирѣ извѣстнаго журналиста, живущаго на окраинѣ города». Объ этомъ было напечатано въ петербургской газетѣ, особенно слѣдящей за разнообразными явленіями столичной жизни.

«Журналистъ, проживающій на окраинѣ», демонстрировалъ «запятую» множеству людей, между которыми были особы достопримѣчательнаго положенія. Видъ козявки всѣхъ удивлялъ; большинство людей отбѣгали отъ нея въ страхѣ, и лишь немногіе поддавались успокоительнымъ увѣреніямъ журналиста, что «запятая обезврежена», и тогда брали ее въ руки.

Такъ образованнымъ жителямъ столицы не было никакого труда увѣровать въ «запятую»; но слободскимъ и деревенскимъ мужикамъ никто этого не показалъ, и они въ запятую не повѣрили и до сихъ поръ еще не вѣрятъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказанный случай съ «увеличенной запятой» газета объясняла такъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, «купилъ шутки ради курьезную японскую козявку», а когда одинъ генераль спросилъ его: что это такое?— онъ, по вдохновенію, сказалъ, что это «увеличенная и засушенная запятая». Генераль этому повѣрилъ, а журналистъ сталъ пробовать: неужто и другіе образованные люди могутъ вѣрить такой очевидной нелѣпости. И оказалось, что *все этому вѣрили!*

Если сопоставить то, что замѣчено г-жею Смирновой насчетъ несоотвѣтствія народныхъ взглядовъ на «запятую», съ тѣмъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, обнару-

жилъ въ людяхъ высшаго порядка, то выйдетъ, что степень легковѣрія и безразсудства на томъ и на другомъ концѣ общественной лѣстницы получается какъ бы одинаковая; но вверху дѣйствуетъ козявка засушенная, а по низамъ ползеть что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое замѣняло и замѣняетъ засушенную «заплату» въ народѣ? Я попробую показать эту штуку такъ, какъ я ее видѣлъ.

Тургеневъ изобразилъ, какъ говорить съ простолюдиномъ интеллигентъ и раскольниковъ начетчикъ. У перваго все умно направлено къ дѣлу, а второй вертитъ «яко» да «еще», и смотришь — этого слушаютъ, а того нѣтъ. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой братъ сказалъ: «граю и воропаю». Я самъ помню, какъ въ давнія времена въ Кіевѣ польскій актеръ Рекановскій игралъ роль въ какой-то малороссійской пьесѣ, гдѣ послѣ происшедшаго въ семьѣ горя жена начинаетъ выть, а мужъ бросаетъ ее за руку на полъ и говоритъ: «Мовчи, бо скорбь велика!» И послѣ этихъ словъ настала пауза, и театръ замеръ, а потомъ изъ райка кто-то рыдающимъ голосомъ крикнулъ: «Эге! це не вагъ Шекспыр!» И мнѣніе о Шекспирѣ было понижено до безконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже прѣстое», чтобы было въ ихъ вкусѣ — съ дымкомъ и съ грязью, даже, пожалуй, съ дуриной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣтомъ 1892 года я жилъ на морскомъ берегу въ Шмеккѣ. Тяжко больной, я былъ далекъ отъ личнаго участія въ дѣлахъ, и даже равнодушно читалъ въ газетахъ энергичскіе приказы генерала Баранова, но потому мнѣ стало интересно сравнивать ихъ съ приказами другихъ администраторовъ, которые ему подражали и блистали только отраженнымъ или заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ этой литературы я узнавалъ, что появились люди, которые распускаютъ вредные слухи о болѣзни, и что нижегородскій генералъ такихъ людей сбьетъ розгами и можетъ когда угодно повѣсить.

Мѣры генерала Баранова «въ наказаніи разговоровъ» производили въ большой публикѣ впечатлѣніе не особенно

сильное и неясное; многие не могли взять въ толкъ: отчего одного разговорщика довольно только высъчь, а другого надо еще отдать въ санитары, а третьяго—«повѣсить» или, по простонародному выраженію, «удавить». Какое тутъ «распредѣленіе всеобщей провинности»? Многие думали, что все это послѣдовательно будетъ сдѣлано надъ каждымъ охотникомъ разговаривать, т.-е. что разговорщика сначала высъкутъ, потомъ опредѣляютъ «горшокъ выносить», а потомъ уже, когда онъ станетъ ни къ чему неспособенъ, тогда дадутъ ему глухую исповѣдь и удавятъ на площади. О самомъ повѣшеніи тоже разнорѣчили: одни были увѣрены, что «вѣшать будутъ только для испуга публики», а потомъ «курьера выпустятъ съ прощадю», а другіе увѣряли, что «это не для шутки, и никакой прощады не будетъ, а удавятъ какъ слѣдуетъ», отъѣна же противъ обыкновенія будетъ только въ томъ, что, «по удавленіи разговорщика, отдадутъ онаго родственникамъ для его погребенія». Возникалъ тоже вопросъ о женщинахъ: «какъ такую съчь, если разговариваетъ, а сама беременна?» По множеству всѣхъ этихъ сомнѣній мы съ толку сбились и спрашивали разъясненій у четырехъ отставныхъ губернаторовъ, которые въ это лѣто ходили у насъ по пляжу, но они были заняты своимъ положеніемъ и говорили, что ничего не понимаютъ.

Видааясь со своими сосѣдами — кузнецомъ, лавочникомъ, лѣсникомъ—и съ своими домохозяевами, я замѣтилъ, что они недоумѣваютъ: «Какія же это вредныя слова бываютъ?» Этого имъ никто объяснить не могъ, а имъ это было очень нужно знать.

— Вѣдь вотъ,—говорили они: — можетъ случиться что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь въ необъясненіи случая, и скассируютъ на-смерть! Мы не можемъ узнать агитатора!

Это такъ говорилъ лавочникъ, образованный и краснорѣчивый человекъ, съ ораторскими дарованіями котораго мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидѣлъ лавочникъ, то и на самомъ дѣлѣ отчасти случилось.

Разъ, когда я шелъ домой лѣскомъ изъ Мерекюля, нагоняетъ меня няня изъ одного моего знакомаго семейства и говорить, что «въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не вѣрила, и напо-

минаю ей про опасность отъ генерала Баранова; но она не обращаетъ на мои предостереженія никакого вниманія и говоритъ, что то, что она знаетъ, это тоже произошло отъ генерала.

— Ну,—говорю я:—если отъ генерала, то въ такомъ случаѣ рассказывайте, что вамъ извѣстно... Но только, смотрите, увѣрены ли вы, что это точно отъ генерала?

— Отъ генерала.

И она рассказала исторію, которую я здѣсь передамъ съ возможною точностью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Живетъ у рынка отставной генераль. Отъ команды отставленъ, но военныхъ правъ не лишенъ и ходитъ въ военномъ образѣ съ поперечиной. На дачу онъ не любитъ ѣздить, а остается въ Петербургѣ, потому что веселаго характера и любитъ разѣзжать по знакомымъ, а вечеромъ на закатъ солнца смотритъ и слушаетъ, какъ поютъ французенки. Онъ пожилой, но очень веселый, и все бы ему съ дамами да съ красотками; а жена у него старушка, съ нимъ не живетъ. Прислуги у него три человѣка, мужчины: камердинеръ, поваръ и буфетчикъ, и всѣ ему вѣрные, потому что имъ жить у него прекрасно; гости часто въ карты играютъ и приходимыя красотки жалуютъ, и тогда уже ни въ чемъ нѣтъ сожалѣнія. И теперь же, на этихъ дняхъ, поѣхалъ этотъ генераль въ «Аркадію» или «Ливадію» и пробылъ тамъ до послѣдняго времени, а потомъ поѣхалъ домой въ простомъ намѣреніи раздѣться, Божинькѣ помолиться и бай-бай заснуть; но только-что онъ хотѣлъ въ дверь свой ключъ вставить, какъ вдругъ заята! Сама дверь распахнулась, и на него вылетаетъ оттуда его буфетчикъ, блѣдный какъ шутъ Пьеро, и лопочетъ незнамо что.

Генераль подумалъ, что, вѣрно онъ немножко выпилъ, или тоже приходимую крошку ожидаетъ, а тотъ ему отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; а у насъ огромное несчастіе: вашего камердинера умирать увезли». Генераль разсердился. «Какъ, безъ меня? Какъ смѣли?.. Говори скорѣй, какъ это сдѣлалось?»

Буфетчикъ дрожитъ и путается языкомъ, но рассказалъ, что камердинеръ, проводивши генерала, совсѣмъ былъ здо-

ровъ и ходилъ на рыбный садокъ, себѣ рыбу купилъ, а потомъ пошелъ къ графу Шереметеву къ второму регента помощнику сѣвѣку слушать, а оттуда на возвратѣ встрѣтилъ приходимую бѣдную крошку и принялъ ее и съ нею при открытомъ окнѣ чай пилъ, а когда пошелъ ее провожать, то вдругъ сталъ себя руками за животоъ брать, а дворники его тутъ же подхватили подъ руки, а городской засвиристѣлъ—и увезли. Онъ не хотѣлъ ѣхать и не давался,—кричалъ:

— Прощайте, други!. Ваше превосходительство, заступитесь! Но они его усадили и неизвѣстно куда увезли.

— Ахъ, несчастный!--сказалъ генераль и, растроганный до слезъ, сейчасъ же поѣхалъ къ оберъ-полицеймейстеру. Но его тамъ не приняли; говорятъ: «Есть пріемные часы—тогда можете!» Онъ—къ приставу, и приставъ нѣтъ. «Гдѣ же онъ?»—«Помилуйте,-- говорятъ,--по участку ходитъ!»—«Кого же я могу видѣть?»—«А вотъ дежурный за стѣнкой». Выходитъ изъ-за стѣнки дежурный офицеръ, застегиваетъ на себѣ мундирный сюртукъ и спрашиваетъ: «Что угодно?»

Генераль ему все и передаетъ: «Такъ и такъ, мой камердинеръ, на рукахъ котораго вещи, серебро и весь домъ, а его въ мое отсутствіе взяли и увезли безъ извѣщенія меня, какъ будто какого-нибудь учебнаго разсуждателя. Прошу мнѣ его сейчасъ возвратить».

А полицейскій говоритъ: «Я этого не могу, потому что его у насъ нѣтъ; мы его еще въ двѣнадцатомъ часу въ больницу отравили».

Генераль обругалъ его какъ не надо хуже и вскочилъ опять на извозчика и все извозчика послѣ этого вслѣдъ скорѣе подгоняетъ.

А извозчикъ догадался, для чего онъ ѣздитъ, и говоритъ:

— А осмѣлюсь спросить: котораго часа вашего человѣка взято?

Генераль говоритъ:—О полночи.

— Ну, такъ теперь,—говоритъ,—ему уже аминь.

— Что ты вздоръ говоришь!

— Помилуйте, какой же вздоръ! — Теперь они ему уже струменцію запустили.

— Ты глупости говоришь.

А извозчикъ полуоборотился и крестится рукой, а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу, ей-Богу,—говоритъ:—вѣдь они теперь всѣхъ струменціей пробуютъ. Сначала начнутъ человѣка въ ванной шпарить и кожу долой стирать и притомъ въ ротъ лѣкарства льютъ; а которые очень крѣпкаго сложенія и отъ лѣкарства не могутъ умереть, тѣмъ послѣднюю струменцію впускаютъ—и этого ужъ никто не выдержитъ.

Генераль же думаетъ: вретъ извозчикъ,—бросилъ ему деньги, а самъ вбѣжалъ въ больницу и вскричалъ:

— Попросить ко мнѣ старшаго доктора! Кто здѣсь старшій докторъ?

Старшій докторъ выходитъ—этакій въ заспанномъ видѣ и никакого особеннаго вниманія не обращаетъ, а спрахвола спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Генераль ему отвѣчаетъ живо и бойко и рукой простираетъ, что вотъ такъ и такъ: «Я, говоритъ, въ нынѣшнемъ лѣтѣ на дачу не переѣзжалъ и остался въ городѣ»... А лѣкаръ его перебиваетъ: «Вы, говоритъ, пожалуйста, покороче, а то мнѣ изъ отдаленныхъ началъ слушать некогда»...

Генераль немножко разсердился и говоритъ: «Я вамъ пачинаю такъ, чтобы было понятно. Я вечеромъ человѣка въ цвѣточный магазинъ послалъ за букетомъ и оставилъ его въ цвѣтущемъ видѣ, и онъ еще послѣ меня пошелъ на садокъ и сивку слушалъ».

Но лѣкаръ опять перебиваетъ: «Ваше превосходительство, мнѣ, говоритъ, некогда! Нельзя ли, въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ томъ,—говоритъ генераль:—что этого человѣка взяли и увезли, и онъ у васъ, а я желаю его къ себѣ взять.

Старшій докторъ обернулся къ фельдшеру и говоритъ:

— Справься!—А тотъ справился и сразу отвѣчаетъ:

— Есть!

— Что же онъ?

— Умеръ.

Докторъ говоритъ:—Вотъ и можете получить.

Генераль и осомлѣлъ.

— Что это такое?—говоритъ.—Я не вѣрю... Всего нѣсколько часовъ тому назадъ человѣкъ былъ полный жизни...

А докторъ говоритъ:— Это и очень часто такъ бываетъ. А впрочемъ, пожалуйста, служитель васъ проведетъ и его покажетъ!—и велѣлъ служителю:—Проводи генерала!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Служитель привелъ генерала въ мертвецкій покой; но тутъ покойниковъ нѣсколько и еще на нихъ только нумерки лежать, а нѣтъ никакого воззванія, и по лицамъ отличить нельзя, потому что всѣ лица почернѣвшія, и руки отъ судорогъ въ перстахъ сдерганы такъ, что не то благословеніе дѣлаютъ, не то растопыркою кызу представляютъ.

Генералъ и говоритъ:— Я такъ не могу своего человѣка узнать! Мнѣ пусть покажутъ!

Служитель побѣжалъ въ контору, спросить, подѣ какимъ оный нумеромъ, а генералъ остался и замѣчаетъ, что сзади его кто-то вздохнулъ. Видитъ, это читальщикъ, человѣкъ степенный, въ очкахъ, въ углу стоитъ, но не читаетъ, а на него сверхъ очковъ смотритъ и, какъ генералу показалось,—съ сожалѣніемъ.

Генералъ его и спросилъ:

— Что, старина, съ сожалѣніемъ смотришь?

— Да,—говоритъ,—ваше превосходительство.

— Жутко, я думаю, и тебѣ въ этакомъ адскомъ мѣстѣ?

— Да,—говоритъ,—но главное дѣло, что мнѣ утромъ всегда шить очень хочется, а тутъ нигдѣ лавчонки нѣтъ. Въ другихъ больницахъ, которыя строены въ порядкѣ домовъ, это хорошо: тамъ сейчасъ, какъ дождень утра, такъ и выбѣжишь: квасу или огуречнаго разсолу выпьешь, и оживетъ душа; а тутъ эта больница на площади... ни одной лавки вблизи нѣтъ... Просто, ей-Богу, даже ротъ трубкой сталъ.

Генералъ вынулъ два пятиалтынныхъ и говоритъ:

— Сходи, за моего усоннаго чайку въ трактирѣ напейся.

Читальщикъ, разумѣется, доводенъ и благодаритъ.

— Видно,—говоритъ,—вамъ дорогой человѣкъ былъ?

— Да, братецъ! Я бы ста рублей не пожалѣлъ, чтобы его поставить.

А читальщикъ ему и шепчетъ:

— Какъ же ихъ поставить! У нихъ ужъ всѣ чувства убиты и нульсы заморены, потому что, вѣдь, струменцію-то

ставятъ подъ самую мышку, а въ пяткахъ подъ щиколоткой еще и послѣ смерти пульсы бьются.

Читальщикъ это сказалъ и ушелъ, а генераль евоинный намекъ, на что онъ намекалъ,—понялъ, и какъ служитель вернулся и сказалъ, подъ которымъ номеромъ камердинеръ лежитъ,—тотъ ему говорить:

— Хорошо, братецъ, я надъ нимъ здѣсь останусь, а ты поди и сейчасъ мнѣ батюшку попроси, — я хочу панихиду отиѣть.

Служитель опять побѣждалъ, а генераль зажегъ читальщикову свѣчку да прямо покойника огнемъ подъ пятку... Тотъ вразъ и вскочилъ, а генераль его сейчасъ на извозчика да домой, а потомъ въ баню, а другого чловѣка, буфетчика, къ этимъ же докторамъ съ письмами послалъ—къ старшему и къ двумъ его главнымъ помощникамъ,—чтобы пришли къ нему его самого лѣчить.

Тѣ и рады: думаютъ, генераль съ состояніемъ, тутъ ужъ мы хорошо попользуемся! И притомъ же они были напугавшись, куда отъ нихъ изъ мертвецкой мертвый дѣлся; весь лишній форсъ съ себя сбросили и пришли.

А генераль велѣлъ, чтобы какъ они придутъ и сядутъ, такъ чтобы сейчасъ открыть изъ другой комнаты дверь и чтобы камердинеръ, во фракѣ, съ большимъ подносомъ чаю въ рукахъ входилъ.

Доктора, какъ это увидали, такъ всѣ трое съ креселъ на полъ и упали. А генераль выхватилъ пистолеть и одному и другому помощникамъ груди прострѣлилъ, а старшаго доктора выстуккой подкинулъ и началъ трепать его со щеки на щеку, а послѣ, какъ уморился, говорить: «Иди теперь, жалуйся».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И когда няня dokonчила мнѣ этотъ разсказъ, она добавила съ радостью: «вотъ какъ!»—и я удивился. Она была женщина оытная, понятливая и осторожная, такъ что во всякомъ дѣлѣ обмануть ее было не легко, и неужели же этой нелѣпости она вѣрила?

Да, она вѣрила, или, если и не вѣрила, то *хотѣла, чтобы это было такъ*, потому что это ей было *во вкусъ*.

И съ нею вступилъ въ пререканіе, приводилъ ей самыя простыя соображенія и доказательства того, что такое

происшествіе совершенно невозможно. Она все слушала и со мною соглашалась, но вслѣдъ за тѣмъ съ усиленнымъ самодовольствомъ добавляла:

— Ну, однако, генераль докторовъ все-таки угостилъ, какъ заслужили! И вотъ такъ бы и всѣхъ ихъ стѣло.

— Да за что же? Какая имъ выгода морить людей?

— Вотъ, вотъ, воты!.. Вотъ это-то отъ нихъ и надо узнать! И узнаютъ...

Мнѣ чувствуется, что эта женщина — заодно съ тѣми, которые думаютъ, что надо убить не «запятую», а докторовъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Любопытствую у ея госпожи, у которой она служить двадцать лѣтъ и воспитала ей «гвардейцевъ». Спрашиваю: не слыхали ли, какіе нияя пустяки рассказываетъ о генералѣ?

— О, — отвѣчаетъ мнѣ дама: — это она уже давно говорить... А впрочемъ, вѣдь это и всѣ рассказываютъ.

— Какъ всѣ?

— Да вотъ и у X, и у Y, и у Z дѣвушки говорили мнѣ то же самое, да и ваша Саша.

— Что такое — моя Саша?

— Она тоже говорить то же самое.

А «моя Саша» — молодая дѣвушка, восемнадцати лѣтъ, которая «тиха не по лѣтамъ» и которую всѣ зовутъ «мокрою курицей». Что же она можетъ говорить?

Но оказывается, что и она дѣйствительно знаетъ о генералѣ и его камердинерѣ, и о приходимой красоткѣ, — и сама, хоть она «мокрая курица», но очень весело сочувствуетъ тому, что «лѣкарей надо бить».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захожу на другой день къ лавочнику посидѣть у его лавки. Лавочникъ, — человекъ молодой, очень пріятный и обладаетъ совершенно непосредственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ «изъ поваровъ», кротокъ, благовоспитанъ и благоувѣливъ; имѣетъ нѣжное сердце, за которое и претерпѣваетъ. Онъ «прибыль къ здѣшней предмѣстности» тоже при генералѣ, у котораго ему было «хорошо наживать», но влюбился въ «этой предмѣстности» въ красивую эстонскую дѣвушку, и они «подзаконились». Отсюда начался «переломъ его жизни»: у нихъ вдвоемъ было пятьдесятъ рублей капитала, и на этотъ капиталъ они повели разностороннюю

дѣятельность: онъ снялъ сельскую лавчонку, а она стала заниматься стиркою бѣлья. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и они во все это время неутомимо старались устроиться, и кое-чего достигли: у нихъ уже трое дѣтей и всѣ прехорошенькія, но весь основной капиталъ ушелъ въ предпріятія. Теперь они живутъ только однимъ оборотомъ и, кажется, сами удивляются: какъ до сихъ поръ ихъ отсюда не выгнали, или они не умерли съ голоду? Но ихъ любовь и нѣжное и страстное «другъ ко другу стремленіе» не охлаждаютъ, и потому лица ихъ, равно какъ и личики ихъ дѣтей, всегда веселы и пріятны. Видѣть эти счастливыя лица—удовольствіе.

Спрашиваю я этого коммерсанта: не слыхалъ ли онъ исторіи о воскресшемъ генеральскомъ камердинерѣ, о которомъ будто бы всѣ говорятъ? Лавочникъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Кажется, будто что-то слышалъ.

— Да вѣдь это же,—говорю,—нисколько не похоже на правду.

— Не знаю, какъ вамъ изъяснить въ опредѣленіи факта; но мнѣ, впрочемъ, это и ни къ чему... Ну ихъ!

А во мнѣ уже разыгрывается подозрительность, что и этотъ мой собесѣдникъ тоже не чистосердеченъ и что онъ тоже не за докторовъ, а за запятую; но поговорили мы дальше, и на душѣ становится яснѣе: лавочникъ оказывается человѣкомъ совершенно объективнымъ, и даже самъ называетъ уже «исторію» *исторію* и припоминаетъ, что «эта глупость пошла словно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить *порціонный мужикъ*».

Слово это касается въ первый разъ моего слуха, и я спрашиваю: что это такое—порціонный мужикъ?

— А это,—отвѣчаетъ,—я такъ его прозвалъ.

— За что же?

— Да ужъ малъ онъ очень, совершенно цыпленокъ или порціонная стерлядка, которую дѣлить нельзя, а надо всю сразу съѣсть... Амкнулъ—и нѣтъ его... Да неужели вы его не видали?

— Не видалъ.

— Да вонъ онъ!

И тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ, и вѣроятно съ тѣмъ, чтобы никогда его не забыть; но такъ какъ это ви-

дѣние стѣбитъ того, чтобы передать его въ точности, то я долженъ обрисовать и рамку, въ которой оно мнѣ показалось.

Шмеецъ—это длинная береговая линія домиковъ, соединяющая Устье-Нарсвы, или Гунгербургъ, съ мерекюльскимъ лѣсомъ, за которымъ непосредственно начинается и самъ знаменитый нѣкогда Мерекюль,—нынѣ довольно демократизованный или «опрощенный».

Мѣстоположеніе такое: море, за нимъ полоса плотно уложеннаго песку (plage), за плажемъ береговая опушка изъ кустовъ и деревьевъ, и тутъ построены дачи или домики, а мимо нихъ пролегаетъ шоссированная дорога и за нею лѣсъ, довольно сырой и довольно грязный.

Лавчонки, такъ же какъ и домики, построены лицомъ къ дорогѣ, за которою начинается лѣсъ. А потому, когда лавочникъ, рассказывавшій мнѣ о «порціонномъ мужикѣ», заключилъ свои слова указаніемъ: «вонъ онъ!»—я прежде всего взглянулъ прямо передъ собою на лѣсъ, и первое, что мнѣ представилось, навело меня не на ближайшую дѣйствительность, а на отдаленное воспоминаніе о годахъ, когда я жилъ также противъ лѣса и, бывало, смотрю на этотъ лѣсъ долго и все вижу одни деревья, и вдругъ сидитъ заяцъ, подгорюнился и ушки ставитъ, а у меня сейчасъ, бывало, является охотничья забота: чѣмъ бы его убить? И въ это время что-то около себя хватаешь, а опять взглянулъ—зайца ужъ и нѣтъ!

Теперешнее видѣніе было совершенно въ этомъ родѣ: на сѣро-зеленомъ, туманномъ фонѣ стояло что-то маленькое и грязно-розовое; но прежде, чѣмъ я могъ хорошо рассмотретьъ, что это такое, оно уже и снигло.

— Бойтся,—проговорилъ лавочникъ.

— Чего же онъ бойтся?

— Запуганъ, знаете... бѣдность... Смотрите, смотрите! Вонъ онъ гдѣ, ниже на дорожку выходитъ.

И съ этимъ лавочникъ заложилъ себѣ за губу два пальца и пронзительно свистнулъ.

Порціонный мужикъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Иди-ка сюда, Лишенный!—позвать его лавочникъ.

«Лишенный» къ порціонному мужику прилагалось въ родѣ обозначенія званія: такъ теперь зовутъ административно «высланныхъ» или «лишенныхъ столицы».

Мужиченко молча вернулся и пошелъ, и по мѣрѣ того,

какъ онъ ближе къ намъ подходилъ, я могъ явнѣе его разсматривать. Лѣтъ его нельзя было опредѣлить съ точностью; у него такое лицо, что ему можетъ быть между 20 и 50. Ростъ крошечный, какъ ростъ пятнадцатилѣтняго мальчика; худъ точно скелетъ, но обтянутый не кожей, а вылинявшею и вывѣтренной набойкой; губъ нѣтъ вовсе,—открыты два ряда превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ; носъ тоненькій и свернувшійся какъ корешокъ у сухой фиги; два глаза небольшие, круглые, какъ у птицы, и оба разнаго цвѣта, какъ у знаменитаго Анастасія Дирахита: въ одномъ глазѣ зрачокъ чистый, голубой, а въ другомъ весь испещренъ темными штрихами и крапинами, и оттого кажется коричневымъ; бороденка и волосы на головѣ—это все какіе-то клочья. На головѣ шапки нѣтъ, босъ и почти-что нагъ, потому что весь уборъ его состоитъ изъ портокъ и рубашки: портки изъ набойки, изношенныя до лепестковъ; они спускаются только немножечко ниже колѣвъ и оканчиваются «бахмарою». Рубашка была когда-то изъ розовой нестриади, но теперь это одна розовая грязь.

Гейне видѣлъ въ Пиренеяхъ надъ бездною ницаго-испанца, который былъ покрытъ лохмотьями, и «у него глядѣлась бѣдность въ каждую прорѣху; изъ очей глядѣла бѣдность», но «исхудалыми перстами онъ щипаль свою гитару» *). И описаніе этой бѣдности разрывало душу людей чувствительныхъ и добрыхъ, а испанецъ все-таки былъ «въ лохмотьяхъ» въ тепломъ климатѣ, и у него была еще «своя гитара»...

Западные писатели совсѣмъ не знаютъ самыхъ совершенныхъ людей въ этомъ родѣ. Порціонный мужикъ былъ бы моделью получше испанца съ гитарой. Это былъ не человекъ, а какое-то движущееся ничто. Это сухой листъ, который оторванъ гдѣ-то отъ какого-то ледащаго дерева, и его теперь гонить и кружить по вѣтру, и мочить его, и сушить, и все это опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далѣе...

И видишь его, и не разумѣешь: въ чемъ же есть смыслъ этого существованія?

«Господи! чтѣ сей самъ или родители его согрѣшили, и какъ проявятся въ немъ дѣла Божіи?!» Неужели, если бы

*) «Атта-Троль».

птицы исклевали его въ зѣряѣ, или если бы камень жернов-
вый утопилъ его въ дѣтствѣ — ему тогда было бы хуже?

Конечно, «вѣсть Господь, чего ради изнемождаетъ плоть
сыновъ человѣческихъ», но человѣку все-таки будетъ
«страшно за человѣка»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Онъ подошелъ и сталъ, и никому не сказалъ ни слова...
Босыя ноги его все въ болотинѣ, волосы шевелятся... И
близорукъ, но я вижу, что тамъ дѣлается. Руки его висятъ
вдоль реберъ, и онъ большими перстами загнулъ ихъ за
веревочку, которою подпоясанъ. Какія бѣдныя, несчастныя
руки! Онѣ не могли бы щипать гитару... Нѣтъ, это какія-
то увядшія плети тыквы, которую никто не поливалъ въ
засуху. Глаза круглыя, унылыя и разнаго цвѣта — они не
глядятъ ни на что въ особенности, а замѣтно, что они все
видятъ, но ему ничто не интересно. За щеками во рту онъ
что-то двигаетъ; это ходитъ у него за скулою какъ орѣхъ
у бѣлки.

Съ этого и началась бесѣда.

Лавочникъ спросилъ у него:

— Что ты, Лишенный, во рту сосешь?

Онъ плюнулъ на ладонь и молча показалъ мѣдный грошъ,
и сейчасъ же опять взялъ его въ ротъ вмѣстѣ съ слюнями.

— Хлѣба купить желаешь?

Порціонный отрицательно покачалъ головою.

Лавочникъ въ его же присутствіи наскоро изъяснилъ о
немъ, что онъ «изъ-за Москвы», — «оголѣлъ съ голоду»: чей-то скотъ пригналъ въ Петербургъ и хотѣлъ тамъ
остаться дрова катать, чтобы домой денегъ послать, но у
него въ почлежномъ пріютѣ какой-то странникъ укралъ
пятнадцать рублей и скрылся, а онъ съ горя ходилъ безъ
ума и взять и высланъ «съ лишеньемъ столицы», но не
вытерпѣлъ и опять назадъ прибѣжалъ, чтобы свои пятнад-
цать рублей отыскивать.

И когда рассказъ дошелъ до этого, порціонный отозвался;
онъ опять выплюнулъ на руку грошъ и сказалъ:

— Теперь уже не надо.

Голосъ у него тоненькій и жалостный, какъ у больныхъ
дѣвочекъ, когда онѣ обмогаются.

— Отчего же не надо?

— Дѣтки померли...

— Развѣ ты письмо получилъ?

— Нѣтъ; журавли летѣли да пѣли.

— А гдѣ же твоя жена?

— Къ слѣпымъ пошла. Слепымъ-то вѣдь хорошо жить: имъ подають... имъ надо стряпать...

Мы всѣ замолчали,—кажется, мы всѣ страдали, а *онъ*, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше; но лицо его не выражало *ничего!*

— Убитый человекъ!—прошептала нищій-лавочникъ:— въ разсудкѣ рѣшается,—и подаль ему булку.

Тотъ ее взялъ, не поблагодаривъ, сунулъ за локоть, и опять опустилъ руки вдоль реберъ.

— Съѣшь!—сказалъ лавочникъ.

Мужикъ не отвѣчалъ, но взялъ булку въ руку, подержалъ и даже что-то съ нея хотѣлъ счистить и опять туда же сунулъ, за локоть.

— Не хочешь ѣсть?

— Не хочу... дѣтямъ снесу.

— Да дѣти вѣдь померли!

— Ну, такъ что-жь... Имъ тамъ дадутъ, въ раю, по яблочку.

— Ну, да; а ты булку самъ съѣшь.

Мужикъ опять взялъ булку въ руки, опять снялъ съ нея то, что ненадлежаще явилось, и затѣмъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ; все-таки пуцай лучше дѣтямъ.

Лавочникъ посмотрѣлъ на него,—вздвигнулъ плечами и прошептала:

— Господи! тоже и родитель еще называется!

Мужикъ это услышалъ и повторилъ:

— Родители.

— И всѣ чувства къ семьѣ имѣешь?

— А то какъ же!

— А какое твое впередъ стремленіе?

— Не знаю.

— Расскажи барину, какъ генераль докторовъ билъ. Баринъ тебѣ тоже на хлѣбъ дастъ: можетъ-быть, въ Парву съѣздишь, а тамъ какую-нибудь работу найдешь.

И порціонный сейчасъ же началъ сразу ровнымъ, тихимъ голосомъ всю ту исторію, которую я передалъ уже со

словъ своей знакомой няни, но только порціонъ ее излагалъ въ самомъ сильномъ конкретѣ: «Жилъ возлѣ рынка генераль... имѣлъ вѣрнаго слугу-камердинера. Отлучился въ кійтеръ, а вѣрный камердинеръ къ себѣ приходимую кралою принять чай пить... какъ вдругъ ему рѣзь живота... Взяли его и стали надъ нимъ опытъ струментой пробовать, всѣ чувствія угасили, но въ подщиколкѣ еще пульсъ билъ. Генераль его восхитилъ—и въ баню; потомъ позвалъ докторовъ въ гости, а камердинеру велѣлъ войти и чай подать... Тѣ и попадали... А генераль двухъ разстрѣлялъ, а третьяго въ морду набилъ и сказалъ: «ступай, жалуйся!»

Этимъ все и кончилось.

Я далъ мужику два двугривенныхъ и хотѣлъ ему собрать завтра между знакомыми всѣ пятнадцать рублей, которые у него странникъ укралъ. Онъ мои двугривенные кинулъ себѣ въ ротъ (кармановъ у него, какъ у настоящаго праведника, не было). И затѣмъ онъ ушелъ и болѣе уже въ нашихъ мѣстахъ не показывался. Я ужъ думалъ, не повлекъ ли его рокъ въ Нижній за краткой развязкою?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А тѣмъ временемъ прѣзжаетъ съ кѣмъ-то извозчикъ изъ Нарвы и говоритъ, что къ нимъ ждуть генерала Баранова и полкъ артиллеріи.

— Для чего же?

— Да на фабрикахъ,—говоритъ,—очень живой разговоръ пошелъ.

— О чемъ?

— Все объ струментѣ.

А дальше рассказываетъ, что у нихъ дѣло будто уже и разыгралось такимъ образомъ: пошелъ будто у нихъ какой-то докторъ на Нарову купаться, раздѣлся и сталъ при всѣхъ глупость дѣлать: спустилъ на шнурѣ съ мостка въ воду трубку и болтаетъ ее и взадъ, и впередъ водить. Пополоскаетъ-пополоскаетъ и опять вытянетъ, поглядитъ и опять запустить... Люди увидали это и нѣсколько человекъ остановились, а потомъ вскричали ему: «Докторъ, молъ, докторъ! Слышь-ко, оставь, молъ, лучше эту... струментацию! Полю тебѣ ее полоскать!.. Оставь же, молъ; а то нехорошо будетъ!» А онъ не послушался и еще разъ кинулъ. Ну, ужъ тутъ его одинъ по голой плоти хворостиною!

и дернулъ. И стали приставать. «Подай инструментъ, мы его отнесемъ узнать: что тамъ пасажено». А онъ первой же хворостинны испугался и бѣжать, и инструментъ съ собой... Ну, тогда, разумѣется, за нимъ ужъ и многіе рушили, и кони догоняли, тѣ били его; но, слава Богу, что онъ рѣзво бѣжалъ, а если бы онъ на грѣхъ споткнулся, либо упалъ—такъ на-смерть бы убить могли. Докторъ успѣлъ вспрыгнуть на извозчика и въ полицію голый такъ и вкочилъ... Тутъ послѣ и пошли по всѣмъ сходнымъ мѣстамъ и трактирамъ сходиться всѣ фабричныя и ихъ эти тоже приходимыя красотки и пошли говорить по-русски и по-эстонски, для чего же полиція могла скрыть такого человѣка, который не постыдился при всѣхъ въ водѣ черезъ инструментъ микробу выпускать... И теперь безпокойства, и ждутъ, что съ одной стороны выѣдетъ губернаторъ изъ Ревеля, а съ другой вступитъ графъ Барановъ—и начнетъ всѣмъ публиковать свои правила.

«Инструментъ» и «приходимыя красотки» — это прямо отдавало тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго были почерпнуты первые матеріалы для легенды, получившей свое развитіе у насъ на *plage*. Вѣтеръ или вода, значить, занесли «занятую» прежде всего туда, въ наше фешенебельное мѣсто; но тамъ, на *plage*, «занятой» «среда не благоприятствовала», и занятая не принялась, или, культивируясь, вырождалась во что-то мало схожее и постороннее: а вотъ тутъ, когда она попала въ среду ей вполне благоприятную, она «развила свои разведенія».

А что это была именно она, та самая «занятая», которую мы видѣли и не узнали, а еще сунули ей въ зубы хлѣбъ и два двугривенныхъ, то это вдругъ сообразили и л, и лавочникъ. И лавочникъ къ тому имѣлъ еще и «подтвержденіе на фактъ», такъ какъ онъ самъ ѣздилъ на лошади въ Нарву за товаромъ, и когда назадъ возвращался, то порціонный мужикъ самъ явился ему за городомъ: онъ совершенно неожиданно поднялся къ нему изъ мокрой капавки и закричалъ: «Журавли летятъ! Журавли! Аллилуйя!» Но только лавочникъ на этотъ разъ былъ уже умнѣе: онъ теперь зналъ, что порціонный мужикъ—человѣкъ опасный: лавочникъ поскорѣе хлеснулъ лошадь и хлѣба ему не кнулъ, а кнутомъ ему погрозилъ да прикрикнулъ:

— Вонъ графъ Абрамовъ пастушаетъ съ публикацей—онъ тебя удовольствуетъ!

. А на «порціонѣ» какъ разъ, кстати, теперь уже и равныхъ портъ совсѣмъ не было, такъ что и легко было его «удовольствовать»... Но сумасшедшій домъ, однако, могъ бы безъ грѣха укрыть его отъ этого «удовольствія».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ и весь сказъ о запятой. Тутъ налицо все: какаѣ у нея видимость и умственность, что у нея за характеръ и какова она въ словахъ и въ разсужденіи своего вліянія на мозгъ человѣческій. Кажется, ничто особенно хитро не задумано и не слажено: что есть, то все взято безъ всякой пропорціи, не на вѣсъ, а на глазомѣръ или, еще проще, — сколько влѣзло. Во всякомъ случаѣ, всего менѣе попало сюда злого намѣренія и расчета. Этого снадобья тутъ не болѣе, чѣмъ поэзіи Фета, которая участвуетъ въ составѣ преступленія «запятой» только однимъ стихомъ: «Приходи, моя милая крошка». Такимъ образомъ муза поэта, ненавидѣвшаго народныя несуразности, изловлена гдѣ-то въ то время, какъ она гуляла въ ароматномъ цвѣтникѣ или неслась надъ деревнею по воздуху, слетѣвъ съ устъ пѣвицы, «запузыривавшей» за фортепианомъ въ дворянскомъ домѣ. Ахъ, Ахъ. Фетъ вѣрно былъ бы недоволенъ тѣмъ, что сѣрый народъ безъ толку тормозитъ его «милую крошку», но вины Фета въ томъ нѣтъ. Столько же виновата и вся дѣйствительность. Вѣтеръ листъ сухой гоняетъ и треплетъ, и онъ то летитъ, то катится, то гнетъ въ грязи и потомъ опять сохнетъ, и опять изъ темныхъ мѣстъ поднимается. Вотъ это самое дѣйствительное и несомнѣнное; все остальное — зыбь поднебесная, марево, буддійская карма, которая всѣмъ точно снится... Никакого перваго заводчика пѣсни и сочинителя легенды нѣтъ! Порціонный мужикъ, конечно, не сочинялъ «бѣдную крошку». Гдѣ ему! Онъ получилъ ее уже готовую и за горемъ своимъ онъ развивалъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ всѣ другіе импровизаторы... За что же его такъ участь жестока?

О, Господи! жалься надъ нимъ да сошли и намъ просвѣщающую вѣру вмѣсто суевѣрія!

Изъ всѣхъ «запятыхъ» самыя ужасныя тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій.

РАСТОЧИТЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посв. артисту Н. Зубову).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Максимовичъ Молчановъ, молодой купецъ, 30 лѣтъ. Одѣвается по-современному; держится ловко; носитъ бороду.

Марья Парменовна, жена его, 28 лѣтъ.

Пармень Семеновичъ Мякишевъ, тесть Молчанова, купецъ рослый, тяжелый, съ большою просѣдью; одѣвается по-старинѣ.

Анна Семеновна, жена его, кучиха лѣтъ за 40.

Фирсъ Григорьевичъ Князевъ, купецъ лѣтъ 60, бодрый, сдержанный и энергическій. Сѣдые волосы на его головѣ острижены низко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже сѣдая; одѣтъ въ длинный сюртукъ, сдѣланный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. — Первый человѣкъ въ городѣ.

Иванъ Николаевичъ Колокольцовъ, товарищъ Молчанова, 30 лѣтъ, городской голова.

Вонифатій Викентьевичъ Минутка, думскій секретарь, изъ поляковъ.

Калина Дмитриевичъ Дробадоновъ, дядя Молчанова по женской линіи, купецъ очень крупнаго тѣлосложенія, лѣтъ 42; одѣтъ неряшливо.

Иванъ Петровичъ Канунниковъ

Матвѣй Ивановъ Варенцовъ

Илья Сергѣевъ Гвоздевъ

} пожилые купцы и члены Думы.

Марина Николаевна Гуслярова, молодая женщина лѣтъ 27, дочь няньки Ивана Молчанова, воспитанная въ дѣтствѣ въ Молчановскомъ домѣ.

Старуха, мать Марины, слѣпая.

Алеша Босый, помѣшанный, слыветъ юродивымъ; онъ не носитъ никакой обуви и зиму и лѣтомъ ходитъ босой въ одной длинной рубашкѣ.

Спиридонъ Обрѣзовъ, старый ткачъ.

Павлушка Челночекъ, мастеровой.

Служанка въ домѣ Мякишевыхъ.

Алена | слободскія дѣвушкп.
Саша |

Прѣзжій парень.

Двое дѣтей Молчанова.

Фабричныя, купцы и мѣщане, полицейскіе солдаты и квартальный.

Дѣйствіе происходитъ въ 1867 году, въ большомъ торговомъ городѣ:

1-е—въ садовой бесѣдкѣ у Князева.

2-е—въ городскомъ домѣ Молчанова.

3-е—въ домѣ Мякишевыхъ.

4-е—въ паркѣ при Молчановскихъ фабрикахъ.

5-е—въ домѣ Дробадонова.

Между 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ нѣсколько дней, а между 4-мъ и 5-мъ—три мѣсяца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная садовая бесѣдка, обращенная въ лѣтнее жилище Князева и убранныя, какъ кабинетъ достаточнаго чловѣка, но нѣсколько въ старинномъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князевъ (при поднятіи занавѣсы сидитъ за стариннымъ бюро корельской березы и читаетъ письмо). «А къ сему еще и то тебѣ, любезный Фирсъ Григорьевичъ, прибавлю, что у насъ въ столицѣ нынѣ нѣчто совсѣмъ отъ прежняго отмѣнилось, и хотя то и справедливо, что на всякую бодѣзнь свое зелье растеть, только нынѣ аптекъ тѣхъ уже нѣту, гдѣ зелье противу нашихъ немочей приготавлилось. Судь старый рухнулъ, и при новыхъ судебныхъ выдумкахъ я въ дѣлѣ, о коемъ ты пишешь, пособникомъ быть считаю не безопаснымъ. Одно, что могу тебѣ присовѣтовать, то признайся ты питомцу своему Молчанову, въ чемъ грѣшенъ, и ненадлежаще отъ него присвоенное возврати. Иной же коправки сему дѣлу въ нынѣшнія тяжкія времена не ожидай». (*Нетерпѣливо дергая письмо, продолжаетъ скороговоркою*): «Молчановъ пылокъ и добръ, и если ты передъ нимъ, какъ прочіе купцы дѣлаютъ, хорошенько расплачешься, то онъ, пожалуй, и разжалобится...» (*Кладетъ письмо*). Дуракъ, а не стряпчій! Чортъ его знаетъ, что онъ мнѣ за отвѣтъ написалъ! Я его спрашивалъ: какъ мнѣ быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться въ Молчановскомъ опекускомъ дѣлѣ и сдать отчеты безъ приплаты, а онъ эонъ что отвѣчаетъ: «отдать!» Отдать!... Да нечего отдать,

глунецъ!... Расплакаться!... Кто это видѣлъ, какъ Фирсъ Князевъ плачетъ! и передъ кѣмъ? И отъ чего заплакать?.. Вашъ новый судъ! Что жъ это—люди, что ль, переѣхались? Вздоръ! Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ съ умомъ не сдѣлалъ въ Россіи того, что хочетъ... Все это выдумка! Да наконецъ и графъ Александръ Андренчъ этого не можетъ допустить. На него на полмилліона векселей при такомъ судѣ представлять, а онъ платитъ долговъ не поваженъ. Пустое, вздоръ, мечтанье, форма.... Нѣтъ, меня не запугаете, и пока этотъ лобъ наружу, на Фирса Князева узды вамъ не накинутъ. (*Слышенъ стукъ въ двери.*) Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Минутка (*сходя*). Не беспокойтесь: это я.

Князевъ. Что ты тамъ пропадалъ столько времени? Велики, знать, очень секретарскіе разносолы.

Минутка (*усаживаясь*). Нѣтъ, какіе тамъ наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видаль.... да ей и нездоровится.

Князевъ. Ну, что тамъ нездоровится... исовая болѣзнь до поля, бабья до постели: выспится и здорова будетъ.

Минутка (*подобострастно улыбаясь*). Это такъ, такъ... онѣ, какъ кошки: переволоки на другое мѣсто и опять живутъ... Ну ахъ, чтобъ вы знали только зато, какъ я разбился... Кажется, заничто на свѣтѣ теперь бы съ постели не всталъ. Вѣдь шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, въ восемь дней въ Петербургъ и назадъ. Хороша дорога, слова нѣтъ, особенно отъ Питера до Владиміра по чугуникѣ, какъ въ комнатѣ сидишь; но ужъ отъ Владиміра...

Князевъ (*перебивая*). Да, отъ Владиміра многимъ не нравится... Ну, да къ чорту это! Расскажи ты мнѣ теперь, братецъ, что же ты сдѣлалъ въ Петербургѣ по моему приказанію? Письмо ты мнѣ отъ стряпчаго привезъ столь глупое, что я этого человѣка послѣ этого сумасшедшимъ считаю.

Минутка (*ослабляясь*). Нѣтъ, большого ума, большого ума человѣкъ, Фирсъ Григорьевичъ! Не дѣти, а мужи, самые настоящіе мужи, дѣльцы и тѣ приуныли. Одно слово, какъ стряпчий сказалъ, нечего и рецептовъ писать, когда наши аптеки всѣ закрыты. (*Разводитъ руками.*)

Князевъ. Какъ же это,—стало-быть, и ты уже безъ взятокъ жить собираешься?

Минутка. А что жъ подѣлаешь!

Князевъ (*встаетъ и начинаетъ ходить*). А вытерпѣть надѣнешся?

Минутка. Представьте, Фирсь Григорьичъ... чтобъ вы знали, ни денегъ дать, ни упросить его, ни подкупить... какъ вамъ это нравится?

Князевъ. А обмануть?

Минутка (*смотритъ на Князеса съ изумленіемъ и растерянно повторяетъ*). Обмануть...

Князевъ. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтобъ вы знали, и обмануть я, Фирсь Григорьичъ, не въ надеждѣ.

Князевъ. Ну обойти, коли не обмануть?

(*Минутка молча разводитъ у себя подъ носомъ руками*).

Князевъ (*про себя*). Однако, и у пѣвки брюшко залубе-нѣло. (*Громко*.) Нѣтъ, панъ Вонифатій, вижу я, что двадцать лѣтъ назадъ, когда тебя только-что прислали изъ Польши на смиреніе, ты смѣлѣй былъ. Помню я, какъ ты, первый разъ, какъ я тебя у полицеймейстера за завтракомъ увидѣлъ, разсуждалъ, что «въ Россіи невозможности нѣтъ». За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбилъ и на службу принялъ и секретаремъ въ Думѣ сдѣлалъ, и двадцать лѣтъ намъ съ тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лѣтъ назадъ вѣдь говорилъ я, Фирсь Григорьичъ.

Князевъ. Да; въ эти двадцать лѣтъ ты понажился, а я... а я прожился.

Минутка. Кто жъ этому причиной, Фирсь Григорьичъ? Не я тому причиной: я жилъ по средствамъ, вы же...

Князевъ (*перебивая*). Молчи, сморчокъ!... Въ тебѣ сидитъ одинъ польскій чортъ, а во мнѣ семь русскихъ чертей съ дьяволомъ, такъ не тебѣ про то судить, кто виновать. Когда бъ не эти черти, я и теперь бы дома не сидѣлъ и не послалъ бы тебя въ Питерь. (*Успокоиваясь*.) Говори, велико ли время еще дадутъ мнѣ на передышку?

Минутка (*пожавъ плечами*). Сказали такъ, что дѣло объ отчетѣ два мѣсяца не болѣе могутъ продержатъ, и тогда потребуютъ остатки.

Князевъ. Сколько?

Минутка. Начету будетъ тысячь двѣсти.

Князевъ. Двѣсти тысячь!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мнѣ врать.

Князевъ. На что?.. А ты соври себѣ, чтобъ легче было отвѣчать.

Минутка (*оскакивая и дрожа*). Да я-то что же здѣсь? Я здѣсь при чемъ же, Фирсь Григорычъ?

Князевъ. Агу, дружочекъ! Ты здѣсь при чемъ? А не знаешь ли ты того подьячаго, что намъ съ Мякишевымъ двадцать лѣтъ отчеты по Молчановской опецѣ выводилъ? Что, голубь! Я вѣдь бумажки прячу.

Минутка (*потерявшись, не знаетъ, что сказать*).

Князевъ. А! Ишь, какъ дрожить! Вотъ тѣмъ-то вы, лянки. и скверны. На каверзу вотъ тутъ васъ взять, а если гдѣ придется стать лицомъ къ лицу съ бѣдою, такъ тутъ вы ужъ и жидки на расправу. (*Грозя пальцемъ.*) Эй, панъ, со мною не финти! (*Сильно.*) Я крѣпко кованъ! Я знаю, куда ступаю. Я сѣлъ опекуномъ, такъ изъ всѣхъ должностей вы-сѣлъ, а тебя, дурака, въ Думу посадилъ, и... придетъ къ тому, такъ... я же тебя и въ тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Вѣдь новый судъ надъ нами еще не начался, а до тѣхъ поръ держись... вотъ тутъ вотъ... за полу мою держись, покуда... (*съ омерзѣнiемъ*) покуда въ носъ сапогомъ не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирсь Григорычъ! Я, что ль, за новый судъ! Да заничто на свѣтѣ! Тифу! вотъ ему что отъ меня, новому суду. Я, чтобъ вы знали, я всѣмъ тѣмъ угодно готовъ служить вамъ, Фирсь Григорычъ.

Князевъ. Ну, всѣмъ — гдѣ тебѣ всѣмъ служить? Я тебя посылаю каверзить—слышишь, каверзить. Больше вы, панъ, ни на что не способны.

Минутка. Да ну-те бо, Богъ зъ вами. какой я панъ: и такой же, какъ и вы, русскiй человекъ.

Князевъ (*презрительно*). Ну, врешь—такой же! — что у тебя на русской службѣ польская кость собачьимъ мясомъ обросла, такъ ужъ ты отъ этого и русскимъ сдѣлался! Впрочемъ, не русисъ: ты мнѣ такой и нуженъ, какой ты есть! Гдѣ ума потребуется, тамъ мы своего понищемъ; а ты ступай повсюду... бунтуй народъ, мѣщанъ, особенно фабричныхъ.. Заслатъ людей, чтобы и малому и старому твердили,

что Фирсь Григорычъ ихъ отецъ, что онъ застоя ихъ; онъ благодѣтель ихъ и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, молъ, въ прошломъ году совсѣмъ - было быть набору... а какъ министерскій чиновникъ черезъ нашъ городъ проѣхалъ да съ Князевымъ повидался, — и набору, молъ, конецъ. Ты все это долженъ помнить: самъ, вѣдь, распускалъ. Теперь опять все это имъ напѣть, да растолковать имъ, канальямъ, что я все могу сдѣлать.

Минутка. Это... это, что и толковать! Этому, чтобъ вы знали, они и такъ всё вѣрятъ.

Князевъ. Знаю! И то... да! скажи, что опять въ Петербургѣ про наборъ слышалъ... Это старо, да еще не извѣдилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь отъ Молчановской опеки, не откажусь быть головою и... «его, молъ, выберуть». Это ничего, что не ты, а они выбирать будутъ—ты прямо говори, что выберуть.

Минутка (смысь). Быдло!.. Скотъ, скотъ... бараны... я про народъ-то говорю: бараны!

Князевъ. Да; ступай и дѣйствуй смѣло, а я здѣсь кое-о чемъ подумаю.

Минутка. Одно только, какъ бы это такъ получше, Фирсь Григорычъ, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князевъ. Ну, объ этомъ ты не заботься: у насъ правда молчкомъ лежитъ, а брехню пусти съ уха на ухо, она пролетитъ съ угла на уголь. Ступай.

Минутка (порываясь къ двери). Прощайте, до свиданья.

Князевъ. Да то еще... Да! если что-нибудь тебѣ случится разузнать, что Ванюшка Молчановъ не спокоенъ, что что-нибудь затѣваетъ...

Минутка. То дать вамъ знать?

Князевъ. Да, ту жъ минуту; ту жъ секунду... Слышишь: ту жъ секунду. Бѣги сюда хоть ночь, хоть за-полночь... да не ломись дворомъ, гдѣ люди видятъ, а оттуда, знаешь, съ выгона подергай за веревку. Я самъ тебя впущу въ садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князевъ. Не дай зѣвка.—Мнѣ кажется, что онъ не даромъ что-то очень тихъ. (*Про себя.*) Чортъ знаетъ... я бойкихъ людей не люблю и очень тихихъ не люблю тоже. Не вѣрю я тихимъ. (*Минуткѣ.*) Не вѣрю я тихимъ!

Минутка. Фирсь Григорьичъ, не безпокойтесь! Кто тихо ходитъ, того чохъ выдасть... чохъ выдасть... хе-хе-хе, чохъ...
Князевъ. Стушай.

(Минутка уходитъ.)

ДВѢНІЕ 3-е.

Князевъ *(одинъ медленно и съ усталостію)*. Проклятая самая вещь чужіе милліоны въ рукахъ держать: ладони сами словно клеємъ приклеиваются—все такъ и пристаесть къ нимъ, такъ и пристаесть; а потомъ вотъ какъ поналипнеть—и трудно приходится разсчитываться. Двѣ недѣли! Чтò тутъ можно сдѣлать изъ ничего въ двѣ недѣли? А не сдѣлай,—бубновый тузъ тебѣ на слішу и въ каторгу. Гм! Но и еще и не въ томъ дѣло, что въ двѣ недѣли, и не въ томъ, что изъ «ничего»; а когда это? въ какое время? когда я узвлень, когда я умомъ помраченъ и только мечтаю о сласти, когда все наконецъ ужъ такъ доведено, что Маришѣ шагу ступитъ безъ меня невозможно... Сегодня ей ужъ послѣдній ударъ нанесень: я вчера велѣлъ Дросидѣ, чтобъ нынче выгнать ихъ—и ее и мать—если Мариша еще ломаться будетъ. Теперь ей одинъ выборъ—идти съ слѣною матерью питаться желудьми или.. придти ко мнѣ. *(Глядя на часы.)* Теперь девятый часъ въ исходѣ... Непремѣнно должна бы сейчасъ быть... Небось, закутается... идетъ, словно земля подъ ней проваливается, и все плачетъ. Гм! *(Подумавъ.)* А я очень люблю иногда плачущихъ женщинъ... *(Страстно.)* У нихъ въ это время, когда онѣ плачутъ, губы такія... жаркія, и все какъ бабочка на булавкѣ трепещутся... Давно ужъ, давно я не цѣловать этакой! *(Задумывается.)* Изучились всѣ, всѣ ужъ и здѣшнія-то пріучились, какъ рыбы холодныя на блесточку ходять, только блесточекъ заготовливай... Ахъ, эти блесточки, блесточки!... Вотъ, чортъ возьми, вертись, какъ жидъ передъ жолнеромъ: то баба, то свое спасенье. *(Садится къ столу, на которомъ стоятъ книги законовъ.)* Неужто же въ самомъ дѣлѣ ни умъ, ни законъ, ничто не поможетъ? Нѣтъ! чтобъ выгонять вонъ изъ головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла. Прежде была мода на возможность, а нынѣ на законъ *(Раскрываетъ одну за другою нѣсколько книгъ.)* Что жъ!.. Говорятъ, подьячій отъ закона питаесть: не утѣшитъ ли онъ и насъ чѣмъ? *(Читаетъ.)*

«О фальшивых монетчиках». — Вот эта статья интересная. Только велика труппа требуется. *(Ищет дальше.)* «О нарушении союза брачного». *(Останавливается и несколько секунд читает.)* Муж может потребовать жену къ совместному сожителству... а чтобы онъ не потребовалъ... *(Съ досадой.)* Но это опять все про нее! про нее!.. *(Оглядывается на дверь.)* Однако, что-то вотъ ея и нѣтъ. *(Глядя въ книгу.)* «О расточительствѣ». Вотъ этимъ закономъ меня хорошо было съ дѣтства отчитывать. *(Вздыхаетъ и бросаетъ книгу.)* Все вздоръ! Есть только то, чего не надо; а за что зацѣпиться? на чемъ выскочить?.. На что стать да насмѣяться этимъ и новымъ судамъ, и новымъ людямъ,—того я нѣтъ! *(Слышится стукъ въ двери.)* Ага, вотъ и она! *(Откидываетъ крючокъ.)* Одна?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Дросида *(входя)*. Одна, родимый. Да и съ кѣмъ же быть-то? Не съ кѣмъ.

Князевъ. Какъ не съ кѣмъ! Что такое?

Дросида. Да вѣдь ушла она, Марина-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты ужъ знаешь, потому весь городъ знаетъ. Я про то и идти и глазъ тебѣ показать боялась, что ты, моль, этакой человѣкъ... гнѣвъ теперь...

Князевъ. Ты толкомъ мнѣ говори. Я твоей этой болтовни ничего не понимаю. Я дома сидѣлъ: ничего не слышалъ, а докладывать—кто мнѣ смѣетъ про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все расскажу. Я все ей баяла. Я говорю, ты вспомяни, Маринушка, что кто вѣдь былъ твоей застой? Подумай, моль, что ты вѣдь мужняя жена, а мужъ твой есть убивецъ. Кто за тебя вступился? Фирсъ Григорьичъ. Кто мужа твоего по чести спровадилъ въ Питеръ да еще и денегъ на разживу далъ,—кто? все же Фирсъ Григорьичъ. Кто этотъ домикъ-то, не домикъ, а хоромы добрыя тебѣ удержалъ, не далъ твоему мужу прогусарить?—опять же Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ. Ну!

Дросида. Да какъ же тебѣ, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говорить, отъ мужа и сама убѣгла, потому что онъ, всѣмъ извѣстно, разбойникъ; а что хоромы, такъ это, говорить, вѣдь наши притоманныя, свои хоромы: ихъ Фирсъ Григорьевичъ обманствомъ выманилъ: говорилъ,

чтобъ только переписать за него, чтобъ мужъ меня подь домъ денегъ занимать не заставлялъ; а нынче видно шутку эту въ правду ужъ повернулъ. Такъ мнѣ плевать, говорить, па эти и хоромы Я, говорить, нужды не боюся, а ужъ тѣла своего не продаю. Дура ты, говорю ей, такъ же вѣдь съ своимъ съ разбойникомъ-то жила и тѣло ему предавала. Ну, то, говорить, законъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, и бабы про законъ записали!

Дросида. Да, говорить, законъ. Да что, молъ, намъ, нищимъ, законъ! Хорошо въ законѣ ходить, кому Богъ обузку далъ, а у насъ рѣдкая-рѣдкая, которая отъ Фирса Григорыча чѣмъ не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князевъ. Ну, это ты проѣзжай мимо съ своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю, Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она съ этимъ харкъ мнѣ въ глаза, да говорить: змѣя ты, да еще змѣи хуже, потому и змѣя своихъ черевъ не ѣстъ, а ты къ чему дочь устроила. Я ужъ тутъ-то не стерпѣла, да и говорю: ну, коли ты говоришь, что я свое дитя съѣла, то ты хуже меня будешь и свою мать съѣшь. Мнѣ, говорю, отъ Фирса Григорыча такой приказъ данъ теперь, что если ты нонѣ своихъ капризовъ не переломишь да не пойдешь къ нему, такъ замѣсть того, чтобы онъ домъ на тебя записалъ, вотъ тебѣ Богъ да порогъ: выходи вонъ отсюда съ своею матерью.

Князевъ. Ну, и что жъ она?

Дросида. Что жъ ей, безчувственной, Фирсъ Григорычъ! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. «Собирайся, маменька: нашъ домъ то не нашъ, говорить, вынешь». Повязала узлы, да и слѣдъ ихъ таковъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, какой, однако, въ этой бабенкѣ гоноръ сидитъ. (*Отходя.*) Вѣдь это... вѣдь это и вамъ говорю (*цѣлуетъ пальцы*)... вѣдь это супер-фейнъ! Эта... разомнетъ кости, пока ее къ знаменателю приведешь. И и этотъ родъ знаю. Знаю, знаю! Сей родъ ничѣмъ же изымается, но хорошъ, хорошъ, заманчивъ. Дуру, какъ галку, сейчасъ подманншь, и сама и на плечо садится; а этакую... какъ сокола ее надо вынашивать... Маять ее, чтобы одурь ее взяла... чтобъ отдыху ей не было, чтобъ изъ силъ выбилась, съ тѣла спала... Въ нихъ вѣдь это не то... не мя-

котъ, не тѣло дорого... а въ нихъ... Да дьяволъ ихъ знаетъ, что въ нихъ такое! (*Дросида*). Ну, и куда же она пошла?

Дросида. Да ужъ прежде, видно, Фирсъ Григорьичъ, у нихъ мѣсто-то готовлено. Она такъ прямо, плюнувши, и говорить: страцать было вамъ, говорить, меня допрежъ сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а нонѣ мнѣ спасибо вамъ, что выгнали. Взяла слѣпую мать и повела къ Молчанову на дачу.

Князевъ (вскакивая). Къ Молчанову? Ты врешь!

Дросида. Мнѣ ли лгать тебѣ, родимый Фирсъ Григорьичъ. Сама я видѣла, какъ взяли за уголь и полемъ поплелись вдвоемъ къ Молчановской слободкѣ.

Князевъ (проворно вскочивъ и расслаживая. Про себя). А, братъ Иванъ Максимычъ, ты что-то частенько сталъ мнѣ виоперекъ дороги шнырить. За тебя терплю, да и отъ тебя терпѣть — это ужъ не много ли будетъ по двѣ собаки на день! (*Слышишь стукъ въ дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Минутка.

Минутка (блѣдный и взволнованный вбѣгаетъ и, обращаясь къ Дросидѣ). Ступай отсюда, ступай! Прикажите ей, Фирсъ Григорьичъ, поскорѣе вонъ выйти.

Князевъ (Дросидѣ). Поди тамъ подожди въ саду.
(*Дросида уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же безъ Дросиды.

Князевъ. Чего ты мечешься, какъ угорѣлый?

Минутка. Да, угорѣлъ... прекрасно вы всѣхъ насъ учадили: на цѣлый вѣкъ этого угару хватить.

Князевъ. Не ври: всякій угаръ пройдетъ, какъ свиньи спать лягутъ. Ты говори, въ чемъ дѣло?

Минутка. Помилуйте, да вамъ вѣдь лучше знать, въ чемъ дѣло. Скажите-ка вы, гдѣ у васъ черновые счета, которыми вы меня пугали?

Князевъ. Въ коробѣ спрятаны.

Минутка (плачевно). Да что вы шутите! намъ не до шутокъ. Нѣтъ, онѣ точно въ коробѣ, да не въ вашей... Ихъ нѣтъ у васъ: вы обронили ихъ хмельной у Марины Николаевы, да и не хватитесь. Стидно вамъ, Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ (*въ ужасъ*). Она могла Молчанову отдать ихъ!

Минутка (*нервно*). Да что угадывать, когда ужь отдала. (*Плачетъ*). Вотъ то-то вотъ... винцо да бабочки... библейскаго Самсона и того остригли, и васъ остригутъ! Повѣрьте, остригутъ. (*Къ публикѣ*). Лѣзеть къ женщинамъ: та его терпѣть не можетъ, говоритъ такъ съ нимъ, съ омерзѣніемъ съ такимъ, что смотрѣть совѣстно, а онъ все къ ней... Съ ума сошелъ дряхлецъ... Гдѣ гордъ, а тутъ ужь и гордости нѣтъ.

Князевъ (*не слушая*). Теперь не остается много думать... Ступай сейчасъ къ Молчанову... не дожидайся утра, а сейчасъ ступай... скажи ему, что я кланяюсь ему...

Минутка (*перебивая*). Да; теперь мириться съ нимъ, прощенья у него просить готовы.

Князевъ (*кусая губы*). Да, прощенья.

Минутка (*смѣло*). Чего просить? чего просить? Напрасно, чтобы вы знали! Я ужь просилъ—сейчасъ оттудова. Я какъ узналъ, что всѣ нани счета и фактуры у него въ рукахъ, такъ первымъ же дѣломъ прямо бросился къ нему... да не въ дворъ, а въ огородъ... подъ окна...

Князевъ (*схватывая Минутку за руку*). Гм!.. да, да, чтобы украсть? Ну, ну! ну, молодець, умно.

Минутка. Чтобы посмотрѣть, что можно сдѣлать...

Князевъ. Ну!

Минутка. Ну! (*Нагло*). Ну и ну! поднялся на карнизецъ да гляжу въ окошко: вижу, свѣчи горять, а никого нѣтъ, какъ вдругъ въ это время кто-то хватъ меня прямо за... ухо.

Князевъ. Тебя?

Минутка. Да, разумѣется, меня! вѣдь васъ тамъ не было. Оказывается, что это самъ господинъ Молчановъ. Держитъ за ухо и говоритъ: «а, Князевскій шпионъ, мое почтенье»... и хотѣлъ-было людей звать. — Иванъ Максимычъ, что вы! говорю, да Богъ-бо зъ вами! какой я шпионъ? Я, говорю, я, чтобы вы знали, къ вамъ отъ Фирса Григорыча съ тѣмъ и присланъ, чтобы миръ сдѣлать; Фирсъ Григорычъ, говорю, сами быть у васъ желаютъ... А онъ...

Князевъ (*нетерпѣливо*). Ну да; а онъ? Что жъ онъ?

Минутка (*вздохнувъ*). А онъ... Пословъ, говоритъ, ни худыхъ, ни хорошихъ, не бьютъ, не бранятъ, а жалуютъ. И въ этомъ видѣ, такъ и повелъ.

Князевъ. Гм! все за ухо?

Минутка. Да я жь вамъ говорю, что за ухо! *(Вздохнувъ.)* Повель въ кабинетъ. Провель, да и даль мнѣ прочитать бумагу... Останетесь довольны, Фирсѣ Григорьичъ.

Князевъ *(нетерпѣливо)*. Чтò это за бумага?

Минутка *(тихо)*. Въ Петербургъ.

Князевъ. О чемъ?

Минутка *(еще тише и спокойнѣе)*. О томъ, что начеть на васъ онъ дарить на дѣтскіе пріюты.

Князевъ. Всѣ двѣсти тысячъ?

Минутка. Съ процентами... Чтò-съ, Фирсѣ Григорьичъ? Просить было, пока время было. Теперь вѣдь не съ Молчановымъ—тѣ не простятъ.

Князевъ *(хватая Минутку за бортъ)*. Украдь эту бумагу съ почты.

Минутка *(спокойно)*. Не рвите платья понапрасну. Бумаги нѣтъ: она ужь третій день тому назадъ пошла съ нарочнымъ. Я видѣлъ копію.

Князевъ *(бросаетъ Минутку)*. Что жь это вы меня живьемъ, что ли, хотите въ руки выдать! *(Снова хватая бышено Минутку.)* Ты говоришь, что поздно красть!—*(съ азартомъ)* такъ я же буду рѣзать! жечь!.. душить!.. *(Бѣжитъ къ двери.)*

Минутка. Что вы? что вы? Вы... вспомните вы, чтò вы говорите?

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Дробадоновъ *(показывается въ это время съ дверяхъ и преграждаетъ Князеву дорогу.)* Что, еще охота все душить, да рѣзать? Довольно, кажется, въ свой вѣкъ ты ужь и кралъ, и рѣзалъ.

Князевъ *(инъвно)*. Что это? какъ ты смѣлъ сюда взойти? Пошелъ отсюда вонъ!

Дробадоновъ. Не прогоняй—и самъ не засижусь. *(Беретъ молча Минутку за плечи, выставляетъ его за порогъ и запираетъ за нимъ дверь.)* Не по своимъ дѣламъ къ тебѣ я, а отъ людей посланъ. Куда ты вышвырнулъ Марину Гуслярову съ слѣпою матерью изъ дому?

Князевъ. На просторъ.

Дробадоновъ. Да какъ же такъ?

Князевъ. Такъ: очень просто—домъ мой и власть моя.

Дробадоновъ. Домъ твой и власть твоя, да и твое жъ вѣдь и безчестье. Ты домъ купилъ у нихъ за безцѣнокъ; сказалъ, что это только для того, чтобъ мужъ Марину не неволилъ занимать подъ домъ да отдавать ему на пьянство, а что они до вѣку будутъ въ этомъ домѣ жить.

Князевъ. Да вѣдь то-то вотъ видишь — я своему слову господинъ: хочу держу, хочу въ карманъ прячу. Ступай проси на меня, если хочешь.

Дробадоновъ. Чтѣ просить? А ты грѣха побойся, Фирсѣ Григорычъ. Извѣстно намъ, чего ты хочешь отъ Марины Николаевны. Она не говорлива, да у людей-то вѣдь глаза — не бѣлма. Грѣшилъ ты много, Фирсѣ Григорычъ; но онѣ, кажется, не тѣ бы ужъ твои года... Ужъ я старикъ почти, а ты вѣдь мнѣ въ отцы годишься. Тебѣ бѣ теперь пора молиться Богу, да просить себѣ деревяннаго тулупа.

Князевъ (*раздражительно*). Да ты кашу, что ли, ѣлъ на моихъ крестинахъ, или воду выливалъ?

Дробадоновъ. Да Богъ съ тобой, съ твоими лѣтами. Я въ томъ пришелъ тебя просить: не доводи, пожалуйста, семью племянника Молчанова до безконечнаго раздора. Ты выгналъ изъ дому Марину; имъ съ матерью некуда дѣться было. Въ городѣ, тебя боясь, никто ихъ не приметъ. Я бы радъ ихъ душой принять, да самъ съ сестрой и съ матерью едва мѣшусь: — ну, онѣ, разумѣется, къ Молчанову пошли; а вѣдь тебѣ и безъ того извѣстно, что весь народъ въ одно про нихъ твердитъ и путаетъ Марину съ Ваней. Теперь онѣ ихъ вчера приютилъ, а это до семейныхъ уже дошло, и въ домѣ адъ насталь.

Князевъ. Ага! и адъ уже насталь? Чего жъ бы кажется? То ѣздилъ туда кататься, теперь живетъ: не велико различье.

Дробадоновъ. Будь миротворецъ — вороти ты этотъ домъ старухѣ.

Князевъ (*домо глядя въ глаза Дробадонову*). Калина Дмитричъ! Что ты — дуракъ или родомъ такъ?

Дробадоновъ. Послушай, Фирсѣ Григорычъ! Ругательствомъ твоимъ не обижаюсь. Я не дуракъ и совѣсть у меня чиста, и такимъ меня мѣръ знаетъ. Я бѣденъ, да въ свою мѣру уважаютъ меня люди. Ты меня не обидишь, да ты мнѣ и не страшень: я не боюсь тебя. А я тебя по-христіански прошу и совѣтую тебѣ: опомнись, Фирсѣ Григорычъ,

сдѣлай хоть что-нибудь доброе: пусть не все же боятся — пусть хоть кто-нибудь тебя и любить станетъ.

Князевъ. А мнѣ, любезный, это все равно: люби, не люби, да почаще взглядывай.

Дробадоновъ. Положимъ, что и тутъ ты правъ; но ты подумай, что говорятъ-то о тебѣ.

Князевъ. Плюю!

Дробадоновъ. Ну отчего бъ тебѣ тѣ злыя рѣчи не закрыть добрымъ дѣломъ, чтобы сказали, что и у Князева душа есть?

Князевъ. Плюю на то, что говорили; плюю и на то, что скажутъ.

Дробадоновъ. А ты не плюй.

Князевъ. Что-о-о?

Дробадоновъ. Не плюй — вотъ что. Погода поднимается: неравно назадъ откинеть, въ свою рожу плюнешь. (*Подходитъ съ значительной миной.*) Говорятъ, будто ты утопилъ Максима Молчанова.

Князевъ (*съ притворнымъ удивленіемъ*). Неужто?

Дробадоновъ. Говорятъ, что когда Максимъ Петровичъ написалъ духовную, гдѣ, обойдя всю женину родню, завѣщалъ сына въ опеку тебѣ съ Мякишевымъ, ты никакъ дождаться не могъ, когда прійдутъ къ тебѣ въ руки миліоны.

Князевъ. Ишь, какой шельма народъ пронзительный: ничего отъ него не утаишь.

Дробадоновъ (*подходя еще ближе*). Говорятъ, что разъ, когда вы купались втроемъ — ты, онъ, да Алеша Брылкинъ — ты взялъ и началъ окунать Максима Петровича Молчанова, да и заокуналъ шутя; а какъ его заокуналъ, тогда бросился за Брылкинымъ Алешей, чтобы и свидѣтеля не было. Тотъ уходилъ, молился, плакалъ; но ты и съ нимъ покончилъ. Максимъ Молчановъ потонулъ, и не нашли его. А Алешу жъ Брылкина хоша и вынули и откачали, да что по немъ! Ужъ онъ тебѣ не страшень: онъ съ ума сошелъ и поднесъ остался сумасшедшимъ и бродить въ рублицѣ; (*махнувъ рукой*) да въ томъ, можетъ-быть, его и счастье, что онъ въ разсудкѣ помѣшался, а то ты бы и его спровадилъ.

Князевъ. Скажи, пожалуйста... совсѣмъ бы уголовщина, кабы доказательства не Окой снесло.

Дробадоновъ. Что по Окѣ несетъ, то въ Волгу попадаетъ

и Волгою всю Русь проходить и широкому Каспю жалуются. Не кичись, что доказательствъ нѣтъ: былинка, травка шепчуть ихъ и Господу, и людямъ. Припомни: Валаамъ ослицею былъ обличень!

Князевъ. Да ты это что пришелъ мнѣ здѣсь читать! Я, братъ, къ попу хожу.

Дробадоновъ. Я тебѣ сказываю, что народъ говоритъ.

Князевъ. А я тебѣ говорю, что я на это плюю.

Дробадоновъ. Плюй, плюй, да ужъ къ сему покрайности не согрѣшай. Пашъ день съѣтъ въ беззаконіяхъ за горы, и понѣ судъ не прежній. Глади, не ровень часть, всплывуть и старые грѣхи.

Князевъ (*взволнованно*). И ты про новый судъ! Холера это, что ли, этотъ судъ, что всё вы такъ про него заговорили?

Дробадоновъ. Для иныхъ холера.

Князевъ. А ты не знаешь, что кто холеры не боится, того сама холера боится. Знать не хочу я этого суда!.. Я не пойду на этотъ судъ, гдѣ... тебя и всякаго другого такого скота посадятъ судить меня. (*Въ раскрытомъ окнѣ появляется смотрящій изъ куты сирени темнаго сада Алеша Босый.*) Я никого не боюсь; я ничего не боюсь; я холеры не боюсь, чумы не боюсь, тебя не боюсь, суда не боюсь и сатаны со всей преисподней.

Алеша (*унисономъ протяжно*). Утону!.. Ка-ли-и-на Дми-и-тричъ! Во-озьми меня отсю-ю-да. Здѣсь... страшно... Утону...

Князевъ (*вздригнувъ*). Что это! Вы меня пугать задумали! (*Алешъ.*) Прочь, чучело!

(*Алеша, вскрикнувъ, убѣгаетъ.*)

Дробадоновъ. Ахъ ты ругатель! Гордыня-то тебя куда уносить. Сейчасъ ты ничего на свѣтъ не боялся, а вотъ безумный старичокъ забрель—и ты вздрогнулъ. Чего ты на меня остребенился? вѣдь я видѣлъ, какъ ты задрожалъ... Не я его подвелъ сюда, а можетъ это Богъ его послалъ, чтобы напомнить грѣхъ твой. Не пожалѣлъ отца ты, Фирсъ Григорычъ, — пожалѣй хоть сына. Боясь тебя, никто на дворъ Гусяровыхъ не пускаетъ жить; у меня вся хата съ орѣхъ, да мать съ сестрами и тѣмъ мѣста нѣтъ,—имъ некуда дѣться, кромѣ Молчанова. Не доводи до этого. Не дѣлай ты худой огласки. Оттого, что Марину взялъ Молча-

новъ, великая бѣда можетъ родиться. Верни имъ домикъ, гдѣ онѣ жили, а если честью воротить не хочешь, такъ вотъ тебѣ Молчановъ илеть три тысячи рублей за этотъ домикъ. *(Вынимаетъ пачку ассигнацій и кладетъ ихъ на столъ.)* Возьми и выдай купчую, чтобъ жили тамъ гдѣ жили.

Князевъ. Тыфу пронасть! Да что жъ это такое: вездѣ на всякій часть, во всякій слѣдъ Молчановъ! Ему о нихъ что за забота?

Дробадоновъ. Что жъ, старуха мамкою его была, а молодайка въ ихъ домѣ выросла, они дѣтьми играли вмѣстѣ... онъ человекъ богатый, не мотъ, не пьяница, не расточитель... куда жъ ему дѣвать?

Князевъ *(подпрыгивъ)*. Что ты сказалъ? что ты сказалъ? какое слово?

Дробадоновъ. Я говорю, что его достатки милліоны, а онъ не пьяница, не расточитель.

Князевъ *(про себя)*. Расточитель! *(Распрямляясь.)* Фу-у! батюшки! Орлу обновилася юность! *(Громко Дробадонову.)* Постой, постой!.. Да, хорошо... я домъ продамъ—на что жъ онъ мнѣ? онъ мнѣ не нуженъ, продамъ и завтра выдамъ крѣпость... Но постой же, братецъ, вѣдь это такъ нельзя. Живой человекъ живое и думаетъ, и тамъ кто его знаетъ... Нѣтъ, я деньги съ глазу на глазъ брать не стану. *(Беретъ со стола ассигнаціи и суетъ ихъ въ руки Дробадонову.)* Возьми-ка, возьми пока, возьми. *(Растворяетъ дверь.)* Эй! Вонифатій Викентыч!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Минутка.

Князевъ. Вотъ я здѣсь домикъ свой, что на провальѣ, продалъ Ивану Максимовичу, и то-есть не Ивану Максимовичу, а Гуслиаровымъ, Маринѣ Гуслиаровой, только на Ивана Максимовича деньги, такъ сядь-ка напиши какую слѣдуетъ росписку, что деньги, молъ, три тысячи рублей за сей проданный домъ я отъ Молчанова получилъ и обязываюсь въ мѣсячный срокъ совершить на оный купчую крѣпость на имя Маринны Гуслиаровой, а росписку сію положили до совершенія крѣпости дать за руки секретарю Минуткѣ. *(Сажая ея за бюро.)* Пиши такъ, какъ сказано. *(Про себя съ самодовольною улыбкою.)* Очень бы хотѣлось мнѣ видѣть теперь какого-нибудь петербургскаго мудреца,

чтобы онъ, глядячи на меня теперь, сказать, что это по его разуму я дѣлаю? Нечего больше и сказать, что Князевъ домъ продаетъ... А Князевъ душу человѣческую и всю совѣсть мірскую подъ ногами затоптать собирается...

Минутка. Готово.

Князевъ (*скоро подписывается. Минуткѣ*). Подпишись свидѣтелемъ. (*Дробадонову*). Теперь пожалуй деньги. (*Дробадоновъ подаетъ*). И ты также подпишись. (*Смотритъ черезъ плечо, пока тотъ пишетъ, и потомъ, взявъ въ руки бумагу, читаетъ*): Кипецъ Калина... Какъ ты это, братецъ, скверно пишешь: не кипецъ надо писать, а купецъ. (*Свертываетъ листъ*). Минутка, спрячь.

Дробадоновъ. Прощай покуда, Фирсь Григорычъ.

Князевъ (*быстро*). А?.. Да! Прощай, прощай покуда. (*Дробадоновъ уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, безъ Дробадонова.

Князевъ (*посматривъ въ слѣдъ Дробадонову*). Ну что жъ, братъ Вонифатій, понялъ?

Минутка. Домъ продали, и больше ничего не понялъ.

Князевъ. Ничего?

Минутка (*пожимая плечами*). Н... ничего. (*Спохватясь*). Росписку уничтожить?..

Князевъ (*злбно смѣется*). Ха-ха-ха! (*Дѣлаетъ приторно свиртвое лицо и наступая на Минутку*). Подай же! подай сюда росписку!

Минутка (*испуганный, защищаясь и убѣгая*). Фирсь Григорычъ, Фирсь Григорычъ, я не могу... что жъ вы это въ самомъ дѣлѣ... Фирсь Григорычъ? Вы деньги взяли, а я долженъ даромъ...

Князевъ. Давай, давай! я подѣлюсь съ тобой.

Минутка. А сколько же мнѣ? (*Опять убѣгая*). Позвольте прежде: сколько же мнѣ?

Князевъ (*глядя на Минутку*). Ну какъ же васъ, такихъ-то поползней, не запугать судами да законами? Свѣтъ умудряется: вездѣ, на всякій часъ искусства новыя; а вы все только хашъ да цапъ. Это время прошло теперь, чтобъ нижегородски соль красть. Нѣтъ, я, братъ, не въ васъ! Это ты вотъ давеча съ черенугу бормоталъ здѣсь, что ужъ тебѣ теперь и прикоснуться къ взяткамъ страшно; а только по-

сулили — ты ужь опять и лапу суешь. (*Смѣясь.*) Ахъ ты безстрашный этакой! Въ такія времена, при такомъ судѣ брать взятки! Нѣтъ, я не беззаконникъ! Теперь кто глупъ, такъ тотъ пускай законы нарушаетъ, я чту законъ. Самъ на себя я, видишь, выдаю росписки. Какъ око береги ее! Домъ проданъ, только въ немъ не жить тому, кому его купили: на это есть законъ.

Минутка. Такого нѣтъ закона.

Князевъ (*нервно*). Неправда, есть! (*Бросаетъ на полъ къ ногамъ Минутки лежавшую на столѣ пачку ассигнацій.*) Бери! Три тысячи здѣсь: одну изъ нихъ возьми себѣ; остальные же двѣ представить въ Думу и объявить народу, что Богъ послалъ мнѣ великую удачу въ дѣлѣ трудномъ, и что за это я отъ своихъ щедротъ плачу за бѣдныхъ города всю податную недонмку. (*Подумавъ*). А на тотъ годъ дарю на подать (*съ удареніемъ*) десять... нѣтъ! двадцать... тридцать тысячъ!

Минутка. Что вы? что... вы? Откуда это будетъ?

Князевъ. Откуда?... Отгадай!

Минутка. Нѣтъ, извините, не могу.

Князевъ (*надвывая перчатку*). Я кладь нашелъ.

Минутка (*покиваетъ головой и выражаетъ недоумѣніе*). Ряхнулся!

Князевъ. Аптеку, — понимаешь, аптеку выискалъ.

Минутка (*не понимая*). Какая аптека? Что это вы, Фирсь Григорычъ!

Князевъ. А что стряпчій-то писалъ: «нѣтъ — говорить — аптеки!» Вздоръ! есть аптека! И не на сей день, а на два вѣка та аптека.

Минутка (*оглядываясь по сторонамъ въ недоумѣніи*). Гдѣ вы это видите? Вы нездоровы! Гдѣ аптека?

Князевъ. Она вотъ въ головахъ въ такихъ премудрыхъ, какъ твоя, да промежь зубовъ, которымъ чавкать нечего. Подай мнѣ трость и шляпу... Нѣтъ, врите вѣ: Фирсь Князевъ не пропалъ! Пусть черви грома прячутся, а стрепету за тучами еще простора вволю.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и двѣ слободскія дѣвушки (*прользаютъ въ дверь. Одна, постарше, очень смѣла, другая, молоденькая, робко жмется.*)

Князевъ (*встрѣвая ихъ, обнимаетъ старшую, которая вскрикиваетъ; потомъ трется около младшей и, когда эти закрываетъ рукою глаза, сажаетъ ее на свою постель*). Побудьте здѣсь, Аленушка и Саша. Погрѣйте старичку мѣстечко. А тамъ вонъ въ поставцѣ вино, наливка и мятные груздочки. Покушайте покуда. Я вразъ сейчасъ вернусь.

Алена (*развязно указывая на Сашу*). Она робѣетъ, Фирсь Григорычъ, съ непривычки.

Князевъ (*глядя Сашу по головѣ*). Робѣетъ. Ничего. Ты не робѣй: мы добрый. (*Минуткѣ*.) Ступай домой теперь (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, безъ Князева.

Минутка (*выпустивъ Князева, беретъ свою фуражку. Про себя*). Домой? Нѣтъ, я ужь лучше за тобою издали пройду, поприсмотрю, что это ты затѣялъ ночью. (*Уходитъ*.) (*Занавѣсъ падаетъ*.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Молчанова, убранный въ современномъ вкусѣ.
Утро.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Молчановъ (*однѣмъ въ хорошій, льняной, утренній пиджакъ. Выпроставивая изъ своей комнаты двоихъ дѣтей*). Ступайте съ Богомъ, рѣзвитесь и играйте, только пожалуйста не ссорьтесь. (*Выпускаетъ ихъ за дверь и говоритъ съ порога*.) Прошу васъ, няня, не давайте вы имъ этихъ кошекъ мучить, да собачекъ! Усердно васъ прошу объ этомъ. (*Затворяетъ дверь и идетъ къ письменному столу, который стоитъ вправо отъ зрителей*.) Эхъ, не приведи Господи воспитывать дѣтей безъ матери, а еще хуже съ плохой матерью. (*Сидится*.) Не женитесь, добрые люди, на деньгахъ... Если и за свою полу недобрая женщина схватится, рѣжьте лучше полу прочь да улетывайте. Что это вотъ за жизнь моя! Какъ вспомню я, бывало, какъ я жилъ въ Германіи: до вечера на фабрикѣ работаешь, все учишься; домой придешь — святая тишина въ бѣленькой комнаткѣ.

Тишь, тишь, тишь; про философію даже разсуждаешь. Но надокучить эта тишь чужая—бѣжишь на родину... бѣжишь... и здѣсь встрѣчаешь свару. Не по какимъ-нибудь такимъ причинамъ, которыхъ отвратить нельзя, все отравляется, а вотъ, словно въ фантастическомъ разсказѣ: Богъ вѣсть откуда, что сыплется; летитъ неожиданное и засыпаетъ челоуѣка.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Молчановъ и Минутка (*который вскакиваетъ черезъ окно*).

Молчановъ (*увидѣвъ въ окнѣ Минутку, дѣлаетъ въ изумленіи одинъ шагъ назадъ*). Это что за явленіе? (*Смѣясь*.) Вѣрно, гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Минутка (*оправляясь*). Пусть это васъ не удивляетъ, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (*улыбаясь*). Однако довольно трудно и не удивляться. Ко мнѣ этой дорогой никто не ходитъ.

Минутка. Въ наше время не всегда можно прямой дорогой ходить. Прикажете присѣсть или убираться?

Молчановъ (*улыбаясь*). Это я предоставляю на ванъ выборъ.

Минутка. Я выбираю сѣсть. (*Садится въ концѣ письменнаго стола*.) Вамъ угрожаютъ большія непріятности, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ (*весело*). Скажите, вы что жъ, сегодня за кого?

Минутка (*клапяясь*). За васъ!

Молчановъ (*строго*). Благодарю покорно; но эта шутка мнѣ не понутру.

Минутка. Фирсъ Князевъ вамъ приготовилъ западню.

Молчановъ. Какую западню?

Минутка. Не знаю.

Молчановъ (*стыдно*). Вонифатій Викентычъ! совѣтую вамъ съ вашими домашними въ дурачки играть, а не со мною.

Минутка. Я не знаю, не знаю и не знаю. Понимаете: я, я, я хочу знать это—и не знаю; но ждите бѣды. По радости, которой онъ полонъ, онъ сдѣлаетъ столь страшное, столь скверное...

Молчановъ. Что на него самого будетъ похоже.

Минутка. Вы не шутите. Я знаю его: онъ никогда такой не былъ. Это уже совсѣмъ сатана во всей славѣ своей. Вы

прислали къ нему вчера Дробадонова? Онъ далъ росписку Князеву, что вы купили домъ Гуслиаровой.

Молчановъ. Я прислалъ, покупаю. Что же далъе?

Минутка. Росписку эту я могу... сберечь у себя и могу и возвратить вамъ; а на ней что-то строится. Вы, кажется, мнѣ не вѣрите? Вспомните, что я вѣдь съ васъ ничего не требую за услугу.

Молчановъ. Теперь я вамъ тѣмъ болѣе не вѣрю. Съ какою стати въ васъ явилось вдругъ такое безкорыстное дружество ко мнѣ, когда вы вѣчно служили врагу моему Князеву?

Минутка. Какъ умному человѣку, вамъ бы не грѣхъ знать, что служатъ чаще всего не тому, кого любятъ.

Молчановъ. А кому выгодно служить, — я это знаю. Но отчего же меня-то вы безвозмездно защищаете?

Минутка. Ну, на это у меня есть свои виды.

Молчановъ (*вглядываясь въ Минутку*). Нѣтъ; вѣрно не плохо ли Фирсу, или вамъ не плохо ли отъ Фирса?

Минутка. Можетъ-быть и плохо Фирсу, и мнѣ отъ Фирса плохо, можетъ-быть плохо, но, во всякомъ случаѣ, чтобъ вы знали, и вамъ плохо.

Молчановъ. Онъ надоѣлъ вамъ?

Минутка. Да, немножко. Я порѣшилъ съ нимъ кончить, тѣмъ болѣе, что теперь къ тому и время приспѣло. Ему спасенья больше нѣтъ.

Молчановъ. Какъ нѣтъ спасенья? А въ чемъ опасность заключается?

Минутка. У него нечѣмъ заплатить денегъ, подаренныхъ вами дѣтскимъ пріютамъ.

Молчановъ (*удивляясь*). Фирсу Григорычу нечѣмъ платить? Я думаю, онъ *не хочетъ* платить?

Минутка. Онъ *не можетъ* платить. (*Оглядываясь.*) Мы съ вами совершенно одни?

Молчановъ. Въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнiя.

Минутка. Полагаю также, что нѣтъ сомнѣнiя и въ томъ, что все, о чемъ я буду говорить съ вами, останется навсегда между нами?

Молчановъ. Я не выдавалъ никого.

Минутка. Потрудитесь не искать съ Князева вашихъ денегъ. Ихъ негдѣ уже искать. Позвольте мнѣ лучше его въ Сибирь отправить. Я вамъ это очень совѣтую.

Молчановъ (*встаетъ*). Г. Минутка, что это за тонъ? Что бы это могло значить!

Минутка. Стою за свою шкуру, Иванъ Максимычъ. Виновать передъ вами во всемъ главнымъ образомъ одинъ Фирсъ. Воротить всего заграбленнаго у васъ въ теченіе двадцати лѣтъ невозможно. И я, и голова, и тесть вашъ—все пойдемъ подъ судъ и пропадемъ безъ всякой пользы для васъ. А вотъ я вамъ представлю бумажечки, по которымъ Фирсъ Григорычъ одинъ отлично прогуляется... (*Подаетъ бумаги.*)

Молчановъ (*пересматривая*). Счетъ, росписка въ полученіи денегъ за кладовую и накладная на какую-то мочалу... Я ничего не понимаю.

Минутка. Полтора года тому назадъ, ровно за три мѣсяца до вашего возвращенія изъ-за границы, у васъ сгорѣли амбары, а въ нихъ двѣ тысячи пудовъ хлопка. Товаръ этотъ не былъ застрахованъ; а не былъ онъ застрахованъ (*помолчавъ*) потому, что его совсѣмъ не было.

Молчановъ (*пожимая плечами въ недоумѣніи*). Шарада за шарадой.

Минутка. А очень просто: привезли мочалу, да сожгли ее за хлопокъ.

Молчановъ (*помолчавъ и вздохнувъ*). Товко, другъ мой Фирсъ Григорычъ!

Минутка (*вставая*). Иванъ Максимычъ! Я много виновать передъ вами! Надѣяться на какое-нибудь примиреніе съ вами—это, разумѣется, было бы довольно смѣшно и глупо; но я хочу вотъ чего: хочу одолѣть свою гадость душевную и сказать вамъ: простите меня, Бога ради!

Молчановъ (*грустно*). Богъ васъ проститъ! (*Подаетъ руку, которую Минутка схватываетъ и мгновенно цѣлуетъ. Молчановъ переконфуженный.*) Что вы, что вы! Вонифатій Викентычъ... Богъ съ вами! (*Удерживаетъ его за руки и ласково сажаетъ назадъ въ кресло.*) Успокойтесь!

Минутка (*юрячи*). А я за это весь вашъ, весь, весь! и ужъ у меня Фирсъ желѣзныхъ браслетовъ не минуетъ.

Молчановъ. Вонифатій Викентычъ, я вижу, вы меня не понимаете. Слушая васъ, поневолѣ вспомнишь, что «самая выская хитрость на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чтобы никогда ни съ кѣмъ не хитрить». Будучи честнымъ человѣкомъ, какимъ я хоть не вездѣ, но по нѣкоторымъ статьямъ имѣю

право себя считать, я ни въ какихъ обстоятельствахъ не допущу васъ сожалѣть о вашей сегодняшней откровенности. Сказанное здѣсь—здѣсь умерло...

Минутка (кланяясь). И въ этомъ былъ увѣренъ. Я всегда уважалъ васъ за благороднаго человѣка.

Молчановъ. Но вы напрасно думаете, что я желаю мстить Князеву. Взысканіе съ него я уступилъ пріютамъ, чтобы меня не могли долго упранивать эти деньги ему уступить или отерочивать ихъ. Онъ не стѣбитъ этого. Но мстить... я не ищу этого. Съ Фирсомъ Григорьичемъ мои счета такъ велики и длинны, что ихъ лучше не пробовать сводить. Они начались у моей колыбели и кончатся, можетъ-быть, въ день смерти моей. Этотъ человѣкъ охидствомъ взвилъ въ дружбу къ моему отцу; онъ оттеръ отъ него мать мою; онъ уговорилъ отца написать завѣщаніе, по которому состояніе могло перейти ко мнѣ только въ такомъ случаѣ, если я достигнувъ возраста, женюсь на Мякишевой. Иначе, за руками у Мякишева, было другое завѣщаніе, по которому, въ наказаніе мнѣ, цѣлая половина этого состоянія должна была поступить въ пользу богадѣленъ. По милости Князева, я въ наше просвѣщенное время въ шесть лѣтъ сдѣлался женихомъ четырехлѣтней дѣвочки... Кромѣ того... кромѣ того, общая молва говорить, что по его же милости я менѣ чѣмъ черезъ годъ послѣ этого завѣщанія сдѣлался сиротой. Не знаю, сколько въ этомъ правды; но...

Минутка. Но правда въ этомъ есть! есть, непременно есть.

Молчановъ. Да, если вѣрить голосу народа—это правда; народъ весь въ одно слово говорить это.

Минутка. Шепчетъ. Не говорить, а шепчетъ.

Молчановъ. Если вѣрить чувству крови—это правда: она кипитъ во мнѣ, когда я его вижу. Какъ бы я ни былъ спокоенъ, стѣбитъ произнести при мнѣ его имя—и я не свой. Я не могу, не могу быть своимъ, потому что одинъ видъ его меня въ бѣшенство приводитъ. И не могу вспомнить, глядя на этого человѣка, какъ онъ въ восемь лѣтъ выучилъ меня пить сладкую водку, въ десять горькую, а въ пятнадцать ромъ и шампанское; какъ самъ онъ у себя на квартирѣ сажалъ мнѣ на колѣни французенокъ да танцовщицъ; какъ и въ его же глазахъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ рѣзалъ штоссы, и онъ за меня расплачивался... Увѣжалъ онъ—я уже самъ по его столамъ ходилъ въ праздники къ

этимъ танцовщицамъ и французенкамъ, проигрывалъ имъ; поилъ ихъ; веселя имъ давалъ... Меня пороть надо было, а воспитателя повѣсить, а его всё пахвалиться не могли. Хвалили! За что жъ хвалили? Что съ голоду не моришь да въ нанку не одѣваешь? а онъ душу мою одѣвалъ въ лохмотья. (*Помолчавъ.*) Остальное все идетъ сплошная мерзость: въ двадцать лѣтъ боязнь потерять право на имѣніе ведетъ меня къ женитбѣ на двушкѣ, къ которой не чувствовалъ никакой привязанности: потомъ три года шлялся съ своею тоской за границу; и когда бѣ не открытъ мнѣ глазъ Дробадоновъ, когда бѣ онъ не поставилъ меня на пынѣшній путь, я былъ бы вѣрно и теперь прежнимъ поганцемъ и до сихъ поръ довелъ бы ужъ мои дѣла до состоянія котораго нельзя бѣ было поправить. Такъ видите ли, какъ счеты-то мои съ Фирсомъ длинны, и какъ я хорошо ихъ знаю.

Минутка. О состояніи, Иванъ Максимовичъ, еще не безпокойтесь. Конечно, безъ состоянія человекъ все равно, что не человекъ; но вы... ваше состояніе еще дай Богъ всякому. Вы все-таки самый богатый фабрикантъ въ цѣломъ краѣ.

Молчановъ. Охъ. Боже мой! вы все о состояніи! Помилосердитесь! На что мнѣ жаловаться! У насъ, на Руси, есть люди, которымъ тузами, капиталстами бы быть, а они у своихъ благодѣтелей приказчиками, или кучерами служатъ, либо еще хуже того: папирсы въ веселыхъ домахъ гостямъ подаютъ, да не жадуются. Намъ это въ глупость нашу ставятъ; думаютъ, что мы ужъ и обиды чувствовать не способны!... Нѣтъ!... (*ударя себя въ грудь*) чувствуемъ мы ее... чувствуемъ... такъ чувствуемъ, что можетъ быть, если бы объ этомъ, о чемъ мы говоримъ съ вами, на народѣ вслухъ заговорить, такъ тысячи сердецъ объ самыя ребра въ грудяхъ стукнулись бы... да не звѣри мы, чтобы месть любить, и не шуты, чтобы на вѣтеръ жаловаться... (*тихо*) потому что и своей вины каждый изъ насъ тоже въ этомъ долю видитъ! Что Фирсъ! Фирсъ прахъ, ходящій на двухъ лапкахъ; а вотъ то, среди чего этотъ Фирсъ выросъ,—это ничтожество, это холопство... это равнодушіе... съ которымъ приходится сживатьъся, которое приходится терпѣть.— вотъ что, вотъ что не переносно! Нѣтъ... я не могу говорить объ этомъ...

Минутка. Вы успокойтесь, Иванъ Максимычъ! Я только вѣдь хотѣлъ васъ предупредить... хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы... были осторожнѣе...

Молчановъ. Благодарю васъ. *(Даетъ руку.)* Не думайте обо мнѣ; я не боюсь враговъ; я себя одного боюсь.

Минутка. Прощайте же, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ. До свиданья. *(Минутка идетъ къ окну.)*
(Улыбаясь.) Неужто вы опять черезъ окно?

Минутка. А что жъ вы думаете?... Э! чтобъ вы знали, право такъ лучше.

Молчановъ. Да что вы. Богъ съ вами! Чтò за охота! Будто я чужой какой! будто вы не могли зайти ко мнѣ просто по какому-нибудь своему дѣлу!

Минутка. Охъ, Иванъ Максимычъ! охъ, Иванъ Максимычъ! Какъ вы плохо еще его знаете! Фирсъ не то, чтò на землѣ есть, а что подъ землею-то, и то онъ на семь аршинъ въглубь видигь.

Молчановъ. О, да Богъ съ вами! Стоить ли онъ того, чтобы о немъ постоянно думать! Но если вы ужъ непременно желаете дѣлать секретъ изъ вашего визита, то я сейчасъ принесу ключъ отъ садовой калитки и черезъ садъ васъ выпущу.

Минутка *(останавливая* его).* Онъ нынче ночью ходилъ на телеграфъ и отправилъ въ Петербургъ депешу своему повѣренному и другую... *(на ухо)* Ефиму Гуслярову... мужу Мариньы Николаевны.

Молчановъ *(вздвигнувъ и сжимая руку Минутки).* Т-ссс.

Минутка *(тревожно).* Развѣ насъ кто слышитъ?

Молчановъ. Пѣтъ... не то... *(Живо.)* О чемъ депеша Гуслярову?

Минутка *(пожимая плечами).* Не знаю. *(Молчановъ озвѣщаетъ нетерпѣливое движеніе.)* Не знаю, Иванъ Максимычъ, не знаю и узнавать не хочу, потому что изъ его депешы ничего не узнаешь. Онъ пошлетъ депешу, что овса или гречи больше не требуется, а читать это слѣдуетъ: «потребуй къ себѣ свою жену». *(Молчановъ вздрогиваетъ.)*

Минутка, сжимая его руку, говоритъ *(снисходительно.)* Хорошаго ждать нечего: онъ золь на васъ и на Мариньу Николаевну. Надо быть готовымъ на всякое время и на всякій часъ все встрѣтить... и *(рѣшительно)* отпарировать.

Молчановъ. Какъ отпарировать?

Минутка. Какъ? *(Живо)*. Сегодня ъхать въ Петербургъ съ Мариной Николавной вмѣстѣ: къ отчету Фирса и въ тюрьму! Да, вмѣстѣ уѣзжайте, слышите! Если любите Марину Николавну, не оставляйте здѣсь ее: надъ ней бѣда виситъ не легче вашей.

Молчановъ. Все это вѣдь пока одни лишь подозрѣнія?

Минутка *(смотритъ Молчанову въ глаза и вздохнувъ)*. Да, подозрѣнія; а вы когда хотите защищаться?

Молчановъ. Когда на меня нападуть, когда...

Минутка *(перебивая)*. Когда... *(спохватываясь)* да, да, когда... когда увидимъ, что онъ противъ васъ задумалъ. Да, да... Ну, я буду за нимъ смотрѣть во всѣ глаза. А теперь, Иванъ Максимычъ, проводите меня покудова. Не равенъ часъ, чтобъ кто-нибудь къ вамъ не зашелъ.

Молчановъ. Сейчасъ. *(Уходитъ въ дверь направо.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Минутка *(одна)*. И этимъ не задѣлъ! Хе-хе-хе-хе! Подозрѣнія! Нѣтъ, ты перекреститься, милый, не успеешь, какъ Фирсъ клюнетъ тебя въ самую маковку... *(Оборачиваясь къ комнатѣ, куда вышелъ Молчановъ)*. А ты, барашекъ, приготовляйся, другъ, на заколенье! Не хочешь волкомъ быть, не хочешь зубъ имѣть, что жъ: самого слѣдятъ въ бараньей шкурѣ. А я... Нѣтъ, мнѣ ты насолилъ ужъ, Фирсъ Григорычъ! Я двадцать лѣтъ терпѣлъ твою капанью спесь; а нынче не изъ-за чего: сосать-то больше некого. А на отчаянность... нѣтъ, братъ, при нынѣшнихъ судахъ, на эту штуку не пойду. Я ужъ себѣ собралъ слѣбятками на молочнишко и другую дорожку нонащупаль... Одно до дьявола какъ глупо, что я вотъ этому кое про что понаемкнулъ... Боюсь теперь, чтобъ ранѣ чѣмъ слѣдуетъ Фирсъ не прозналъ, что я съ нимъ въ союзъ поавстрійски. Да нѣтъ! Молчановъ честный человекъ, а честный человекъ въ Россіи мастеръ молчать, гдѣ ему молчать не слѣдуетъ. Нѣтъ: ничего! *(За сценою слышенъ веселый голосъ Колокольцова.)*

Колокольцовъ *(за сценою)*. Сейчасъ, кума, сейчасъ. Я только изъ купальни. Вода какъ молоко парное! Просто божественно испукался.

Минутка. Голова Колокольцовъ! Вотъ чортъ возьми, еще этого осла тутъ нужно встрѣтить. *(Бѣжитъ къ окну)*. Нѣтъ,

съ симъ писавый кланяюсь! (*Прыгаетъ въ окно, роняя на полъ перчатку.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Молчановъ (*входя*). Вотъ и ключъ. (*Оглядывается.*) Вои-
нифатій Викентычъ! Гдѣ же это онъ? Неужто же опять въ
окно стрекнулъ? (*Смотритъ въ окно.*) А!.. такъ и есть...
Ишь, словно заяцъ чешеть... (*Закрываетъ окно.*) Ну, добрый
путь тебѣ до лясу. (*Садится*). Самое скверное изъ всего,
о чемъ тутъ говорилось, это то, что касается Марины. Я
долженъ непременно о ней хорошенько позаботиться и не
откладывать болѣе этого: ея доля ужасна. Матушка моя
ее мнѣ въ дѣтствѣ въ невѣсты прочила, а я изъ нея чортъ
знаетъ что сдѣлалъ... То-есть чортъ знаетъ, что мы такое
за люди! Чего? зачѣмъ я ее замужъ выдалъ?... Поблагодѣ-
тельствовавъ... Не казалась вотъ ничѣмъ, пока дѣвчонкой
была, а какъ чужою женою стала—женою разбойника—и
разсмотрѣлъ ее тогда, и полюбилась; а нынѣ она все мое
счастье. (*Задумывается*). Эхъ, помню я, какъ бывало въ Пе-
тербургѣ, бѣлыми ночами слоняясь по островамъ, какіе
споры въ юные годы вели мы про русскую женщину, (*де-
кламирая*) «съ которой никто не придетъ зубоскалить, ко-
торая въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ, коня на скаку оста-
новитъ, въ горящую избу взойдетъ», и думалось: о, если бы
я эту женщину встрѣтилъ! (*Въ это время тихо входитъ
голова, въ бѣломъ, лѣтнемъ пиджакѣ и съ веселой улыбкой
крадется къ Молчанову*). А встрѣтимъ живую такую жен-
щину — не замѣтимъ ее; либо мимо ея — проста она намъ
кажется, не философствуетъ, однообразіемъ утомляетъ — и
сами съ рукъ ее сбывать хлопочемъ, и послѣ вспомнимъ
про нее... смѣшно сказать, когда — развѣ когда некому
тебѣ въ дорогѣ пуговицы къ рубашкѣ пришить, или когда
спохватишься, что глазъ теплой рукой завести будетъ некому.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же и Колокольцовъ.

Колокольцовъ (*стоя сзади Молчанова, закрываетъ ему
своими руками глаза и держитъ.*)

Молчановъ. Иванъ Николаевичъ! полно пожалуйста буфони-
ничать. (*Отнимаетъ его руки.*)

Колокольцовъ (*весело*). Чего ты:—замечтался? Здравствуй, мой милый! А отчего ты отгадалъ, что это я?

Молчановъ. Очень трудно отгадать! Одинъ у насъ буюфонъ—голова городская. Садись-ка, закуривай сигару.

Колокольцовъ (*сидясь*). А я, братъ, зачѣмъ къ тебѣ пришелъ? Я нынче чортъ знаетъ какъ разстроентъ.

Молчановъ. Это отчего?

Колокольцовъ. Жена у меня очень скверна.

Молчановъ. Что, хуже ей?

Колокольцовъ. Совѣсьмъ скверна. Прескверное лицо — и ослабѣла. Такая злость, ей-Богу! Посмотришь, въ прежнее то время какія были женщины, вонъ матушка моя сестру Наташу на сорокъ восьмомъ году родила. Даже стыдно, говорить, было ходить беременной; медики говорили: невозможно это; а она взяла да и сотворила «возможно» — вотъ ты и толкуй съ ней: — и ничего съ нею не подѣлалось. А нынѣшняя, какъ выйдутъ замужъ, такъ никакого удовольствія отъ нихъ нѣтъ... (*сидя въ креслѣ*) какое-то трель-брень съ горошкомъ.

Молчановъ. Какъ фарфоръ брешны.

Колокольцовъ. Ни къ чорту, душка, не годятся! Говорятъ: отчего мужъ дома не сидитъ; да какъ, скажи, пожалуйста, сидѣть, когда все пискотня да стонъ! Я, знаешь... я сравниваю нашъ вѣкъ съ римскимъ, когда всѣ римляне сидѣли у гетеръ. Чтѣ хочешь говори, а это мнѣ понятно. Когда жена все эти мины корчитъ, а тамъ, представь себѣ, роскошная этакая краса, этакая веселость, блескъ, рѣчь понятная, и весь ты нараспашку распахнешься... Ахъ. Питеръ, мпый Питеръ! Ахъ ты Мабиль въ Парижѣ! Какія нишнѣнки... Этотъ компресикъ-то свой съ ленточками на головушку какъ приколетъ.. Какое остроуміе-то! Ей-Богу, день бы цѣлый все сидѣть да пульсикъ шупалъ бы у этакой Аспазии. (*Грозь шутливо пальцемъ*.) Но ты, я знаю, ты русской почвы держисься—Марияны Николаовны.

Молчановъ. Боюсь, что всѣ вы скоро посѣдете: ничто отъ васъ не скрыто.

Колокольцовъ. Да и не скроется! Представь себѣ: зачѣмъ я къ тебѣ зашелъ? Я вѣдь сейчасъ — всего за полчаса — полицеймейстершу голую видѣлъ въ купальнѣ. Я очень давно ее посмотрѣть собирался и двадцать разъ говорилъ купальщику Титу: проверни ты мнѣ, Титъ милосердный,

для меня щелочку въ тотъ нумеръ. Онъ, дуракъ, все начальства боялся; но я полицейскому солдату, что у будки на часахъ стоитъ, это поручилъ, онъ и провернулъ, и прекрасно, каналья, провернулъ: сдѣлалъ, знаешь, такую щелочку и вставной сучокъ... Пѣмецъ бы этого ни за что не сдѣлалъ.

Молчановъ. Гдѣ нѣмцу!

Колокольцовъ. Да ты, я знаю, ты западникъ и этому не сочувствуешь! (*Хватаясь за карманъ.*) Ахъ, Господи ты мой! твержу: западникъ, западникъ, а самъ и позабылъ сказать тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ... Какую мнѣ, братъ, Фирсъ Григорычъ новость сообщили про нашихъ славянскихъ братьевъ! Я тебѣ скажу, я чувствую, что я съ большимъ бы удовольствіемъ катнулъ посмотрѣть на нашихъ славянскихъ братьевъ.

Молчановъ. Ты, гляди, ты это не на компресники ли съ ленточками посмотрѣть въ Петербургѣ хочешь.

Колокольцовъ. Н-нѣтъ! Какъ можно! Нѣтъ, я вѣдь въ прошломъ году не могъ собраться посмотрѣть своихъ заатлантическихъ братьевъ: денегъ не было. Неужто жъ я и этихъ не увижу? Я еще никогда не видалъ славянскихъ братьевъ! Канунниковъ видѣлъ ихъ, да ничего рассказать не умѣетъ: какъ греки—говорить—на грековъ похожи... (*Замѣчая у окна оброненную Минуткою перчатку, бросается и поднимаетъ ее.*) А это кто у тебя, милый, рукавички-то теряетъ? Кто это, милый, былъ у тебя?

Молчановъ (*всматриваясь*). Это Минутка у меня была: за лѣчебникомъ заходилъ.

Колокольцовъ. Минутка заходилъ на минутку, ха-ха-ха!—я давно сдѣлалъ этотъ каламбуръ. «Минутка, пожалуйста на минутку». Онъ за это не сердится. Онъ преуморительный ляшокъ. И, впрочемъ, не знаю, какого ты теперь мнѣнія о пляскахъ?

Молчановъ. Да никакого больше.

Колокольцовъ. А нѣтъ, ты не шути скажи, чтѣ они такое по-твоему?

Молчановъ (*шутя*). Чортъ ихъ знаетъ: помѣсь жидъ съ французомъ.

Колокольцовъ. О, о, о, о! Нѣтъ, это, милый, не годится. Жидъ, чистый и мѣшанный, все держится одной политики:

Мнѣ въ глаза наплюй,
По лицу отдуй,
По щекамъ трезвонь,
Лишь карманъ не тронь:
Въ немъ чувствительность,
Раздражительность.

А у поляковъ... у нихъ есть что-то такое этакое... рыцарское... это... это, какъ тебѣ сказать, этакое все... у нихъ вмѣстѣ... дерзость и мерзость.

Молчановъ. Похвалили!

Колокольцовъ. Да; но я говорю, что они все-таки амюзантная нація. Я не люблю, когда противъ нихъ возбуждается эта ненависть. Это не въ нашемъ характерѣ. Разумѣется, я говорю это не какъ голова; какъ голова, я, конечно, гдѣ слѣдуетъ, иначе скажу,—но я это какъ русскій человѣкъ говорю, какъ я чувствую. Я ничего не имѣю противъ поляковъ. Ты помнишь въ Вѣнѣ, что сдѣлалъ одинъ полякъ съ нашимъ русскимъ?—дать ему одну бронеюрку прочесть противъ австрійскаго правительства, а того бацъ ночью и обыскали. Съ тѣмъ лихорадка сдѣлалась, чуть съ ума не сошелъ отъ страху, что сошлютъ. Но этотъ полякъ пришелъ и говорить: не бойтесь, говорить, это я, говорить, на васъ наслалъ, потому что намъ нужно было отвлечь вниманіе полиціи отъ одного своего дѣла: я, говорить, и написалъ анонимное письмо, что у васъ есть подозрительныя бумаги... Вѣдь этакая верткая каналья!

Молчановъ. Да, ужъ чего еще не каналья!

Колокольцовъ. Но какъ ловко-то и въ то же время вѣдь и совершенно безвредно! Ахъ, другъ мой, я того убѣжденія, что вѣдь они не мы. Ихъ положеніе другое. Мы вѣдь гиганты... наше имя исполнить, а исполнены всегда снисходительны. Ты вотъ, я знаю, ты не любишь Фирса Григорыча; а я его за что люблю? Я знаю, что онъ—entre nous soit dit — мерзавецъ cum cuximia laude, но я его люблю за его прекрасную натуру — за его русскую натуру. Онъ русскій человѣкъ, и зато посмотри, какъ онъ снисходительно относится къ полякамъ. Онъ говоритъ: что поляки? Это вздоръ, говорить, поляки... Такъ-таки и говорить: «это вздоръ», ихъ нѣтъ,—и я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ, потому что гдѣ же нынче Польша? Тюти, душка: мышки ее съѣли.

Молчановъ. Да, чортъ бы ихъ побралъ: теперь, какъ клопы ползуть сюда, чтобъ кровь сосать тихонько изъ Россіи. Здѣсь подлецовъ и дураковъ еще найдется, чтобъ съ ними заодно якшаться.

Колокольцовъ. Догадываюсь! Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что, сказавши «подлецовъ», ты это на Фирса намекаешь; ты Фирса очень не любишь. И я это понимаю. Я какъ-то очень долго размышлялъ, за что ты его такъ не любишь, и нарочно сегодня зашелъ къ тебѣ сказать, что я открылъ причину вашей ненависти: вы оба очень самолюбивы. Ты самолюбивъ и онъ самолюбивъ. О, онъ чертовски самолюбивъ; онъ въ этомъ случаѣ... онъ даже до поэзіи возвышается... Онъ во многомъ возвышается до поэзіи; но въ самолюбіи онъ даже во вредъ себѣ возвышается до поэзіи. Я этому вчера колоссальный примѣръ видѣлъ; грандіозный примѣръ. Я нарочно пришелъ сегодня рассказать тебѣ объ этомъ. Вчера у меня генералъ Ковалевъ сказалъ о Штукаревѣ... Кто-то сказалъ, что Штукаревъ разоренъ; а Канунниковъ, что ли, или не помню кто говоритъ: Э, говорить, это пугный человѣкъ пропадетъ, а ихъ брата, откупную шивку, чортъ не возьметъ. А генералъ Ковалевъ говоритъ: да, говорить, Штукаревъ нашъ настоящій русскій человѣкъ; я, говорить, совершенно въ томъ увѣренъ, что «пока онъ живъ, никто въ его дѣлахъ ничего не разберетъ». Что жъ ты думаешь, Фирсъ вынесъ это? Какъ бы не такъ! «Эхъ, ваше превосходительство, говорить,—да я, говорить, и умру, такъ послѣ меня никто ничего не разберетъ». Можешь ты себѣ это представить—и здѣсь не упустилъ!

Молчановъ (*смѣясь*). Вотъ! какъ грачъ по нашимъ прыгалъ съ одного на другое: про все переговорилъ—и опять за Фирса! Когда бы ты зналъ, какъ мнѣ это надоѣло два часа къ ряду день-изо-дня все слышать: Фирсъ Григорычъ да Фирсъ Григорычъ,—точно онъ здѣсь какой король. Да чортъ его дерни! Онъ мнѣ вовсе не интересенъ.

Колокольцовъ (*таинственно*). А скажи, правда это, что ты на него искъ дѣтскимъ пріютамъ уступилъ?

Молчановъ (*снова разсмѣявшись*). Опять грачомъ запрыгалъ! (*Серьезно.*) А что такое?

Колокольцовъ (*шутливо и робко*). Ничего, душа моя, ничего... Но это, я думаю, ему... не по носу табакъ.

Молчановъ. Я и не желаю его носа тѣшить.

Колокольцовъ. Да, да, именно носа не тѣшить. Есть на этотъ счетъ французская поговорка, только не къ носу, а къ другому, къ плѣши: *il ne faut jamais tacher de chasser le nez...* А? понялъ?... По-русски это просто значитъ: не тѣши чужую плѣшь. (*Наибаясь къ Молчанову.*) А знаешь ты, я, наблюдая твой характеръ, всегда сравниваю тебя съ Сарданапаломъ? именно съ Сарданапаломъ. Ты очень тихъ, и вдругъ ты этакъ именно являешься Сарданапаломъ, котораго весь вѣкъ считали бабою, а онъ вдругъ взять и сжегъ себя.

Молчановъ (*громко расхолажившись*). Ха-ха-ха! Охъ! ты меня уморишь, Иванъ Николаичъ!... Ха-ха-ха!

Колокольцовъ. Чего ты? чего ты? Ей-Богу, Сарданапалъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Мякишевъ.

Мякишевъ (*входитъ*). Здорово зять!

Молчановъ (*встаетъ, кланяется и снова садится*). Здравствуйте, Пармень Семенычъ!

Мякишевъ. Чего же это ты хохочешь? Фирсъ Григорьичъ такое подъ тебя подвелъ... статью такую вывелъ, а ты здѣсь шутки шутишь!

Молчановъ (*жестко*). Что такое? Какую онъ статью подвелъ? Какое мнѣ дѣло до его статей?

Мякишевъ. Дѣло!.. Да мнѣ-то дѣло: вѣдь за тобой дочь моя.

Молчановъ. Чортъ знаетъ, что это такое говорится! статью подвелъ, дочь за мной... Въ чемъ дѣло—разскажите?..

Колокольцовъ (*шутя и зашарывая*). Да я и забылъ, мой милый... Я вѣдь за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Ты тамъ своимъ рабочимъ долю назначаешь... Конечно, отъ насъ, какъ говорится, хоть тридцать лѣтъ скачи, ни до какого государства не доѣдешь; но все же вѣдь... Это социализмъ. Конечно, всѣ могутъ съ тобой согласиться, что это полезно; но это...

Молчановъ (*перебивая*). Это если, Иванъ Николаичъ, и шутка, такъ это очень глупая шутка. О какомъ социализмѣ тутъ можетъ быть рѣчь, гдѣ всѣ за каждый грошъ брата засудить?

Колокольцовъ. Да вѣдь, однакоже, справедливо, что ты фабричнымъ долю обѣщаль?

Молчановъ. Иѣтъ; это несправедливо. Это было бы слишкомъ справедливо для моей несправедливости. Я хотѣлъ прибавить имъ жалованья, потому что нынче неурожай, хлѣбъ дорогъ. Вы возстали противъ этого, просили меня не дѣлать надбавки, чтобы и ваши того же не потребовали...

Колокольцовъ. Этого, душа моя, нельзя! Какія же наши-то прибыли! Помилуй, я... я правду тебѣ скажу. Я за тѣмъ къ тебѣ сегодня и зашелъ, чтобы у тебя тысяченку наличности перехватить, чтобы съѣздить славянскихъ братьевъ посмотреть. Когда тутъ намъ въ эти годы съ рабочими сентиментальничать! Вѣдь это въ литературѣ очень хорошо сочувствовать стачкѣ рабочихъ... Ты знаешь, что я и самъ этому сочувствую, и самъ въ Лондонѣ на митинги хаживать... Тамъ я этому всему сочувствовалъ, хотя, я тебѣ скажу, что жъ такое Англія? Я вовсе не уважаю Англіи... Гм! стачки позволены—и о-бокъ съ ними лорды и крупное землевладѣніе... Но когда это на самомъ дѣлѣ, когда... когда я самъ сдѣлался фабрикантомъ—это другое дѣло, душа моя! Это стачки, это... это чертъ знаетъ что такое для нашего брата! Да и наконецъ, какъ голова, я долженъ тебѣ сказать, что это вѣдь и закономъ запрещено.

Молчановъ (*вспыльчиво*). Убирался бы ты отсюда, Иванъ Николаичъ, поскорѣ къ своимъ славянскимъ братьямъ и не мѣшай бы намъ свои русскіе лапти на оборы поднимать. Что это такое? Про что вы встолковались? *Я такъ хочу!* Понимаете, *я такъ хочу!* Я нахожу, что наши рабочие получаютъ мало. Я хотѣлъ прибавить имъ — вы воспротивились. Изъ этого простого желанія вы сочинили и распустили слухъ, что я у васъ хочу лучшихъ работниковъ хитростью отбить, а потомъ опять сбавлю цѣну ниже нынѣшней. Мастеровые вамъ повѣрили... Что жъ, на вашей улицѣ праздникъ. Побѣдители не судимы.

Колокольцовъ. То-то, я говорю, другъ мой, надо знать нашего человѣка.

Молчановъ. Чертъ его бери, нашего, не нашего: мнѣ всѣ равны люди. Я знаю, что они голодны, и ихъ голодь мнѣ мѣшаетъ обѣдать спокойно. Я имъ сказалъ одно, чтобы они составили артель, чтобы сами поручились мнѣ за цѣлость матеріала, а я отищу смотрителей и раздамъ смотрительское жалованье рабочимъ. Кажется, я въ правѣ это сдѣлать.

Колокольцовъ. Штъ, не въ правѣ.

Молчановъ. Отчего?

Колокольцовъ (*не зная, что сказать*). Мм... м...

Мякишевъ. Да ты общественный человѣкъ, или тебя подъ крапивою индюшка высидѣла?

Колокольцовъ. Да, да! ты вѣдь не Фридрихъ Великій, чтобъ каждому жареную курицу могъ къ обѣду доставить. Да и тотъ не доставилъ.

Молчановъ. Извольте разбирать пожалуйста: то социалістъ, то Фридрихъ Великій.

Мякишевъ. А больше всего скажу я тебѣ, зять: ты шутъ.

Молчановъ. Какъ это шутъ?

Мякишевъ. А такъ шутъ, коли ты на общую долю даешь, что еще самому годящее. Можно пожертвовать, кто говоритъ, мало ли кушцы на что жертвуютъ, да только вѣдь жертвуютъ, такъ съ умомъ жертвуютъ, съ выгодой: или для ордена, либо что совсѣмъ нестоющее. А ты, накося, отъ себя рвешь, да на міръ занлаты пьешь.

Колокольцовъ. Да; вѣдь именно прежде всего всѣ мы, другъ мой, мы общественные люди... Мы этимъ должны гордиться. Но мы не свободны — это самое первое... мы должны другихъ слушаться... это наше коренное, наше русское... славянское...

Молчановъ. Отстань ты отъ меня, пожалуйста, съ твоимъ и съ русскимъ, и съ славянскимъ! Говори, въ чемъ дѣло?

Мякишевъ. А въ томъ дѣло, что какъ ты по-своему, по-ученому полагаешь: можетъ ли тебѣ общество затрепину дать?

Молчановъ. Какъ это затрепину дать?

Мякишевъ. Такъ, взять да и вышвырнуть. Не надо, молъ, намъ, дуракамъ, такого умника. Не знаешь, какъ изъ общества исключаютъ? Приговоръ напишутъ, да и выключатъ.

Колокольцовъ. Общественный, душа моя, судъ. Общество въ этомъ несогласно. Я за тѣмъ къ тебѣ и пришелъ сегодня.

Молчановъ. Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать, что полцеймейстершу голую видѣлъ.

Колокольцовъ (*недовольно*). Совсѣмъ не то! Это... мм-м... это другое... Я пришелъ потому, что сегодня утромъ всѣ наши первые фабриканты — Иванъ Петровичъ Канунниковъ, Матвѣй Ивановичъ Варенцовъ и Илья Сергѣичъ Гвоздевъ —

подали мнѣ бумагу, что ты своими распоряженіями зломѣренно дѣйствуешь въ подрывъ нашей фабричной промышленности, и просить тебя ограничить. Я вотъ зачѣмъ пришелъ.

Молчановъ. Ты, Иванъ Николаичъ, въ эту минуту мнѣ напоминаешь того анекдотическаго бурмистра, который начиналъ свое письмо барину съ извѣщенія, что въ его имѣніи все, слава Богу, благополучно, а подъ конецъ прибавлялъ, что только хлѣбъ градомъ выбило, скотъ подохъ да деревни сгорѣла. Что жъ ты мнѣ здѣсь торочишь про полицеймейстершу, про атлантическихъ братій, про славянскихъ братій, а не скажешь, что противъ меня затѣваютъ мои русскіе братія?

Колокольцовъ. Да вѣдь я къ этому жъ и вель, душа моя, когда говорилъ съ тобой про Фирса. Я говорилъ, что онъ *удивителенъ*... я не могу сказать: оригиналенъ, а именно удивителенъ. Какъ бы о немъ что ни говорили, но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ владѣетъ удивительной силой убѣжденія. Какъ онъ ловко основалъ все это! Вотъ какъ это у него написано (*вынимаетъ бумажку и читаетъ*). Мм... м... м... да вотъ! «Такія несоразмѣрныя надбавки задѣльной платы въ подрывъ другимъ фабрикантамъ невозможны со стороны человѣка, радѣющаго о своихъ пользахъ и выгодахъ, а свойственны лишь расточителю, стремящемуся предать свое наследственное имущество чрезъ свою расточительность послѣдному разоренію и окончить банкротствомъ, которую цѣль общество обязано предупредить и отвратить, сколь въ видахъ сохраненія общественнаго кредита, столь же и для того, дабы семейство сего расточителя, доведенное имъ до нищенства, не осталось на рукахъ и на попеченіи общества. А что Иванъ Молчановъ есть расточитель, то сему кромѣ сказаннаго доказательства слѣдующія: онъ окроми прибавки платы рабочимъ, забывъ родныхъ дѣтей, намѣревался пожертвовать двѣсти тысячъ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и преподноситъ покупаемый имъ на свои деньги особый домъ со стросніемъ мѣщанской женкѣ Маринѣ Гусляровой».

Мякишевъ. Не хорошо зятекъ, не хорошо.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же, Анна Семеновна и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*быстро входит и вводя за руки двоихъ*

дѣтей. Къ мужу). Что жъ ты это и послѣ этого еще мужъ, а не разбойникъ? Есть же еще гдѣ Пилать хуже тебя!

Мякишевъ. Марья! Марья! Марья! не хорошо, не хорошо такъ съ мужемъ.

Марья Парменовна. Что вы, папенька, вѣшываетесь? Это не ваше дѣло совсѣмъ въ это мѣшаться. Между мужемъ и женою никто мѣшаться не долженъ; а я именно, какъ дяденька Фирсъ Григорьевичъ совѣтуетъ, я судъ соберу; и пусть насъ разсудятъ, потому что онъ воръ.

Анна Семеновна. Да и хуже вора гораздо.

Молчановъ. Что это такое? Какъ вы смѣете приходите ко мнѣ и говорить такія вещи?

Анна Семеновна. Да отчего жъ правды не говорить? Мнѣ десятскій на ротъ бандероли не накладывалъ?

Марья Парменовна. Гдѣ жъ тебѣ съ воромъ равняться? Воръ чтò воруетъ, все себѣ тащить; а ты все изъ дому.

Анна Семеновна. Да, разумѣется! что ты съ воромъ-то равняешься? Воръ вонъ наемни у насъ козу укралъ, такъ онъ ее не чужимъ же потащилъ, а къ дѣтямъ къ своимъ отвелъ ее, чтобъ пропитаніе имѣли. Это стало отецъ. Онъ и побои за нее принялъ, хоть и не въ дуриномъ мѣшини и укралъ-то ее, а что краденая, говоритъ, молока больше даетъ. Такъ это рачитель. А ты, пако-си, по двѣсти тысячъ на незаконныхъ дѣтей жертвуешь! Ты бы хоть своихъ-то дѣтей постыдился.

Марья Парменовна. Да ему чтò свои дѣти! Онъ имъ хлѣба — и того жалѣть. На что, говоритъ, вы ихъ по десяти разъ въ день кормите? — они опухли отъ жратвы. Животы понаходили у нихъ какіе-то: какъ барабаны, говорятъ, у барабанщиковъ.

Анна Семеновна. Ахъ ты, безбожникъ ты этакой! Развѣ можно такъ про херувимовъ говорить: барабанщики? Вѣдь они безплотные или нѣтъ: какъ же ты имъ ѣсть-то отказываешь?

Марья Парменовна. Аглицкую болѣзнь отыскалъ въ нихъ.

Мякишевъ. Это не дѣло ты говоришь. Какая у купеческихъ дѣтей аглицкая болѣзнь можетъ взяться? Такъ съ сытости купцы пухнутъ.

Марья Парменовна. Опять же это вы такъ, титенька, имѣвши разумъ, понимаете; а онъ этого, вѣдь, ничего понимать не можетъ. (*Выставляя дѣтей на видъ и оглаживая*

ихъ.) Опъ даже и того не скрываетъ, что стыдится своихъ дѣтей.

Анна Семеновна. Это законныхъ-то дѣтей стыдится?

Марья Парменовна. Уроды, говорить. Людямъ ему ихъ, видите ли, показать будто стыдно!

Анна Семеновна. Да что ихъ кому показывать-то? Чтобы еще сглазили! Тпфу! *(Забираетъ къ себѣ дѣтей.)* Они, слава Богу, не дворянскія дѣти, а христіанскія, не на показъ растутъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ *(входя)*. А все же, сватья, дворянскія дѣти нашихъ умѣе. Дворянинъ съ четверть роста всего, а спроси его, что, моль, такое грамматика? говорить: «два солдата»; а нашъ этого объ эту пору не знаетъ.

Молчановъ *(вспыхнувъ)*. Фирсъ Григорьичи! Какое право вы имѣете сюда войти? Прошу васъ вонъ! Сію же минуту вонъ выйдите.

Князевъ *(садясь)*. Не слушаю.

Молчановъ *(зоветъ прислугу)*. Люди! люди!

Марья Парменовна. Что! ты звать людей? *(Бросается къ двери.)*

Анна Семеновна. Выскочи, выскочи, Маша, на улицу, да заори хорошенько.

Марья Парменовна. Что, хорошо тебѣ будетъ, какъ народъ-то соберется?

Молчановъ. Что ты!.. безумная! *(Схватываетъ ее за руку и возвращаетъ на мѣсто.)*

Анна Семеновна. Что тутъ безумнаго? Да на разбойника мужа только и справы, что на весь народъ крикнуть. *(Молчановъ садится, махнувъ рукой.)*

Марья Парменовна. И вѣдь тебѣ десять разъ говорила, что я скадаловъ не боюсь; а ты, когда боишься ихъ, такъ такъ и веди себя, не затѣвай свары и покорийся мнѣ.

Князевъ *(Колокольцову)*. Прошу васъ, господинъ голова, его поурезонить.

Колокольцовъ. Пустой, Иванъ Максимычъ: мы къ тебѣ собрались по дѣлу.

Молчановъ. Какъ, по дѣлу собираетесь? По какому дѣлу?

Князевъ. Сейчасъ узнаешь.

Молчановъ. Что жъ это... засѣданье, что ли, или заговоръ?

Князевъ. Да, заговоръ. Не знать только, что заговаривать: не то одни зубы, не то всю гадину. Нѣтъ, братъ, мы не заговорщики, а общественные люди. Заговорщиковъ вѣшаютъ, а намъ и Богъ, и Царь, и совѣсть указали сообща вести мѣрской корабль и защищать вдовицъ и сиротъ.

Молчановъ. Но здѣсь нѣтъ ни вдовицъ, ни сиротъ, и некому искать у васъ защиты.

Марья Парменовна. Я, я прошу защиты.

Князевъ. Вотъ, видишь, вразъ вдовица-то и объявилась, а сироты, по маломыслию, молчатъ, такъ мѣръ за нихъ и самъ заговорить. (*Строго и важно, стучицъ въ полъ палкой.*) Ты состояніе родовое сотнями тысячъ транжиришь; работникамъ счеты свои фабричныя открывать собираешься; имѣніе продавать надумалъ; да на всемъ честномъ пародѣ отъ живой жены любовницу замужнюю къ себѣ въ загородный домъ взялъ... Нѣтъ, братъ (*ударяя себя въ грудь*), мы не допустимъ этого! Мы, общество, боимся Бога и совѣсть нечитая, не допустимъ твоей семьѣ погибнуть. (*Къ присутствующимъ.*) Господа! вы, голова, и ты, Пармень Семеновичъ, и ты, вдова при мужѣ, и всѣ вы, кто меня слышите! объявляю вамъ, что находившійся въ моей опекѣ купецъ Иванъ Молчановъ стремится къ расточенію своего имущества. Вотъ вамъ доказательства, что онъ позавчера купилъ для одной безпутной женщины домъ (*вынимаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ ее головъ*), а вотъ другое, что онъ позавчера же подарилъ двѣсти тысячъ... *двѣсти тысячъ*, господа, подарилъ, и этотъ подарокъ едва могъ быть остановленъ...

Молчановъ (*быстро*). Кто смѣлъ его остановить?

Князевъ (*спокойно*). Я.

Молчановъ. Это ложь! Вы не могли остановить этого.

Князевъ (*еще спокойнѣе*). Отчего бы это не могъ? Мы не въ Сибири живемъ, да и тамъ пунѣ телеграфы есть, а отъ сумасшедшихъ и отъ расточителей нигдѣ подарковъ принимать не позволяется. (*Присутствующимъ.*) Съ своей стороны, я одинъ своими средствами все, что могъ, сдѣлалъ. Теперь ужъ вы за все въ отвѣтъ.

Макишевъ. Что жъ, надо его ограничить.

Князевъ (*подавая бумагу Марьѣ Парменовнѣ*). Жена его проситъ васъ, господинъ голова, не медли ни часу, пока

послѣдуетъ какой судъ и приговоръ, устранить его отъ распорядженія имѣніемъ.

(Марья Парменовна подаетъ голову бумагу, которую тотъ держитъ въ рукахъ, недоумывая, что ему съ нею дѣлать.)

Молчановъ *(вставая)*. Такъ это не во силъ?

Князевъ *(обтирался платкомъ)*. Нѣтъ, сударь, вѣдь.

Молчановъ. Такъ это вы вправду собрались... меня связать судомъ, какимъ еще ни одинъ человѣкъ на Руси не былъ связанъ?

Князевъ. Были, врешь ты, были.

Молчановъ *(горячо и рѣшительно)*. Ну, были ли, не были ли, мнѣ все равно. Но если вы нашли право такъ поступить со мною, и если точно есть у васъ такое право, такъ... такъ знайте жъ и вы, и дѣти, и жена моя допосѣлка: — я господинъ своимъ имѣніямъ! Пока вы свой холодной судъ парядите, я продамъ все... подарю, если кушца не будетъ... подарю, первому нищему отдамъ, по этой гаднѣ холодной *(указывая на жену)*, которая передъ Богомъ обѣщалась беречь меня и передъ людьми меня выдала на поруганье... нѣтъ ничего, ничего! Своихъ враговъ награждать никто человѣка обязать не можетъ.

Князевъ *(подкрадываясь тихо, распахиваетъ двери во внутренніе покои, въ которыхъ на самомъ порогѣ стоятъ Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ)*. Прощу войти васъ, господа! Вы слышали?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ.

Всѣ *(входя влѣтять)*. Слышали, Фирсъ Григорьевичъ, слышали.

Князевъ. Теперь извольте сами рассуждать по тому, что видите?

Гвоздевъ. Что жъ, нашъ совѣтъ такой, каковъ и твой же, Фирсъ Григорьевичъ: собрать все общество и ограничить.

Всѣ *(раюмъ)*. Ограничить, ограничить.

Молчановъ. Да это что жъ такое? Въ домъ ниюновъ ставить? Вѣдь не было же еще покудова суда, и *и* покуда здѣсь хозяинъ.

Князевъ. Врешь: ты былъ хозяинъ, по съ сеѣ поры... ты расточитель! *(Пауза. Картина.)* А вотъ мы сейчасъ еще лучше увидимъ, кто хозяинъ. Хозяинъ дому не кипеть,

хоть варомъ вари его, а прусакаъ отъ слова вонъ побѣжитъ, кто на него слово знаетъ. (*Присутствующимъ.*) Я, господа, за разъ, чтобъ положить конецъ всему этому безобразію, покончилъ и съ его помощницей. (*Вынимая изъ кармана небольшую бумагу и раскрывая ее передъ всеми.*) Вотъ вамъ депеша изъ Питера отъ Гуслярова: онъ просьбу шлетъ, чтобъ жена его Марина Николаевна, которую и теперь скрываетъ у себя на дачѣ Иванъ Молчановъ, была бы немедленно же выслана къ нему къ совѣтному сожителству; а до поры ее теперь; я думаю, уже арестовали.

Молчановъ (*отчаянно*). Га!.. (*Опрометью бросается въ дсери и убѣгаетъ.*)

Князевъ (*Марья Парменовна*). Смотри, племянница, онъ брильянты схватитъ!

Анна Семеновна (*бѣжитъ*). Охъ, матушки! ухватитъ.

Марья Парменовна (*бѣжитъ*). Маменька, маменька, тамъ еще шуба бархатная, что онъ дарилъ. (*Дѣти уходятъ съ резомъ.*)

Князевъ (*присутствующимъ*). Смотрите, онъ ушибетъ вѣдь бабъ-то!

(*Всѣ кромѣ Минутки бросаются за женщинами.*)

Князевъ (*посмотрѣвъ пристальнымъ взглядомъ на Минутку*). Что?.. какъ ты думаешь объ этомъ, Воионатій? (*Сжимая руку Минутки.*) Вотъ то-то... Вы всю жизнь на этомъ ремеслѣ стоите, и крестить васъ въ такой купели въ Польшѣ, чтобъ каверзу строить, а все... безъ заговоровъ ничего не сдѣлаете. У насъ проще эта политика! Видишь, ты одинъ дѣла верти... да такъ, чтобъ хвостъ не зналъ, что затѣваетъ голова. (*Указывая назадъ на дверь, куда вышелъ Колокольцовъ.*) Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (*показывая на себя*), что дѣло додѣлывать будетъ. (*Сухо.*) Садись къ столу и актъ напиши о всемъ, что было, и приноси туда для подписи. (*Минутка садится къ письменному столу Молчанова.*)

Князевъ (*выходя на авансцену*). Ну, кашу заварилъ. (*Тихо смѣется.*) Хе-хе-хе-хе... въ колокола про судъ ударили и звонять, и звонять... ха-ха-ха! Да что тутъ хитраго въ колокола звонить! Вотъ вы пожалуйста прислушать, какъ я вамъ въ ланги звякну. (*Уходитъ.*)

Минутка. Да, ты правъ, панъ Фирсъ, ты правъ. (*Беретъ себя за ухо и подражаетъ Фирсу.*) «Дѣлай такъ, чтобъ

хвостъ не зпаль, что затѣваетъ голова. Не эта голова, что вышла, а вотъ эта (показывая на свой лобъ), что будетъ дѣло додѣлывать».

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая зала въ домѣ куца Мякишева. Мебель старинная, обитая чернымъ; по обѣимъ сторонамъ два одинаковые дивана; передъ ними столы; бюро; часы съ кукушкой; въ углу колонка краснаго дерева съ букетомъ восковыхъ цвѣтовъ подъ стекляннымъ колпакомъ. При поднятіи занавѣса черезъ открытыя окна слышенъ со двора шумъ многочисленной толпы народа. Шумъ начинается до поднятія занавѣса.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мякишевъ (сидитъ за столомъ на диванѣ); Князевъ (попытывается за тѣмъ же столомъ на креслѣ); Минутка (пишетъ).

Князевъ. Экъ, какъ галдятъ!

Минутка. Съ утра стоять здѣсь на дворѣ; некота, жарко; оголодали, Фирсъ Григорычъ, а судъ еще, гляди, вѣдь не сейчасъ начнется. (Оставляетъ перо.) Иванъ Максимовичъ, говорятъ, только-что сейчасъ пріѣхалъ съ дачи въ городъ и занелъ къ головѣ, но голова его не принялъ.

Князевъ. Да; не принялъ. Ну, что намъ до того,—принялъ или не принялъ. (Смотритъ въ окно.) Скажи, пожалуйста, чего это они все въ одно мѣсто вверхъ смотрятъ?

Минутка (тоже выглядывая въ окно). Галка вопъ на карнизѣ сидитъ. Галку смотрятъ.

Князевъ. Что-жъ она чудного дѣлаетъ, что они въ нее воззрились?

Минутка. Ничего—хвостомъ трясетъ, а они смотрятъ.

Князевъ (смѣясь). Эко дурачищи!

(Народъ подъ окномъ за сценою: Ха-ха-ха! У-у! у! у! уре! Полетѣла! полетѣла!)

Князевъ. Ха-ха! Что за скоты такіе. (Минуткѣ.) Поди-ка ты сюда. (Отводитъ ея въ сторону.) Тамъ спосылай кого-нибудь скорѣе въ мой шипокъ, что на углѣ здѣсь ближе, и прикажи сидѣльцу, чтобъ всемъ имъ въ долгъ дать,

кто сколько вылопастъ. Понимаешь ли: не давать даромъ, чтобъ не сказали, что я подкаивать хотѣлъ всю эту сволочь. Въ долгъ пусть лопаютъ. Отдасть ли, не отдасть ли который, но только въ долгъ давать... Вѣги.

Минутка. Въ минуту, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*Мякишеву*). А ты, отецъ, чего-то юни распустилъ?

Мякишевъ (*покичавъ головой, тихо*). Жалко мнѣ его. Я его люблю.

Князевъ. Чурилка ты, какъ посмотрю я на тебя, а по купецъ! Что, будемъ такъ къ примѣру разсуждать, — что если я напьюся до-пьяна, да въ твоихъ глазахъ пользу въ рѣку—пустишь ты меня? Топишь молъ, Фирсъ Григорычъ, я съ тебя твоей воли не снимаю? или попридержать бездѣлицу? Что тебѣ долъ-то твой христіанской повелѣваетъ?

Мякишевъ. Да христіанскій долъ, конечно...

Князевъ. Ну, то-то и оно «конечно». Не то, что просто приудержишь, а если буяннить стану, такъ и свяжемъ да положишь, пока умирать охота пройдетъ. Не что иное и съ нимъ дѣлаютъ: онъ топиться хочетъ, а мы его удерживаемъ; онъ буяннить—что дѣлать—мы его свяжемъ.

Мякишевъ (*тыкалъ въ столъ пальцемъ*). Вотъ это-то вотъ, свяжемъ-то... слово сіе жестоко есть.

Князевъ. А если Марьюшка къ тебѣ назадъ придетъ на хлѣбъ, да не одна еще теперь, а съ внучками, которые все чѣсть-то просить, сіе не жестоко будетъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна (*сходя съ сердитой миной. Къ мужу*). Да ты чего съ нимъ, Фирсъ Григорычъ, говоришь-то? О чемъ? Онъ вѣдь, небось, не понимаетъ.

Мякишевъ. Небось, понимаю.

Анна Семеновна (*мужу*). Ну, какъ же! Не мало ты когда что-нибудь понимать. Видишь, осовѣлъ совѣмъ; все спить. Теперь вопъ май мѣсяць—народъ въ рѣкѣ купается, а онъ, точно котъ, все на лежанкѣ трется. (*Князеву*.) Не слунай ты его, свать, ни въ чемъ. Нечего его слушать. Дѣлай, какъ ты самъ знаешь. Вѣдь ты у насъ, все знаютъ, какой ты умный; тебя умнѣй никого въ городѣ нѣтъ.

Князевъ. Да, дуракомъ не ставили.

Анна Семеновна. Да и Марьюшка вчера у меня вечеромъ также была, такъ то-жъ говорить: какъ, говорить, диденкѣ Фирсу Григорычу, говорить, угодно, а надо, говорить, его ограничить. Не такъ, чтобы вполне, говорить, ограничить, а чтобы онъ только, говорить, ни до чего бы не доходилъ; а я бы, говорить, всемъ распорядилася.

Князевъ. Ну, разумеется, она.

Анна Семеновна. Потому что иначе она его никакъ съ собою къ любви не приведетъ. Видишь, вонъ онъ какъ позавчера безъ всякаго стыда махнулъ къ Маринкѣ, такъ и теперь до сихъ поръ тамъ... и не бывалъ къ женѣ. Легко это ей, Манѣ-то? Да и скажи-жъ, свать, сдѣлай милость,— скоро се, Марину-то, выплюють? Вѣдь неприятно это намъ, что она тутъ живетъ.

Князевъ. Ну, погоди, выплюють. Надо, чтобы добро-то прежде было въ вашихъ рукахъ, а тогда въ вашихъ рукахъ и правда будетъ.

Анна Семеновна. Разумеется такъ! *(Мужу.)* А этотъ еще упирается.

Мякишевъ. Миѣ суда странно.

Анна Семеновна. Какого это суда?

Мякишевъ. Страннаго суда Господня.

Анна Семеновна. Такъ, стало-быть, судъ-то этотъ надъ тобою надъ однимъ, что ли, будетъ? Надъ всеми вѣдь этотъ судъ будетъ. Такъ вѣдь на то же человѣку положена молитва — отмолить можно. Да тебѣ и отмаливать-то нечего: ты молчи, да и только. Я, молъ, что все, то и я; я ничего не знаю. Такъ тутъ и грѣха нѣтъ.

Князевъ. Вотъ, видишь, жена-то у тебя какая мозговитая.

(Мякишевъ машетъ рукою и уходитъ.)

Князевъ *(по уходѣ Мякишева, фамильярно и съ своеобразнымъ куртизанствомъ, къ Аннѣ Семеновнѣ).* Ахъ ты, конь мурземецкое! Гляди, какъ она командуетъ.

Анна Семеновна *(улыбаясь изъ-подъ брови).* У тебя научилась.

Князевъ *(вставая и потирая поясницу).* Э, дѣвка, ужъ я и самъ-то все позабылъ: старо становишься и ветхо.

Анна Семеновна. Пѣтъ, видно, ты старъ-то никогда не будешь. У тебя, у стараго-то, все слышно идетъ не по-старому, а по-молодому.

Князевъ. Толкуй. Пѣть, дѣвушка, того ужъ пѣть, что тебѣ, можетъ, помнится. Третьяго дня, вечеромъ, вздумалъ-было на кладбище прогуляться. Пріѣхалъ, анъ ужъ ворота заперты и сторожей нѣтъ. Ахъ вы, волкъ васъ съѣшь совсѣмъ! Черезъ ограду вздумалъ перескочить... Что-жъ ты думаешь, вѣдь насилиу перелѣзъ. *(Встѣ себя по колѣнямъ.)* Тутъ-то вотъ... въ хрищахъ-то жестоко стало... не то, что бывало... Помнишь, Нюра! гдѣ намъ съ тобой большой дороги не было? А-а! Помнишь, что ль?

Анна Семеновна *(потупляя глаза и разбирая бахрому у платка).* Чай вѣдь не вовсе безпмятная.

Князевъ. Ахъ, ты, безпardonная! Ужъ я тамъ по кладбищу-то ходючи тебя вспоминалъ, вспоминалъ, да и счетъ съ памятью забылъ. И тутъ-то Нюна; и вотъ здѣсь-то она; и вотъ тутъ не безъ нея... Тпфу ты, грѣхи наши тяжкіе!

Анна Семеновна. Не со мной ты съ одной тамъ прогуливался: у тебя стать вѣшать до Москвы на столбахъ по одной—не перевѣшаешь.

Князевъ *(перевѣвая).* Да не про то, глупая! Я говорю, что, тебя вспоминаячи, вспомнишь, какой народъ-то былъ. И промежь вашей сестрой, промежь бабами тогдашними, и то люди были. И строгость была, и мужья, и свекровьи, а у насъ все, бывало, свое идетъ: о полвечерни рѣженья себѣ прямо на могилки; а Нюна ужъ тамъ... *(Заирывается съ ней.)* Сидитъ, разбойница, на камушкѣ въ кленочкахъ... дожидается... А-а? Ни за что не обманеть... А? Помнишь что ль? *(Ласкаетъ ее и смеется.)* Хе-хе-хе-хе! Эхъ ты, звѣзда восточная!

Анна Семеновна *(съ притворнымъ неудовольствіемъ).* Да ну тебя совсѣмъ! Нашелъ про что и вспоминать? Знать видно молодья-то ужъ нонче прочь гонять, такъ хоть про старое поговорить.

Князевъ. Опять же не про то! Что молодья! Тпфу!.. Козлихи онѣ все нонче, и совки, да неловки. Ихъ самихъ-то надо еще по всякій часъ учить... *(Поглаживая ее по плечамъ.)* Не то, что вотъ эта мать-лебедушка: босою ножкой, бывало, выйдетъ, встрѣтитъ и проведетъ и выведетъ... *(Вертъ ее за руку.)* Ишь, окаянная, и теперь еще нульсы бьются!

Анна Семеновна *(не совладавая съ довольной улыбкой, отпалкиваетъ Князева).* По-оди про-очь!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и возвратившійся Мякишевъ (входитъ и заводитъ у двери часы).

Князевъ (отходя на авансцену). Глуна какъ ступа конопляная эта женщина, а съ большимъ огнемъ была. Чуть-чуть, бывало, ей кивни, она ужъ тутъ — и время выищеть и случай и, какъ звѣзда, куда положено и катить. Смерть люблю такихъ женщинъ за обычай! (Секундная пауза.) Вотъ у Марины обычай совсѣмъ другой: это ренеекъ колючій... (Опять короткая пауза.) Ну, да я и этакихъ тоже люблю. (Смѣясь.) Хуже себѣ ничего не могу представить, какъ то, что послѣ моей смерти на землѣ вино, деньги и красивыя бабы останутся!.. (Къ публикѣ.) Вотъ такъ-то разсуждайте, кто какъ любить! Говорятъ: «я тебя всѣмъ сердцемъ люблю». По-моему, это ничего не значить. А я вотъ (потирая большими пальцами концы друмихъ пальцевъ)... я все чувствую... какъ только вспомню про Марину... такъ физическіе нервы мои болятъ. Особенно вотъ тутъ, вотъ въ самыхъ въ пальчикахъ ностъ... Весь боленъ даже стану; а миѣ свое здоровье мило... Да, ужъ по этому по одному миѣ нельзя пожалѣть Молчанова... нельзя, никакъ нельзя... я боленъ!.. Я не виноватъ, что это у меня такъ не проходитъ!

Мякишевъ (подходит). Знаете, я что? (Махнувъ рукой.) Я молчать буду.

Анна Семеновна. Давно бѣ вотъ такъ-то лучше.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (входя, про себя). Съ лучкомъ.

Мякишевъ. А, братъ, Калина Дмитричъ, здравствуй! Какъ? все ли въ своемъ?

Дробадоновъ. Живу. Благодарю покорно. (Садится.)

Князевъ (про себя). Глядите, пожалуйста, этого только и боялся: и этотъ жукъ-отшельникъ вынолзъ. Въ два года разъ на сходку ходить, а нынче явился... Противный человекъ. Всѣ его любить, а я въѣвъ цѣлый его терпѣтъ не могу. Но нынче ему подстроено,—спотыкнется.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, Гвоздевъ и Минутка.

Гвоздевъ. Хозяевамъ и Фирсь Григорьичу.

Князевъ. Здравствуй и ты, Илья Сергѣичъ! А что, какъ твоя супружница?

Гвоздевъ. Благодарю покорно — опасности нѣтъ — свинка у нея сдѣлалась.

Минутка. Въ самой вещи свинка?

Князевъ. Ну... ты опять съ своей самой вещью! У русскихъ свинки въ горлѣ бывають. (*Гвоздеву.*) Фіалковаго меду надо давать.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Варенцовъ.

Варенцовъ (*Князеву*). Здоровья всякаго.

Князевъ. Спасибо, братъ, спасибо. Что это у тебя заборъ, что ль, новый нынче будутъ ставить?

Варенцовъ. Нѣтъ, старенькій пересынаю, Фирсь Григорьичъ. Что! ужъ съ этими заборами у насъ одна бѣда: безъ забора скотина все повытравить, а поставь заборъ — сейчасъ его народъ на тонку растащитъ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Канунниковъ (*которому Князевъ подаетъ руку и удерживаетъ ее въ своей рукѣ*).

Князевъ (*Гвоздеву*). А ты взакрой вели заборъ-то забирать, не на пины чтобы сажали доску, а взакрой: доска взакрой сидитъ плотно; а сверху скобочку пускай прибыють: такъ вотъ оно живетъ и плотно. А что воринки, такъ мы съ головою на воринекъ открыли средство: на той педлѣ голова предложить приговоръ, чтобы ихъ при первомъ же наборѣ всѣхъ безъ очереди сдать. Въ газетахъ помѣстимъ, чтобы всякій зналъ и, ужъ попавшись бы, на общество не плакался. (*Канунникову.*) А ты, наигъ Ваянъ Петровичъ, будто нездоровъ?

Канунниковъ (*весело*). Какъ быть здоровымъ, Фирсь Григорьичъ, когда всю ночь не спалъ.

Князевъ. Банчишку что ли съ головой метали?

Канунниковъ (*также весело*). Да нѣтъ! Какое тамъ банчишка! Собаки все проклятыя. Вотъ надобли! То мечутся, то рвутъ, то воютъ... тифу ты совѣмъ, ровно въ самомъ

дѣлъ передъ пронастью какою. Заснулъ-было — надавило. Дай, думаю себѣ, спрошу, какъ старые люди учатъ: къ добру или къ худу? Спросилъ — говорить: «къ худу». Ну гдѣ-жъ тутъ спать? А проснулся—ониъ псы воютъ.

Князевъ. А ты бѣ подъ собой подушку перевернулъ: они бы и выть перестали. Это у тебя жаръ въ головѣ, съ жару не спится.

Дробадоновъ (*про себя*). И тутъ знаетъ, что посоветовать.

Канунниковъ (*смѣясь*). Какоо съ жару: со страху. На даиъ былъ вчера да запоздалъ: жутко одному; ночь темная, лошадь черная: не знай, на чемъ и ѣдешь.

Князевъ. А ты бѣ пощупывать.

Канунниковъ. Да еще лошадь-то изъ рабочихъ лѣшная, ободрать ее, поналась, что не дошлешься ея.

Князевъ. Дратся надо было съ ней хорошенько, когда лѣшная.

Дробадоновъ (*очень громко*). Ха-ха-ха-ха!

Князевъ. Чего такъ расхватило?

Дробадоновъ. Съ радости, что и съ лошадьми ужъ учиниъ дратся.

(Входятъ еще нѣсколько купцовъ разомъ и раскланиваются.)

Князевъ. А вотъ и мѣръ весь въ сборѣ.

Дробадоновъ. Теперь можно и батьку убить.

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Иванъ Максимычъ идетъ.

Всѣ. Тсс! *(Кромѣ Дробадонова всѣ сторонятся, очищая дорогу отъ двери.)*

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Молчановъ (*грустный, но спокойный, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ. Молча жметъ ему руку и отходитъ къ окну и становится спиною къ зрителю и ко всѣмъ фабрикантамъ. Пауза.*)

Канунниковъ (*шопотомъ*). Тихій ангелъ летаетъ.

Князевъ (*громко*). Нѣтъ, не узналъ. Поиѣ говорятъ: это мировой судья родится.

Канунниковъ (*смѣясь*). А воровъ страхъ беретъ. *(Дробадоновъ неожиданно чихаетъ такъ громко, что всѣ вздрагиваютъ и раздаютъ восклицанія.)*

Князевъ (*тихо*). Тифу! слонъ египетскій, какъ испугалъ. *(Минутка.)* Стунай, проси сюда скорѣй голову!

Минутка (*взглянувъ въ окно*). Они идутъ-съ.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Колокольцовъ съ портфелемъ. Съ нимъ подъ руку Марья Парменовна. *Всѣ поднимаются.*

Колокольцовъ. Мое почтеніе, господа! Марья Парменовна, прошу васъ. *(Указываетъ ей на мѣсто за столомъ. Садится рядомъ съ нею и вынимаетъ изъ портфеля бумаги.)* Всѣ здѣсь?

Дробадоновъ *(вздохнувъ)*. Которыхъ надо—всѣ.

Колокольцовъ. А, и вы, Калина Дмитричъ, нынче съ нами. Простите, не замѣтилъ.

Князевъ. Махонькій — не вотъ-те-на его размотришь. *(Общій смѣхъ.)* Чихнулъ, такъ дома чуть-чуть не опрокинулъ. Вотъ то-то значить, что безгрѣшный человѣкъ: надъ нимъ хоть крыша упади, такъ онъ не побойтся смерти.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ!

Молчановъ *(молча отходитъ отъ окна и становится къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ, спиною къ нему, лицомъ къ головѣ и къ ушедшимся фабрикантамъ)*.

Колокольцовъ *(Молчанову)*. Прежде чѣмъ я черезъ минуту, какъ должностное лицо, открою собраніе по вашему дѣлу, я, какъ частный человѣкъ, прошу у васъ извиненія, что полчаса тому назадъ не могъ принять васъ. *(Молчановъ кланяется.)* Я васъ не могъ принять какъ потому, что я вчера уже разсматривалъ съ бывшими вашими опекунами ваши бумаги и составилъ себѣ о вашемъ дѣлѣ определенное мнѣніе, такъ потому, что въ то время, когда вы ко мнѣ заѣхали, у меня была ваша супруга, и мы съ нею разсуждали о васъ. Я нарочно за тѣмъ пришелъ... Тифу!.. Простите: я за тѣмъ къ вамъ обращаюсь, чтобы оправдаться передъ вами.

Молчановъ. Я не знаю, въ чемъ вы такъ много извиняетесь: и оскорбленіе не велико, и всякій волею кого хочеть принять или не принять въ своемъ домѣ.

Дробадоновъ. На то ворота вѣшаютъ.

Анна Семеновна. Нѣтъ, квартальнаго, хоть и ворота есть, а не смѣешь не пустить: въ Москвѣ купчиху за это новымъ судомъ судили.

Князевъ *(про себя)*. Дробадоновъ что-то дробадоновить... Надо бы ему больничку въ губу вдернуть.

Колокольцовъ *(ко всѣмъ)*. Прошу занять мѣсто и объявляю

вамъ, что засѣданіе открыто. (*Усаживаютъ въ полукругъ. Дробадоновъ и Молчановъ остаются на прежнемъ мѣстѣ.*) Мы взяли эту комнату для засѣданія потому, что присутственная камера думы тѣсна для такого большого собранія, въ какомъ, по справедливости, слѣдуетъ судить дѣло Ивана Максимовича. Впрочемъ, дума здѣсь же, за этою стѣною, въ домѣ Пармена Семеныча, и, я надѣюсь, никто ничего не будетъ имѣть противъ того, что мы собрались по сю сторону стѣны, а не по ту сторону?

Молчановъ. Не въ этомъ дѣло.

Князевъ. Да, онъ умѣе всѣхъ сказалъ: не въ этомъ дѣло. Пускай дѣло начинается.

Колокольцовъ. Господа! вниманіе. (*Минутка.*) Читайте.

Минутка (*беретъ бумагу и читаетъ*). «Душеприказчики покойнаго коммерціи совѣтника, потомственнаго почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, Максима Петровича Молчанова, а впоследствии опекуны и попечители единственнаго его сына и наследника, Ивана Максимова Молчанова, купцы Фирсъ Григорьевъ Князевъ и Пармень Семеновъ Мякишевъ, довели до свѣдѣнія общества и городского головы, что сказанный кунецъ Иванъ Максимовъ Молчановъ, съ дѣтства своего постоянно отличаясь страстію къ расточительству, во время бытности своей въ онекѣ, а потомъ до двадцати одного года, согласно желанію покойнаго отца его, подъ попечительствомъ, былъ отъ сей вредной склонности постоянно воздерживаемъ».

Молчановъ (*хѣребивая*). Позвольте!

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть слово.

Минутка (*продолжаетъ*). «По достиженіи же законнаго совершеннолѣтія, онъ, Молчановъ, чувствуя самъ сію слабость и влеченіе къ разсѣянной и безпутной жизни, самъ уполномочилъ бывшихъ опекуновъ своихъ Князева и Мякишева довѣренностію на управленіе своимъ имѣніемъ, а самъ провелъ три года за границею, для изученія будто бы торговаго дѣла, но сего не исполнилъ».

Молчановъ (*перебивая*). Чего не исполнилъ? чего я не исполнилъ?

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть въ свое время слово.

Молчановъ. Да это и есть мое время говорить, когда на меня клеветуютъ. Я изучалъ фабричное дѣло и его знаю.

Князевъ. Читай, Мишутка.

Мишутка (*продолжаетъ*). «Прибывъ же два года тому назадъ на родину и вступивъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, въ самое кратчайшее время привелъ все свои дѣла и счета въ безпорядокъ; расходы по фабрикаціи непомѣрно увеличилъ; доходы же привелъ къ существующему ничтожеству и кромѣ того обнаружилъ во всей своей силѣ свои прежніи склонности къ мотовству и расточительству, какъ-то: занималъ у разныхъ лицъ деньги и выдавалъ на себя векселя; векселей этихъ своевременно не оплачивалъ, а переписывалъ, увеличивая сумму; затѣмъ имѣющіеся полученія расходовалъ заранее самымъ безразсуднымъ образомъ и претензію въ двѣсти тысячъ рублей уступилъ въ пользу пріютовъ, вмѣсто того чтобы сею суммою расплатиться съ долгами. И наконецъ, онъ сдѣлалъ безвкладными найщиками въ операціяхъ фабричныхъ ремесленниковъ, дабы вредить прочимъ фабрикантамъ; купилъ домъ для посторонней женщины въ ущербъ благосостоянію своей семьи и, наконецъ, при многихъ свидѣтеляхъ, подписавшихъ актъ, выразилъ непремѣнное свое желаніе расточить все свое имѣніе, лишь бы ничего не досталось его женѣ и дѣтямъ. Такой образъ дѣйствія Ивана Молчанова, несомнѣнно клонящійся къ прямому его разоренію, вынудилъ душеприказниковъ отца его обратиться на сію вниманіе общества и просить объ огражденіи его наслѣдственного имущества, составляющаго обезпеченіе семейства, отъ разоренія. Одновременно съ симъ подано прошеніе и женою Молчанова, Марью Парменовою Молчановою, которая, подтверждая общее мнѣніе, что мужъ ея есть расточитель, просить, въ огражденіе ея семейства отъ неминуемо-угрожающей нищеты, взять мужа ея за расточительство въ опеку».

Молчановъ (*глядя на жену*). Въ опеку! (*Качая головою*.) Такъ вотъ кто первый выговорилъ это слово!

Князевъ. Кого это ближе всѣхъ касается, тотъ и выговорилъ это слово!

Варенцовъ (*вздыхая*). Намъ изъ-чужихъ жалъ; а она мать.

Марья Парменовна (*плача*). И мать; я должна дѣтей обезпечивать.

Князевъ (*Мишуткѣ*). Дочитывай.

Мишутка. «Городской голова, члены сиротскаго суда и думы, рассмотрѣвъ все это дѣло, нашли представленіе купцовъ

Князева и Макишева, а равно и прошеніе жены Молчанова заслуживающими вниманія и постановили передать это дѣло на общее обсужденіе всего общества и о томъ, что оно постановитъ, написать приговоръ». (*Кладетъ бумагу на столъ.*)

Колокольцовъ. Вотъ, милостивые государи, предметъ нашего сегодняшняго собранія. Иванъ Максимовичъ и его супруга, глосъ которой имѣеть первое мѣсто, оба здѣсь. (*Со двора слышатся нетерпѣливые гулы толпы.*) Купечество въ полномъ сборѣ, мѣщане на дворѣ во всемъ своемъ составѣ (*шутливо*) и, какъ слышите, напоминаютъ намъ о себѣ этими воплями.

Дробадоновъ. Какъ вороны крови ждуть. (*Молчановъ взорамивается.*)

Князевъ (*тихо*). Сейчасъ имъ стерву выкинуть.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! вамъ что-то угоднѣе было сказать? Можетъ-быть, вы противъ кого-нибудь что-нибудь имѣете?

Молчановъ. Я противъ всѣхъ имѣю.

Князевъ. Никого, спасибо, не обидѣть.

Молчановъ. Здѣсь всѣмъ выгодно, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь гадость; но я васъ спрошу: по какому праву вы вздумали устроить этотъ судъ? Пять дней тому назадъ меня никто не признавалъ ни расточителемъ, ни мотомъ, вы сами, господинъ голова, искали у меня перехватить тысячу рублей, для того чтобы истратить эти деньги на какую-то коззду. Я совсѣмъ человекъ былъ еще, такой же гражданинъ, какъ всѣ здѣсь присутствующіе, какъ Петръ, Иванъ, Сергѣй: у меня можно было денегъ просить, и я могъ дать ихъ или не дать, считая вашу нужду не нуждою, а прихотью. И вы и каждый признавали меня въ такомъ правѣ—и вдругъ вы, тѣ же самые, говорите, что я расточитель, и собираетесь отнять у меня ваши мѣщанскіе судомъ человѣческія права, права, которыя дали мнѣ Богъ, природа. Гдѣ взяли вы такое право?

Князевъ. Милутка, прочитай ему законъ.

Молчановъ. Законъ! Не нужно мнѣ читать закона. Здѣсь дѣло не въ законѣ. Ваши заботы не о томъ, чтобы обстоять законъ, чтобы его исполнить, а о томъ, чтобы беззаконно сдѣлать на законномъ основаніи. Такихъ расточителей, какъ я, полно Россія. Всѣ люди расточители и всѣ... быть-

можетъ болѣе, чѣмъ я. Гусарь, который безъ гроша вѣрнаго дохода землянику ѣсть зимой, по полтиннику за ягодку, — его въ опеку; ремесленникъ, который въ одинъ часъ пропиваетъ недѣльный заработокъ, — его въ опеку; чиновникъ, который сто рублей въ годъ жалованья получаетъ, а въ сто рублей женѣ одно платье шьетъ, — тоже въ опеку его...

Дробадоновъ. Этого хоть и въ острогъ, такъ у мѣста былъ бы.

Молчановъ. Берите всѣхъ, всѣхъ въ опеку... да и себя ужъ заравно въ опеку сдайте. Такъ пусть и будетъ въ круговую... даже въ ландкаргахъ географическихъ, вмѣсто *Россия*, пусть напишутъ *Опека*. Подводя меня подъ это, вы всѣхъ подъ то ведете и сами подъ то же лѣзете.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, это все умно сказано и прекрасно, да къ дѣлу не идетъ.

Гвоздевъ. Ты дѣло говори.

Макишевъ (*подходя, тихо*). А ты оправдывайся, Ваня.

Молчановъ. Да не знаю я, въ чемъ мнѣ оправдываться! Во всемъ этомъ дѣлѣ я дѣла никакого не вижу. Я вижу только одно беззаконіе, взманивающееся на законъ; одну придирку и ничего болѣе. Я не хвалю себя! я молодежь былъ, кутить, любить веселую компанію. Что жъ дѣлать! знаю самъ, что, можетъ-быть, полсотни тысячъ промоталъ...

Князевъ (*Минутка*). Запиши.

Молчановъ. Но это было, да прошло.

Князевъ (*сладостно*). А на полсотни тысячъ что вѣдь могло быть сдѣлано-то? Вѣдь это пяти... да что я говорю: пяти! — десяти, пятнадцати семействамъ до вѣку кусокъ хлѣба дать бы можно.

Гвоздевъ. Но три тысячи... Это бѣдной семьѣ довѣчный капиталъ.

Молчановъ. Правда, правда. Прокутить полсотни тысячъ — это большая низость; но удивляюсь сердоболью вашему о бѣдныхъ. Всѣ вы такіе, какъ и я. Вотъ здѣсь недалеко ходи сидятъ... ну три, четыре человека, которымъ случай кинулъ по миллиону: кто же изъ васъ рвался, чтобы свою гортань или чрево жадное унять и вспомнить немущихъ?

Колокольцовъ. Тутъ дѣло не о ближнихъ, а о семьѣ, Иванъ Максимычъ.

Князевъ. Да, о семьѣ.

Гвоздевъ. За семью твою боятся: вѣдь вонъ жена что пишетъ: *расточитель*.

Молчановъ. Да позвольте мнѣ спросить васъ: вы отдаете отчетъ своимъ женамъ?

Нѣсколько голосовъ. Да наши жены что жъ понимаютъ?

Канунниковъ. Нашихъ бабъ съ постелей вставать, и то пѣтухи учать.

Гвоздевъ. Ребяты рожать имъ да ридиться — вотъ ихъ ремесло.

Молчановъ. Такъ что жъ моя-то жена? Особенное она что-нибудь, что ли? Воспитали ее, что ли, какъ-нибудь особенно, что при ней мужъ ничего не долженъ значить? Учили ее, что ли, чему-нибудь полезному?

Анна Семеновна. Да чему полезному учить-то? Пѣшито въ ученые польза-то бываетъ? У ученыхъ денегъ-то меньше нашего.

Дробадоновъ. У насъ то полезно, что въ ротъ полѣзю.

Канунниковъ (*смѣясь*). Чего ихъ учить-то, когда съ ними и съ неучеными не справишься! Хвосты въ семь аршинъ пораспуцаютъ и ходятъ какъ снофиды.

Колокольцовъ. Что жъ, это только значить, что наша женщина въ постоянномъ угнетеніи.

Молчановъ. Въ угнетеніи! Гм! и вотъ она, угнетенная, пришла сюда судить предъ всѣми мужа! Она сидитъ здѣсь, съ судьями моими, а я, которому она у алтаря Господняго клялась быть мнѣ подругою... нѣтъ... болѣе того: господиномъ, строителемъ семьи признавать меня... она мой обвинитель здѣсь; она сидитъ въ почетномъ мѣстѣ за то, что посмѣялась надъ клятвой... Она, которой я перстомъ не тронулъ, которой сроду словомъ не обидѣлъ, сидитъ здѣсь съ вами и судитъ мужа такимъ судомъ, какимъ еще Шемяка не судилъ, какимъ не дай Богъ Кайну судиться; а я одинъ стою, мнѣ даже мѣста нѣтъ; скамейки у коровницы не заняли, чтобъ посадить меня по крайней мѣрѣ!

Мякишевъ (*встаетъ и торопливо приноситъ Молчаносу стулъ*). Сядь, Ваня, сядь, безчастный!

Марья Парменовна. Ну, вотъ тебѣ и стулъ—садись.

Молчановъ (*цѣлуя тестя*). Благодарю. Не надо.

Марья Парменовна. Вотъ ты вѣдь и всегда такой. Вѣдь вотъ при всѣхъ теперь оно и видно: какой ты? То жаловался, мѣста ему нѣтъ, а подали стулъ—и не надо. (*Какъ*

бы тронутая.) Ну, вотъ сюда иди, когда не хочешь тамъ садиться. (*Подвигаясь и освобождая мѣсто*). Иди же что ль? (*Переминая тонъ*.) Вѣдь кланяться не буду.

Молчановъ (*горько*). Намъ съ вами вмѣстѣ больше не жить и не сидѣть.

Князевъ. Кто нынче съ женами изъ образованныхъ людей живетъ!

Марья Парменовна. Такъ что жъ тебѣ съ чужою, стало-быть, показано теперь ужъ жить? Стало чужая лучше?

Князевъ. А какъ же не лучше? въ чужую жену чортъ меду ложку кладетъ.

Марья Парменовна. Иѣтъ, ты когда женился, такъ живи. А не хочешь, такъ заставятъ.

Анна Семеновна. Есть же правило, чтобъ жепъ къ мужьямъ отправлять, если требуютъ, — такъ теперь новый судъ, не безпокойся, и на мужей законъ выдастъ. И васъ приводить будутъ.

Князевъ (*съ сдержанной улыбкой*). Будутъ, сватья, будутъ. (*Молчанову*.) А ты, не такъ ты на это дѣло, другъ Иванъ Максимычъ, смотриши. Я, долго твои умныя рѣчи слушавши, вотъ чтѣ тебѣ скажу: строитель-то семьи ты строитель, а тебѣ жены чуждаться нечего, да и по нашему, по русскому закону невозможно. Ты самъ вѣдь вспомянулъ сегодня, что вы съ нею въ церкви вѣнчаны; а мы не нѣмцы: у насъ разводовъ нѣтъ. Она здѣсь проситъ на тебя! Да что жъ такое? Мало ль жепъ, которые просили на мужей, не только что въ обществѣ, а и у квартальныхъ на мужей жаловались, да вѣдь не расстаются же съ ними со всѣми мужья—живутъ.

Канунниковъ (*смѣясь*). А у мѣщанъ и у мужиковъ такъ еще и розгами мужа на сходкѣ по женщиной жалобѣ отжарить, а все опять живутъ. Домой придутъ, онъ ее пощелкаетъ... (*Махнувъ рукою*.) У насъ на этотъ счетъ просто.

Гвоздевъ. Куда подѣнешься! законъ свой надо соблюдать.

Варенцовъ. И воютъ, да живутъ.

Молчановъ (*къ головъ*). Иванъ Николаичъ, позвольте васъ спросить, для чего я позванъ сюда передъ обществомъ? За расточительность какую-то вы собрались судить меня, такъ прикажите про расточительность и говорить, а не про то... чтѣ здѣсь говорится.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы еще не парламентъ, намъ парламентскія формы чужды. Мы народъ.

Князевъ. Мы простецы, такъ попростому и разсуждаемъ, а по-ученому, по-заграничному не умѣемъ и не поймемъ пожалуй.

Колокольцовъ. Быть-можетъ, въ этомъ есть связь во всемъ...

Анна Семеновна. Да какъ же не связно! Теперь ужъ заодно въ одно время его судить и за расточительность, и за целюбовь.

Колокольцовъ. За целюбовь, Анна Семеновна, нельзя судить.

Анна Семеновна. А отчего жъ нельзя?

Колокольцовъ. Нѣтъ основаній нравственныхъ; закона нѣтъ.

Анна Семеновна. А развѣ все по закону судятъ? Нѣтъ закона—по писанію судить можно.

Князевъ (*улыбавсь*). Ну, полно, сватья, врать. (*Молчанову.*) А я опять тебѣ, Иванъ Максимычъ, рѣшаюсь доложить. Можетъ ты и вправду честный человѣкъ...

Колокольцовъ (*перебивая*). Да въ этомъ, я думаю, и сомнѣваться невозможно.

Князевъ. Ну да. Честный человѣкъ у насъ, говорятъ, одну жену обманываетъ: такъ ужъ, стало-быть, и потому ты честный. А вотъ ты говоришь, что такое въ твоей женѣ особеннаго. Я тебѣ расскажу это. Ты вспомнюль, что тамъ вамъ было въ церкви нѣто, а нѣси-то эти, должно, но всегда памятоваль. Цяль дѣтъ ты, женатымъ бывши, по Вѣнамъ да по Парижамъ развѣзикаль—много ты о ней тамъ вспомнилъ? А вѣдь она здѣсь, какъ иташка, взаперти сидѣла; дѣтей твоихъ глядѣла, а суперантовъ, какъ другія прочія, не заводила. (*Съ удареніемъ.*) Имени-то твоего, безпутная ты голова, она вѣдь не замарала, хона... стояль бы ты, можетъ, того, и очень бы стояль.

Молчановъ. Вы за собой бы лучше посмотрѣли, Фирсъ Григорычъ.

Князевъ (*тивно*). Я не бросаю жены; домовъ любовницамъ не покупалъ.

Молчановъ. А съ задняго крыльца черезъ садовую калитку всю слободу къ себѣ переводили.

Колокольцовъ. Тес! Господа! господа!.. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы не на площади.

Молчановъ (*горячо*). Не позволяйте оскорблять меня. Противъ жару и камень треснетъ.

Колокольцовъ. Во всякомъ случаѣ, Иванъ Максимычъ, на оскорбленія можно жаловаться послѣ; а домашними дѣлами считаться здѣсь не мѣсто.

Варенцовъ (*смирно*). Особенно такими пустяками: ими какъ и считаться?

Гвоздевъ (*вздолнувъ*). Такое дѣло Богъ одинъ разсудитъ; а ты, милуша, прошлымъ человѣка не кори.

Дробадоновъ. И посейчасъ оно есть.

Колокольцовъ (*улыбаясь*). Калина Дмитричъ... слово здѣсь отвѣтственно.

Молчановъ (*всплеснувъ руками*). О, Господи! И это мѣръ, и это судьи! (*Въисно къ Колокольцову*.) Рѣшайте что-нибудь со мной скорѣй: я не могу здѣсь съ вами оставаться! Это не судъ, а разговоры возмутительные. Я не хочу этихъ разговоровъ слушать: у меня дѣло есть; меня люди дома ждуть.

Князевъ. Не торопись, не всюду разомъ послѣдней. Кто ждетъ, такъ подождетъ, а то другая рѣчь — была бъ постелюшка, а милый найдется.

Молчановъ (*быстро скомкиваетъ въ рукахъ шляпу, но, овладѣвъ собою, говоритъ спокойно*). Я просто думаю, что вы издѣваетесь; это болтовня какая-то.

Дробадоновъ. А домъ, что купленъ Гусяровой, — такъ это я соврала: домъ этотъ я купилъ. (*Общее движеніе*.)

Князевъ (*смыясь*). Ха-ха-ха, проворовался грѣшникъ...

Молчановъ (*перевивая*). Не надо лгать, Калина Дмитричъ: я купилъ. До этого никому дѣла нѣтъ: я свое дарю.

Князевъ. Врешь, не свое, а дѣтское.

Молчановъ. Вы врете! Я своимъ дѣтиямъ отецъ, а не холопъ кабальный, чтобы при нихъ уже ничѣмъ не смѣлъ распорядиться. Я долгъ, обязанность имѣю помочь Гусяровымъ.

Анна Семеновна. Гдѣ жъ это такая обязанность, въ какомъ законѣ показана?

Марья Парменовна. А ты еще знаешь ли то, что отъ любви-то дѣти бываютъ?

Молчановъ (*презрительно жемъ*). Знаю! Я и то знаю, что они, къ стыду человѣческому, у низкихъ людей, каковы мы съ вами, и безъ любви рождаются.

Канунниковъ (*весело*). Ребята, что мокрицы, они вездѣ водятся.

Марья Парменовна. Ну, такъ что жъ ты? Такъ ты и должень помнить, что вѣдь и другихъ дѣтей надо будетъ награждать.

Князевъ. Ну, гдѣ тамъ понче дѣти родятся, гдѣ ихъ не хочуть!

Молчановъ (*бѣшено*). Господишь голова! велите имъ молчать!... Что это въ самомъ дѣлѣ такое? До чего это дойдетъ? Я протестуюсь и выйду вонъ отсюда.

Колокольцовъ (*тулясь въ бумаги*). А для чего вы вздумали продать свое имѣнье, Иванъ Максимычъ, когда это тревожить вашу супругу?

Молчановъ (*вертя свою шляпу*). Для чего?

Князевъ. Да, для чего? Ты не верти шляпы-то, а то голова болѣть будетъ.

Молчановъ (*быстро скомкиваетъ шляпу и въ бѣшенствѣ бросаетъ ее въ Князева. Всѣ вскакиваютъ*). Вотъ для чего, чтобъ этотъ гадъ изъ терпѣнія бы меня не выводилъ. (*Смѣтенъе. Всѣ встаютъ.*)

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! Вы не въ своемъ умѣ!

Князевъ. Я дураку прощаю.

Колокольцовъ. Но мы простить не можемъ: мы всѣ оскорблены.

Молчановъ (*совершенно забываясь*). Вы!... Вы?... Да что такое вы? (*Указывая на Князева.*) Когда онъ, воръ, убійца, развратитель... когда онъ не боится васъ, такъ что жъ такое вы? (*Въ азартъ.*) Я говорю вамъ: онъ убійца! Пишите протоколь!! Онъ утопилъ въ рѣкѣ моего отца. Весь городъ это говоритъ! (*Князевъ вздрагиваетъ.*) Что вы меня терзаете допросами, тогда какъ у меня отцовская кровь изъ сердца выстунаеть!.. Вы злитъ меня вытребовали... Я понимаю васъ... вы всѣ здѣсь Князевская шайка!.. Кто не дуракъ, тотъ плутъ; а кто не плутъ, такъ гроши ему цѣна. (*Князевъ встаетъ и тихо машетъ рукою по направлению къ двери, давая знакъ всемъ выходить. Ближайшіе къ дверямъ кучицы тотчасъ же одинъ за другимъ выходятъ. Прочіе, не сводя съ Молчанова глазъ, тоже подвигаются къ двери. Молчановъ же, не замѣчая этого движенія, продолжаетъ.*) Вы понагнали во дворъ сюда мѣщанишекъ, изъ которыхъ Князевъ давно весь мозгъ новытрясъ. Онъ ихъ угощалъ черезъ своихъ сидѣльцевъ. Онъ ихъ страдалъ, что фабрики черезъ меня позакрываются и черезъ меня ни у

кого у нихъ работы не будетъ. Вы научили доброму мою жену просить на мужа... Зачѣмъ еще дѣтей моихъ сюда не привели?..

Марья Парменовна (*проходя ео внутреннія комнаты*). Нечего тебѣ здѣсь дѣтей вспоминать.

Молчановъ (*Колокольцову*). А вы! вы... голова, товарищъ мой, вы съ учеными, съ поэтами водили дружбу. Соціалнсть вы были, народникъ... славянннъ вы... вы изъ-за чего подличаете? Изъ-за того, что Фирсовымъ радѣтельствомъ попали въ головы... Простите вы меня, вы... вы не голова... а чортъ васъ знаетъ, чтѣ вы... (*забываясь*) вы мерзавецъ!

Колокольцовъ (*быстро нагиается подъ столъ и шаритъ тамъ рукою*).

Князевъ (*Колокольцову*). Чего вы ищете?

Колокольцовъ. Бумага, кажется, одна упала; да это ничего... (*Не разбываясь выбѣгаетъ на дворъ. За головою одинъ за другимъ выходятъ остальные кунцы.*)

Молчановъ. Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую вѣру въ правду, и вотъ за это расточительство васъ всѣ свои и всѣ чужіе люди честные—потомство, Богъ, исторія осудятъ... (*Князевъ уходитъ въ среднюю дверь и запираетъ ее за собой.*)

Молчановъ. Не расточителемъ, а стяжателемъ великимъ буду... если Богъ поможетъ мнѣ хоть все, хоть до послѣдняго алтына все отдать тому, кто бы сумѣлъ вдохнуть живую душу въ грудь моихъ открытымъ всякому пороку дѣтямъ!..

Анна Семеновна (*проходя во внутреннія комнаты*). А для чего же сказано: остави останки младенцамъ своимъ? (*Уходитъ.*)

Молчановъ. Они богаче будутъ, оставшись нищими, да не съ такой волей слабой и не съ такимъ ничтожнымъ сердцемъ, какое тутъ (*бьетъ себя въ грудь*)—какое тутъ у ихъ несчастнаго отца! (*Вздвнваетъ и падаетъ безъ чувствъ въ кресло*).

Дробадоновъ (*сидвннй до сихъ поръ съ опущенною головою во все время монолога Молчанова, быстро вскакиваетъ*). Что это? (*Исправившись*). Всѣ ушли! (*Вскакиваетъ и сильно хватаетъ Молчанова*.) Иванъ Максимычъ! Не время спать! (*Въ ужасъ*.) Опъ сомгѣлъ... Что дѣлать, Господи! (*Бросается къ двери*.) Га! заперта! (*Толкаетъ дверь, но она не ис-*

дается.) Мы здѣсь въ ловушкѣ! (Кидается къ Молчанову, схватываетъ его безчувственную и тащитъ передъ собой къ окну.) Приди, приди въ себя! Черезъ минуту кончатъ судъ, и нѣтъ спасенья!

Молчановъ (распрепанный). А!.. что такое?.. лѣсъ...

Дробадоновъ (открываетъ окно, черезъ которое тотчасъ же врывается гулъ большой толпы; онъ держитъ Молчанова подъ плечи передъ окномъ и кричитъ громко). Народъ! ширь! люди, на комъ есть крестъ! кто въ Бога вѣруеть! глядите: это человѣкъ... (Замѣчая, что его не слышатъ, бросаетъ Молчанова въ кресло). Не слышатъ! (Бьется съ размаху въ запертыя двери и растворяетъ ихъ. Пауза.)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Молчановъ (одинъ, приходя въ себя). Что?.. Гдѣ Калина Дмитричъ? Всѣ ушли... (Схватываетъ себя съ отчаяніемъ за голову.) Что это было? (Съ увеличивающимся ужасомъ.) Я ихъ бранилъ, я велъ себя, какъ мальчикъ... (За сценой слышенъ голосъ Дробадонова: «Спросите совѣсть: что кому онъ злое сдѣлать».) Пойду имъ въ ноги кинусь... вѣдь осудить... (Прислушивается.) Калина Дмитричъ говоритъ! (Падаетъ на колѣни.) Великій Господи! когда судили Гуса, соловей заиѣлъ, и чье-то сердце дрогнуло отъ этой пѣсни,— неужто же ихъ и человѣческое слово не тронетъ! (Слышенъ вдругъ громкій шумъ снаружи и голоса: «Время! знаемъ мы! Ты не учитель намъ: насъ Фирсъ Григорычъ не обманетъ». Слытъ, гамъ и озлобленные крики: «Вонъ мускательщика! Вонъ Дробадонова!» Нѣсколько рукъ вталкиваютъ сильно распрепаннаго и полншаго Дробадонова въ двери.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ (въ совершенно разорванномъ стуртукѣ влетаетъ на сцену отъ сильнаго толчка сзади). Ухъ! (Отрывается).

Молчановъ (быстро вставая и схватывая Дробадонова за руку). Что?

Дробадоновъ. Опска.

Молчановъ (падаетъ съ обморока).

Дробадоновъ (поднимаетъ Молчанова, разстелаетъ его на полъ и даетъ ему со стола стаканъ воды).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Служанка.

Служанка (*вбѣгая на стукъ отъ паденія Молчаноса*)
Что это здѣсь упало, Калина Дмитричъ?

Дробадоновъ. Что упало, то подняли.

Служанка. Что жъ тутъ случилось?

Дробадоновъ. Деревня мужика переѣхала. Пошла, принеси мнѣ иглу съ ниткою, да поздоровѣе.

(*Служанка уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ (*сходитъ съ палочкою, и всѣ, которые выходили съ нимъ на судъ, кроль женщины*).

Князевъ (*тихо Колокольцову*). Обирайте руки-то, не расходившись.

Колокольцовъ. Не расходитесь, господа! Прошу сейчасъ же подписывать приговоръ! (*Минутка кладетъ бумагу на столъ, и начинается подписыванье. Подписавшіеся отходятъ и садятся. Молчановъ въ это время поднимается, открываетъ глаза и сидитъ въ остолбенѣннн).*

Князевъ (*на авансценѣ*). Про что вѣдь говорилъ?.. Молчановъ-то, я говорю, про что говорилъ? Смѣхъ! Ха-ха-ха! Только задѣнь ихъ, сейчасъ дурь замельютъ. Даже про исторію... Ну скажите вы пожалуйста, кто же этой парии у насъ бояться станеть?.. Самъ себя осудилъ! (*Внимаетъ изъ кармана маленькую бомбоньерку, достаетъ изъ нея пастилку и сосетъ.*) А Дробадоновъ-то какъ-было вырвался... Хи-хи-хи... Нѣтъ, это, братъ, не то! Тебя за добродѣтели твои, за справедливости могутъ чтить, кто хочеть... а тутъ на голодномъ брюхѣ музыка построена, а не на справедливости... Хе-хе... Я слово чуть одно сказалъ, а подголоски подхватили, что ты корысть имѣешь въ томъ, чтобъ стали фабрики, ну и... на кулачьяхъ вынесли... Но онъ ужъ началъ не жалѣть и самого себя: такіе люди въ обществѣ не годны. (*Сердито оборачивается и громко.*) Купецъ Калина Дробадоновъ!

Дробадоновъ (*подписываясь*). Пишетъ.

Князевъ (*съ прокисей*). Что? отъ міра видно не прочь.

Дробадоновъ (*кладя перо*). На міръ не челобитчикъ.

Князевъ. А? (*Подходитъ и смотритъ въ бумагу.*) Опять «кинцъ». (*Минутка*). Читай!

Минутка (*беретъ бумагу*). «1867 года, мая»...

Князевъ. Не все, а суть одну читай.

(*Входитъ служанка и подаетъ Дробадонову шюльцу съ длинной бѣлой ниткой. Дробадоновъ садится на видномъ мѣстѣ и начинаетъ зашивать свой разорванный народомъ стурцукъ*).

Минутка. Мм...м...м. «А посему приговорили: признать его, Ивана Молчанова, на основаніи всего вышеизложеннаго, злостнымъ расточителемъ (*Молчановъ быстро приподнимается*) и, въ огражденіе разрушаемаго имъ благосостоянія жены своей и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, устранить его отъ права распоряженія своимъ имуществомъ и сдать оное въ опеку благонадежнымъ людямъ»...

Молчановъ (*перебивая*). Что? что такое?

Князевъ. Въ опеку. Въ опеку тебя приговорили.

Молчановъ. Нѣтъ! Этого не можетъ быть!

Князевъ (*сося настилку*). Ну да, не можетъ.

Молчановъ. Да гдѣ жъ былъ этотъ судъ?

Князевъ. Вотъ, видишь, за руганьемъ-то ты не видѣлъ, какъ и овинъ сгорѣлъ.

Молчановъ. Тутъ разговоры одни или.

Князевъ. А развѣ въ чемъ же судъ, какъ не въ разговорѣ? Ты все парламентовъ смотришь; а у насъ это просто.

Молчановъ (*перебивая*). За что же, господа!.. За что въ опеку? Помилуйте! мнѣ тридцать лѣтъ...

Князевъ (*ворочая во рту настилку*). Хотя бѣ и триста; а мнѣ тебя ребенкомъ признать.

Молчановъ. Господа! (*Всѣ тупятся и смотрятъ на Князева.*) Фирсъ Григорычъ! За что ты цѣлый вѣкъ меня преслѣдуешь? Пусти меня на волю—я уйду! Или ты, можетъ быть, униженія моего хотѣлъ?.. (*Падаетъ передъ нимъ на колѣни.*) Смотри, я здѣсь при всѣхъ передъ тобою на колѣняхъ... прости меня... прости меня... въ моей передъ тобою невинности! прости! (*Кланяется въ землю.*)

Князевъ (*проглатывая конфетку*). Вотъ такъ-то бы давно, сыночек! Не гордыбаченемъ у старыхъ людей берутъ, а почтенемъ. А вы всѣ молодость цѣны себѣ нынче не сложите. Мы, дескать, честь свою и гордость выше всего ставимъ; а все это вздоръ ваши и честь, и гордость! Пока

лафа вамъ—ходите, какъ павы, хвостъ раскинувши, а сунуть васъ клюкою хорошии старичокъ—и поползете жабами. Не хорошо такъ, другъ!.. Вѣдь вотъ теперь смирился пылкій Шлиенбахъ—стоишь передо мною на колѣняхъ, и въ этомъ умный человекъ тебя не покорить. Ты знаешь передъ кѣмъ стоишь; не иню почтенье отдашь. *(Кладя ему на голову руки.)* Ну, Богъ тебя простить. Теперь вотъ попроси людей, чтобы тебя простили за грубости.

Молчановъ. Простите. Я себя не помнилъ!

Всѣ *(разомъ).* Богъ простить.

Князевъ. Нельзя такъ, другъ, не помнить. Ну, да ужъ это прощено. *(Минуткѣ).* Читай, Минутка!

Минутка. «И опекунами къ имѣнью Молчанова назначить жену его Марью Парменовну и съ нею вмѣстѣ соопекуномъ отца ея, купца Пармена Мякишева; а какъ сей Мякишевъ на сходѣ отъ такой обязанности отказался, то вмѣсто его *(откашлявшись)* поручить сію должность съ полною за цѣлость имущества отвѣтственностію *(Молчановъ встаетъ съ колѣнъ и остро смотритъ на Князева)* купцу Фирсу Григорьевичу Князеву». Ивашъ Максимычъ, подпишитесь, что вамъ объявили. *(Подаетъ Молчанову перо).*

Молчановъ *(не принимаетъ пера и совсемъ не замѣчаетъ Минутки).* Ты! ты!.. ты мой опекунъ! *(Бросается съ азартомъ на Князева. Общее движеніе въ защиту Князева.)*

Князевъ *(поднимая палочку противъ лица Молчанова и пожимая).* Иванъ Максимычъ, не шали!.. У насъ, дружокъ, для этакихъ хватовъ есть упокойчекъ темнешкій, въ смирительномъ. *(Къ обществу рѣшительно.)* Съ согласія моеи соопекушни, сегодня объявляю всеиъ словесно, а завтра пошлемъ въ газетахъ напечатать, чтобы Молчанову ни отъ кого никакого довѣрія не было и никакихъ его долговъ, ни векселей и ни росписокъ мы принимать не будемъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Господа, прошу покорно закусить! *(Всѣ кланяются.)*

Князевъ *(спокойно).* Адмиральскій, господа, ударить. Пора и закусить. *(Уходитъ. За нимъ уходятъ всѣ, оставляя въ комнатѣ Дробидонова и Молчанова.)*

Молчановъ. Калина Дмитричъ! что жъ это!

Дробадоновъ. А ты бѣ побольше бѣсился.

Молчановъ. Неужто жъ это не во снѣ, а вправду?

Дробадоновъ (*окончивъ пришиваніе, закалываетъ въ стипку кресла шолку*). Да, Фирсъ Григорьичъ молодець! И не одинъ я его похвалю, а и чертъ, и тотъ его похвалитъ. (*Идетъ къ дверямъ, куда съ вышли во внутренніе покои.*)
Пойду смотрѣть, какъ заливаетъ мѣръ, поѣвши человѣчины.

Молчановъ (*останавливая его восклицаніемъ*). Калине Дмитричъ!

Дробадоновъ (*оборотясь*). Что?

Молчановъ. И ты... и ты... ты, честный человѣкъ... одинъ, которому я съ дѣтства вѣрилъ... и ты своей рукой подписалъ!

Дробадоновъ. Иванъ Максимычъ, ты вправду, знать, не знаешь, что такое мѣръ? Спроси о немъ мой бока. Рѣдко я на него хожу, а все жъ это имъ не первый сибѣгъ на голову... Одинъ на мѣръ не челобитчикъ. Тверезъ ты или пьянъ, всѣ говорятъ, что пьянъ: ступай и спать ложись, а то силкомъ уложить.

Молчановъ. Ты подписалъ! ты подписалъ!

Дробадоновъ (*возвращаясь къ Молчанову на авансцену и показывая обѣими руками на свою фигуру*). Великъ и силенъ кажется тебѣ купецъ Калина Дробадоновъ?.. а мѣри ядущъ: сокретъ и этого съ книжками. (*Быстро поворачивается и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Молчановъ и Марина.

Марина (*которая входитъ со двора, тщательно закутвшись большимъ платкомъ, осматривается и, сбросивъ однимъ движеніемъ платокъ, быстро подбѣгаетъ къ Молчанову*). Иванъ Максимычъ!

Молчановъ (*вздвинувъ*). Марина! Богъ съ тобой! Зачѣмъ ты здѣсь? (*Стараясь выпроводить ее.*) Бѣги отсюда! бѣги скорѣй! бѣги!

Марина. Не бойся. Я видѣла въ окно: всѣ за столомъ сидятъ. Я за тобой пришла, чтобы ты не оставался здѣсь.

Молчановъ (*тревожно и какъ бы не сознавая, что говоритъ*). Нѣтъ... мнѣ отсюда нельзя... Я Фирса жду...

Марина (*рѣшительно*). Вздору говоришь! Иди! Тебѣ поужно больше видѣть Фирса!.. Идемъ!.. идемъ!..

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Марья Парменовна.

Марья Парменовна (*очень раскраснившаяся, съ алыми губами, выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ; она полутьяна. Увидивъ Марину, она тихо крадется къ нимъ и становится сбоку Гуслиаровой, не замѣченная ни ею, ни мужемъ*).

Марина (*Молчанову*). Не будь ребенкомъ. Не злобься и не ползай... Скорѣй, одной минуты не теряя, въ Петербургъ, ницъ суда... Въ судахъ, въ сенатахъ не найдешь защиты,— къ Царю иди... пади къ его ногамъ; скажи ему: (*Молчановъ, слушая ее, поднимается со стула*) Надежа, защити! я умалень до возраста младенца! будь Богъ земной—создай меня во человѣка... Идемъ! Я буду стоять передъ тобой и молиться, чтобы Господь управилъ сердце Государя. Идемъ, идемъ! что бы ни встрѣтилось, живые въ руки не дадимся!

Молчановъ (*дрожа, повторяетъ*). Я умалень до возраста младенца... Будь Богъ земной—создай меня во человѣка!.. (*Бѣжитъ*).

Марья Парменовна (*хватаясь за платье мужа*). Куда? куда?.. И, вѣдь, все слышала... Нѣтъ, я его не отпускаю!

Марина (*быстро выпроваживаетъ Молчанова однимъ движениемъ за двери, а сама схватываетъ Марью Парменовну сзади за локти и, перекруживъ ее три раза около себя, сажаетъ на полъ и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Марья Парменовна и Анна Семеновна (*входитъ совсѣмъ пьяная и красная, какъ тѣнь*).

Марья Парменовна (*сидя на полу, съ улыбкою*). У-у-ухъ, какъ вся земля закружилась!

Анна Семеновна (*покачавшись*). Это тебѣ съ хересу... У меня и у самой кружится...

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паркъ при загородномъ домѣ Молчанова. Между множествомъ деревьевъ, вправо въ одной куртинѣ замѣтно старое, толстое дерево, въ которомъ сбоку виденъ лазъ въ большое дуло. Вечерность.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Марина и Дробадоновъ (*сидятъ на дерновой скамьи подъ старою липою*).

Марина. А ты думаешь, я сама спокойна? Знать про то только грудь моя да подоплека, какъ я вѣрю въ хорошее.

Дробадоновъ. А я опять скажу, не про что много и безпокоиться. Я для того и приговоръ подписать, чтобы и спора изъ пустого не заводить. Сегодня вы съ Иваномъ Максимычемъ выѣдете; черезъ четыре дня въ Питерѣ, и дѣло это намъ только за смѣхъ всоминаться станетъ.

Марина. Все не про то ты говоришь. Опеку снимутъ, разумѣется. Ну, а дальше что-жъ?

Дробадоновъ. Да дальше то жъ, что было...

Марина. Славное житье!.. А все я виновата: сколько любила, вдвое того погубила.

Дробадоновъ. Не было въ его жизни и до тебя много путнаго: души онъ честнѣйшей, да не строитель, по правдѣ сказать. Такъ бы, прямою дорогой, да съ прямыми людьми, онъ бы еще жилъ ничего; а тутъ, чтобы у насъ, промежь нами народомъ жить, надо, чтобы шкура-то у тебя слоновая стала. Тогда развѣ вынесешь. А ему гдѣ это вынести: съ него со всего кожа-то совсѣмъ словно содрана; къ нему еще руку протягиваютъ, а ужъ ему больно—кричить. Нашъ народъ деликатности не разбираетъ, и такъ въ немъ жить невозможно.

Марина. А главный всего, что все спуталось да перепуталось. Чтобы въ немъ душу поднять, я его тѣшила тѣмъ, потому что имя Государя въ такую минуту много значить. А просить—какъ просить? (*Конфузась*.) Это хорошо съ чистой совѣстью и къ Царю, и къ Богу, а мы... Какъ онъ противъ своего закона, какъ и я... (*Машнувъ рукой*.) Гдѣ еще тутъ и ротъ развѣвать!

Дробадоновъ (*вдохнувъ*). То-то пузо-то у насъ все въ жемчугѣ, а сзади-то и у тѣхъ, которые чище-то, и то на аршинѣ грязи налицо... О-ихъ-хе-хе-хе-хе... Ну, да нечего и безпокоить Государя: уповаю несомнѣнно, что все это и такъ, по закону сдѣлается.

Марина (*задумчиво*). Надо ужъ было ему одному-единѣньку жить; не путаться, не запутываться, чтобы не за что брать его было.

Дробадоновъ. Разумѣется, такъ бы лучше было; да вѣдь и одному съ горемъ тожь не радостно.

Марина (живо). А ты думаешь, что когда бъ не горо его, такъ промежь насъ что-нибудь стало бы? Ни въ жизнь жизненскую! Горе это его меня ко всему къ этому и вывело. Все было слышу, такой онъ, сякой, негодящій. Жена сама коритъ: ужъ что жъ тутъ—стало-быть либо жена пенутиная, либо это все правда? Вотъ и пойдетъ вспоминаться, какъ мы дѣтми, бывало, играемъ... Въ мужа съ женой, бывало, все играли (*сквозь горькую улыбку*)... не знали, что не мужъ съ женой изъ насъ будетъ, а чортово радовнище... (*Утираетъ тихо слезу.*) Ахъ, какое чудно было дитя! Я такой доброты, такой нѣжности съ той поры ни въ одномъ ребенкѣ не видѣла.

Дробадоновъ. А вотъ эта нѣжность-то па нашемъ народѣ, видишь, чѣмъ сказывается. Самъ нѣжентъ, да и отъ другихъ все нѣжности ждетъ. А нѣту ея — онъ сейчасъ на дыбы.

Марина. Онъ простодушный!

Дробадоновъ. Простодушный!.. А это тоже не вездѣ кста-ти. Насъ вѣдь этимъ не удивишь. У насъ будь простъ, рубашку скинь,—скажутъ можетъ еще крестъ серебряный есть на шеѣ — его подай. У насъ требуется, чтобы чело-вѣкъ былъ во всеоружіи своемъ, а не простоквашею да нетерпячкою. Это все ему еще бѣлою соской рыгаются.

Марина. А все, будь у него въ семьѣ все какъ слѣдуетъ... Не такихъ, да и то берегутъ, ни до срама, ни до позора ни до какого не допускаютъ.

Дробадоновъ. Разумѣется. Если бы ты бы жена-то его была, ну ты бы его сберегла и пощжила и не допустила до этой несносливости. Такъ что жъ, и тутъ вѣдь опять, и въ этомъ дѣлѣ ему его бѣлая соска мѣшала. На тебѣ надо было жениться, надо было половину гамзы потерять. Онъ женился на той, которая у него все взять норовить.

Марина (не слушая). Чудное было дитя!.. Я, какъ оса, такъ и росла такая схидная. Безстыжая была я дѣвчонка, заведу его, бывало, куда-нибудь въ ровъ, или въ садъ далеко и прибью. (*Утираетъ глаза.*) Ежели есть что у него—отниму—онъ все-было терпнть... А разъ покойница мать увидѣла, какъ я его толкла на грядкахъ, да вѣсть не дала мнѣ за это, и онъ вѣсть не сталъ... ну, скажи мнѣ пожа-

луйста!.. *(Плачетъ.)* Взрыдался, всплакался: «мою Маринушку! мою Маринушку! не обижайте мою Маринушку!»... Ахъ, чудное было дитя! ахъ, дитя было чудное!.. Ахъ! *(удавляя себя въ грудь)* ахъ! когда бъ знали... вы, какъ я его любила!.. Мнѣ десятый годочекъ ишелъ, когда его въ Петербургъ увозили... я себя не помнила, что со мной было. Фирсъ съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ; а я все догнать ихъ хотѣла... бѣжала, бѣжала, пока ямщикъ кнутомъ чуть глаза всѣ не выстегалъ... ножовки подкосились, какъ цыпленокъ въ пыль и упала.

Дробадоновъ. То-то, дитя, не слѣдъ видно намъ, пѣшеходамъ, гоняться за тѣми, что ѣздятъ въ каретахъ.

Марина. Милый! хорошій мой! смыслъ-то во мнѣ какой въ ту пору былъ? Я и черезъ шесть-то лѣтъ, когда ихъ вѣнчали съ Марьей Парменовной, не умѣе была: сквозь народъ въ церковь пролѣзла, да о бокъ съ нимъ становлюсь, чтобы будто мнѣ съ нимъ это вѣнчаніе пѣто... Да и кромѣ того я скажу тебѣ, я вѣдь какая-то порченная, что ли: ни жизни, ни смерти мнѣ нѣтъ, пока не добьюсь того, что въ голову вступить. Изъ чужихъ краевъ когда онъ вернулся, я вѣдь уже тогда три года замужемъ была... Въ эту пору мы мельницу въ Балкахъ держали... Услыхала я, что онъ вернулся, что его здѣсь все злосудятъ опять—вотъ, словно могилу мою разрывать начали: такъ востосковалась. О полуднѣ, какъ жаръ, бывало, нахлынетъ, разморитъ всѣхъ, снить, а я уйду тихонько подъ скрынъ, гдѣ вода бьетъ съ колесъ, — и вѣришь ли — кто-то со мною тамъ все говорилъ... и я не боялася этого говора... я сама говорила о чемъ-то... Чародѣйкою стала... въ грозу съ серебра умывалась, чтобы ему полюбитъ... въ страшную бурю бѣгала въ степь его по-вѣтру кликать... *(въ экстазѣ)* и одинъ разъ... Это ночью случилось подъ Ивана Купала... мужа не было дома... о полночи буря такая поднялась, что деревья съ кореньями на землю клала... Темень и грохотъ этотъ душили меня. Я горькими слезами плакала, о чемъ—и сама я не знала... и тутъ въ лицо мнѣ все что-то изъ-за плечъ, то съ одной, то съ другой стороны, взглянуть... Я сорвалась съ постели. Не помню, куда бѣжала, а только его все звала и... *(вздохнувъ)* и тутъ онъ пришелъ... На охоту ходилъ; сбился съ дороги... *(Покивая головою.)* Ни жизни, ни смерти себѣ не чаяла, пока съ нимъ, какъ хотѣла, не

свидѣлась... Снознавались сладко, а теперь тяжело разставаться... (*Восклянаясь.*) Калина Дмитричъ! скажи мнѣ: намъ надо разстаться?.. Скажи?.. Вѣдь это, вѣдь все черезъ меня поднимается вьюга? Ему было бы легче, когда бъ я, лихо-дѣйка, на шею ему не повисла... Не вкусивши любви, не такъ къ ней манится... Онъ бы къ дѣтямъ ютился.—Правда? Калина Дмитричъ!.. Калина Дмитричъ!.. да что жъ ты молчишь!

Дробадоновъ. Что, дитя, говорить противъ правды?

Марина. Ты посоветуй, какъ быть мнѣ?

Дробадоновъ. Советовать надо, когда человекъ въ заблужденіи; а тебя Господь самъ ведетъ къ чему-то чудному, такъ ужъ не человеку тутъ учить, когда Онъ самъ твоей души огненнымъ перстомъ своимъ касается.

Марина (*строго*). Слушай! Пока его судили, —я надъ собою судъ сотворила. Господь вправду былъ въ душѣ моей... Нашъ путь, которымъ мы идемъ, кривой; а по кривой дорогѣ впередъ ничего не видно. Все это я рѣшила кончить. Я съ нимъ, какъ сказано, поѣду въ Петербургъ... поѣду для того, чтобъ поддержать его теперь... а тамъ, какъ онъ съ дѣлами справится, я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... Онъ понечалится; тоска въ дѣлахъ пройдетъ... а мнѣ...

Дробадоновъ (*перебивая*). Пстой, пстой, не части такъ часто. Помысль твой—помысль великій! Отъ Бога къ намъ, не отъ сластей земныхъ такіе помыслы нисходятъ; а съ даромъ Божьимъ бережливо обращайся. Ты говоришь: «что мнѣ!» то-есть тебѣ-то что? Ты сама о себѣ не думаешь; а въ волѣ Божьей, чтобъ всѣмъ было добро и никому зло. Ты пропадешь, и слуху о тебѣ не будетъ. Вѣдь это ты ему по всякій часъ упрекъ создашь! Гдѣ ты? что сдѣлалось съ тобою? Быть-можетъ, въ воду бросилась изъ-за него, или бродягою непомнящей пошла въ Сибирь по пересылкѣ?.. А можетъ и того еще хуже... вступить, пожалуй, въ сердце, что, можетъ, ты и любви-то его не стоила... Этого съ душой человеку перенести невозможно. Итъ, другъ, не пронадай, живи ему въ подкрѣпленіе! Не бѣгай отъ любви. На что? Въ любви Господь намъ указаль спасать другъ друга! (*схватывая ее за руку*) по сотвори свою любовь во благо... Ты за его дѣтей теперь въ отвѣтъ! Его жена безумная законовъ ницеть... да что законъ въ семей-

помъ дѣлѣ можетъ помогать! Она о деньгахъ упадаетъ... да что жъ въ тѣхъ деньгахъ дѣтямъ, когда нѣтъ сѣятеля съ ними, который сѣялъ бы живое слово въ ихъ малыя души? Ты только уразумѣй, что значитъ отецъ? Про птичье молоко хоть въ сказкахъ говорится, а отцовскаго слова до-вѣчнаго дитя и въ сказкѣ не услышитъ.

Марина (*падая на грудь Дробадонова*). Дѣтки, дѣтки! Ахъ, какъ мнѣ жалко ихъ!

Дробадоновъ. Усугуби жъ для нихъ свою любовь къ отцу. Любовь не различитъ отца съ дѣтми: то грѣхъ, то сласть земная различаетъ. Воздвигни свою любовь превыше этой сласти; его своимъ примѣромъ склони къ тому же. Разстаньтесь, но пусть онъ знаетъ, что ты жива, что съ тобою ничего худого не сталося и—главное—что ты любишь его. Это большая сила несчастливому человѣку. Не отрекайся отъ своей любви, зане я знаю, что любовь твоя, слезой твоей омытая теперь, будетъ безгрѣшна. (*Пауза.*) Встань, голубица, встань! черезъ часъ надо вамъ ѣхать. Онъ тамъ бумаги ужъ всѣ приготовилъ. Теперь время удобно: поди къ нему съ ласковымъ словомъ, съ открытымъ лицомъ. Если и тяжело на сердцѣ, какъ я и ожидаю того,—терпи... виду не дай, что страдаешь... Будь весела, если можешь, о чемъ попало говори, будто какъ это даже и въ разумѣ тебя не вводитъ. Слышишь, мой дѣтка?

Марина (*восклоняясь и отирая слезы*). Нѣтъ, нѣтъ! не бойся: я сердца не выдамъ. (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

Дробадоновъ. Иди жъ! Слезы твои будутъ въ радость тебѣ... Дѣтей его мать съ бабкою учатъ тебя проклинать, а ты научи ихъ благословлять тебя. Ихъ дѣтское сердце и теперь ужъ, можетъ, слышитъ, какъ твое сердце для нихъ разрывается; а вырастутъ они, ихъ почтенію къ тебѣ мѣры не будетъ. Ты счастливица въ женахъ: твой рай сегодня пачнется, какъ только ты вымолвишь слово...

Марина (*сквозь рыданія*). Дѣти, дѣти! я отдамъ вамъ ва-шего отца! (*Быстро убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Дробадоновъ (*одинъ*). О лебядь бѣлая!.. о лебядь чистая!.. о лебядь прохладная!.. (*Задумывается.*) Нѣтъ! Не въ любви людская погибель, а въ томъ, что мала людская любовь на землѣ, что не выросла она еще на вершокъ выше звѣри-

пой. (*Задумывается и садится.*) Въ это время за сценою слышна приближающаяся тѣня). Ужъ пошабашили фабричные. Пора! (*Встаетъ.*) Надо имъ до свѣту добраться до станціи, чтобъ взять почтовыхъ; а ночь-то вся нынче съ воробьиный носъ. Богъ знаетъ, все чего-то сердце замираетъ. Спаси ихъ Господи: они теперь на Твой правдивый путь готовы! (*Идетъ и встрѣчается съ фабричными.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Мастеровой *Павлушка Челночекъ*: старый ткаць *Спиридонъ Обрѣзовъ*; *пріѣзжій парень* и *фабричные* (*выходитъ не стѣшными шагами*).

Челночекъ (*играетъ на гармоніи и поетъ*).

Ахъ, когда бы эту краблю,
Поддержать бы мнѣ за талію.

(*Встрѣчаясь съ Дробадоновымъ, снимаетъ шапку и кланяется.*)

Здравствуйте, Калина Дмитричъ.

Фабричные (*всѣ кланяются и нѣсколько голосовъ*). Пашо почтенье, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Спасибо вамъ. Здравствуйте, ребятки! (*Уходитъ.*)

Всѣ подходятъ къ скамейкѣ, съ которой всталъ Дробадоновъ, и располагаются на ней, кто сидя, кто полудежа.

Челночекъ (*поетъ*).

Ой, что же вы, ребята, приуныли?
Иль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

Обрѣзовъ (*Челночку*). Или еще, пустая голова, но всѣ пѣсни перезывалъ!

Пріѣзжій парень. А кто это у васъ такой, чтѣ съ нами сейчасъ суетрѣтился?

Обрѣзовъ. Пріятель хозяйскій, купецъ Дробадоновъ. По душѣ и по совѣсти первый человекъ у насъ въ обществѣ.

Пріѣзжій. А собою на видъ сколь ужасенъ.

Челночекъ. Кашидонъ; это оны тотъ самый и есть Дробадонъ Дробадонычъ Дробадоновъ, что, сказывали, что съ одной стороны на медвѣдя похожъ.

Пріѣзжій. Скажи, антиресный какой! А должно еще того антиреснѣй, чтѣ за супруга подъ нару ему пришлася?

Челночекъ. А оны у насъ буки ерѣ—кавалеръ, еще же-ппшокъ по сію пору.

Пріѣзжіи. Неужто не женать? Это ужъ по-купечеству не годится безъ хозяйки.

Челночекъ. А нѣшь ихъ мало у насъ по городу, хозяйекъ-то? У насъ изъ этаго просто.

Обрѣзовъ. Чтѣ ты это все врешь-то? Кто это про Калину Дмитрича сказать можетъ?

Челночекъ. Я совсѣмъ и не про него, а такъ говорю, что у насъ насчетъ женскаго пола все по-душевному, по простотѣ. Надо-тъ было обществу по-настоящему воспитательный домъ, какъ въ Петербургѣ, построить; ну, да у насъ про то покудова въ слободѣ сталовѣры: что угодно дѣтей берутъ, только сдавать поспѣвай.

1-й фабричный. А то тоже въ колодець—такъ и тамъ они каши не просятъ.

Челночекъ. Ну, это только Князеву такую механику подстроили, потому по-настоящему изъ-за чего у насъ ихъ губить, когда сталовѣры сколько хочешь берутъ и въ свою вѣру крестятъ; а ужъ это въ колодець—это не иначе, какъ на злость сдѣлано, и я вотъ, рука отсохни, знаю, что больше никто другой это сдѣлать, кромѣ какъ бабушки Дросиды Аленка.

1-й фабричный. И по-дѣломъ ему, Князеву-то.

2-й фабричный. Хотъ бы и вдвое онъ поплатился, по жаль бы его.

Челночекъ. Да онъ, небось, и не поплатится. Что-жъ ему такое, что въ его колодець ребенка нанили? Колодець на улицѣ—не мало кто мимо его ходитъ. Самого бъ его если бъ туда головою...

Пріѣзжіи. У васъ, я вижу, этого Князева терпѣть не могутъ.

Челночекъ. Не могу-уть! Съ чего такъ, милый человекъ, не могутъ? Нѣтъ, братъ, у насъ мѣръ-то того добраго короля стдѣтъ, что всѣмъ восхотѣлъ въ своемъ королевствѣ угодженіе сдѣлать. Докладаютъ ему: пусть, говорятъ, пресвѣтлѣйшій король, въ нашемъ королевствѣ хотъ разбойникамъ худо будетъ. Нѣтъ, на что же, говорить, ихъ обижать: кто жъ, говорить, у насъ послѣ того безъ нихъ людей будетъ рѣзать? (*Хохотъ*).

Обрѣзовъ. Шутъ его знаетъ, чтѣ онъ только мелеть, пустомеля!

Челночекъ. Я, братцы, въ Питерѣ жимши, разъ въ Ле-

ксандринскомъ театрѣ видѣлъ, какъ критику одну на купцовъ представляли. Выставленъ бѣдовый купецъ; ну, а все ему противъ нашего Фирса Григорьича далеко. Тотъ все съ бабами больше баталь вель; а гусарь его на паромѣ обругалъ, опъ такъ и голосу противъ него не выискалъ. Ну, а нашъ вѣдь одно слово во всей формѣ вонтель. Я въ прошломъ году, какъ у головы пріѣзжіи чиновникъ обѣдалъ, за столемъ прислуживалъ, такъ подаю кофей, а они меня не видятъ, потому что разговоръ у нихъ неприятный. Чиновникъ говоритъ Фирсу: «Я, говорить, ясно удостовѣрился, что вы, Фирсъ Григорьичъ, здѣсь точно помѣщикъ на помѣстьѣ сидите; все здѣсь по вашей дудкѣ пляшетъ: всѣ торги или выборы, какіе бывають, то это только проформа одна... все вы кому хотите сдаете, кого вамъ нужно на общественныя мѣста сажаете...» А опъ сейчасъ этакъ спокойно взялъ его, этого чиновника, вотъ этакъ за пуговку, крутитъ ее, эту пуговицу, промежъ пальцевъ, да и говорить: «Охота вамъ, говорить, ваше превосходительство, этакому вздору вѣрить; вотъ миѣ, говорить, ваше превосходительство, одинъ человекъ тоже за вѣрное сказывалъ, что вы изволите взятки брать, такъ развѣ я этому вѣрю?..» Чиновникъ такъ и сѣлъ. *(Хохотъ.)* Одно слово, кабы этому нашему Фирсу Григорьичу да хвостъ приладить, такъ и собаки не требуется. *(Хохотъ.)*

Обрѣзовъ *(вздохнувъ)*. Одно слово, за наши грѣхи у насъ Терехи дыки.

(Въ это время по сценѣ проходитъ тихо Алеша Босой и скрывается въ своемъ дуплѣ.)

Пріѣзжіи. Это что за человекъ?

1-й фабричный. Купецъ былъ, да, топнувши, тронулся въ умѣ.

Пріѣзжіи. Скажите, страсть какая!

1-й фабричный. Онъ смиренъ: никого не трогаетъ. Облюбовалъ вотъ садъ хозяйскій, вонъ тамъ въ дулищѣ и почуетъ. Не любитъ только, если къ нему подойти туда изъ изнавѣсти, и то не сердится, а съ перенугу обхватить и держится, что никакъ не оторвать его. Все думаетъ, что тонеть.

Челночекъ. А я опять, ребята, къ Фирсу! Что я на него, братцы мои, только, въ Питеръ ѣздивши съ нимъ, посмотрѣлся! Молодчина! Поѣдемъ, бывало, на балъ куда или въ

маскарадъ: я сижу съ шубой на лѣстницѣ, — смотрю, что ни лучшую какую барыню, французенку тамъ, или англичанку, мой Фирсъ Григорычъ и тащить; а какую пониже сортомъ — Иванъ Максимычъ. Привезутъ ихъ домой, и ужъ тутъ такое колыванье пойдетъ, что ажъ чертямъ ужасно — ничего не пожалѣетъ для женщины. «Что», говоритъ, «вы вулеву? Потому вулеву, вы», говоритъ, «такъ вулеву; а не вулеву, такъ и какъ хотите». — По болоту, говоритъ, охотиться хочу, амазонкой. «Дѣлай, говоритъ, намъ, Пашка, болото». Ну, и лей на полъ шампанское по самыя пиколотки. Будь, говоритъ, ляганомъ, зайей, — я лягу и локчу, а она смѣется. Скусное вино — прелестное. (*Обтираетъ губы.*) А на-утро, глядишь, Иванушко хоть молодешенекъ, да головы не подниметь, а этотъ соколомъ встрепенется, подкрасится, подфабрится, вздѣнетъ фракъ и пошелъ къ министрамъ тамъ да къ сенаторамъ дѣла обдѣлывать. Усталъ ему никогда нѣтъ.

1-й фабричный. Да и посейчасъ онъ такой!

Челночекъ. Ему, братъ, такъ кукушка накуковала: ему, пока подъ святые положить, перемѣны не будетъ.

1-й фабричный. Онъ и помретъ-то, такъ его не сразу похоронить.

2-й фабричный. Да одно слово анаема.

3-й фабричный. Разбойникъ.

4-й фабричный. Блудникъ и душегубецъ.

Челночекъ. А что про блудъ, такъ вы это и оставьте! Это вотъ этотъ змѣй, что въ сказкѣ сказывается, что изъ озера выходилъ, да что ни есть всѣхъ первыхъ красавицъ то себѣ забиралъ, — это вотъ онъ самый и есть.

Обрѣзовъ (*тихо*). А не къ лицу бѣ ужъ бабушкѣ дѣвичьи пляски.

Челночекъ. Ну, это ты напрасно его, дядя, бабушкой-то зовешь! Онъ еще какъ ястребъ: зацѣлуетъ курочку до послѣдняго перушка. (*Понизивъ тонъ.*) Онъ, вотъ видите, нонѣ все бросилъ и за Мариной Николавной поперъ... ужъ это онъ отъ нея теперь ни въ жизнь свою не отстанеть.

Обрѣзовъ. Врешь ты, дуракъ, не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Да ужъ какая она ни будь, отъ него не отвертится. Ни одной вѣдь такой еще не было. Онъ ужъ, я знаю, онъ чего захотѣлъ, такъ онъ вѣдь не ѣсть, не

петь, глазъ не сведеть, а все думаетъ, и ужъ тутъ вотъ скажи ты ему, что его смерть за это ожидаетъ, пусть вотъ море цѣлое передъ нимъ разольется, онъ такъ и въ море ползетъ. А опять же и то сказать, что вѣдь и Господь бабу изъ кривого ребра создалъ: никто вѣдь и за нее впередъ отвѣчать не можетъ.

Голоса фабричныхъ. Не такая Марина Николаевна.

Челночекъ. Опять же-таки я вѣдь ничего въ ея обиду не сказалъ. Я такъ говорю, что кто знаетъ, что бабѣ на умъ придетъ. Вонъ мнѣ въ Петербургѣ сказывали, что тамъ одна барышня арапа родила. (*Хохотъ.*) Чернищій-пречерный, говоритъ, родился, и какъ только родился, сейчасъ какъ гаркнетъ по-черкесски: я, говоритъ, въ васъ пышкалъ нушу! Окрестили въ нашу вѣру—перестать.

2-й фабричный. Да за женицу какъ поручиться!

Челночекъ. То-то и дѣло. Кто ее знаетъ, что и отъ нея отродится. Вѣдь вотъ съ хозяиномъ проклажается же. (*Насмѣшливо.*) Можетъ развѣ, что у нихъ промежь себя ничего oprичь такой любви и цѣтути.

2-й фабричный. Это никакъ невозможно.

Челночекъ. Ну, это тоже опять нельзя сказать, что невозможно. У господъ есть такая ухватка, чтобы вдвоемъ чорта дразнить. Сядутъ, обоймутся, да: «ахъ, какъ я васъ!»... а та: «ахъ, сколь я симъ счастлива!»... (*Хохотъ.*)

1-й фабричный. Вотъ и у хохловъ безмозглыхъ тоже такая мода.

Челночекъ. Да, да, да. Жилъ я у князя Рѣпина, въ полтавской губернии, въ имѣнии, тоже видалъ это: сядутъ хохоль съ хохлушкой, гдѣ-нибудь надъ овражкомъ или надъ рѣчкой, да и заведутъ (*пародируетъ*): «Не помогутъ слезы счастью»... а естественнаго ничего.

1-й фабричный. У насъ этого цѣтъ.

Челночекъ. Какъ можно! (*Сплотуясь.*) У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Что вы все про какой вздоръ мелете! Вотъ ужъ сколько разъ я замѣтилъ, что гдѣ только этотъ Пашка замѣнился, тамъ ужъ добрыхъ рѣчей не дожидайся. Давайте лучше про дѣло-то потолкуемъ. Иванъ Максимычъ вѣдь сейчасъ придетъ и спроситъ, что же мы артель, что ли, составимъ? Надо это порѣшить. Опъ такъ хочетъ, чтобы всѣхъ приставниковъ, что за матеріалами смотрятъ, прочь.

Сами, говоритъ, устройте, чтобъ нечего за вами смотрѣть было, и какъ воровства не будетъ, я вамъ процентъ дамъ.

1-й фабричный. Какой такой процентъ?

2-й фабричный. Это не слыхано.

Обрѣзовъ. Да вѣдь вамъ въ толкъ объ этомъ Иванъ Максимычъ рассказывалъ.

1-й фабричный. Поняли мы! да вѣдь кто его знаетъ

2-й фабричный. Опять какъ же ты за другихъ поручишься, что онъ не украдетъ?

Голоса. Это никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Да съ чего кто красть-то станетъ, если другъ за друга поручимся?

1-й фабричный. Съ чего? Мало ли съ чего кто крадетъ!

Пріѣзжій. Иной привычку такую имѣетъ, что къ этому приверженъ.

2-й фабричный. А есть такіе, что просто со скуки крадутъ.

Челночекъ. Да это что про то толковать! Безъ этого никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Что ты это врешь-то? Почему это невозможно.

Челночекъ. Потому, что мы въ этомъ дѣлѣ въ родѣ какъ порченые: даже кому и не нужно, не своей охотой крадетъ.

Обрѣзовъ. Э-ка дура, что городитъ! Да ты самъ-то русскій или турка?

Челночекъ (*вздыхнувъ*). Я не русскій и не турка, а изъ Питера фигурка.

Обрѣзовъ. Да турецкое у тебя и разсужденіе.

Челночекъ. Нѣтъ, дядя, я знаю, что это тоже не просто, а по благословенью дѣлается.

Обрѣзовъ. Отъ кого жъ это могло быть такое благословеніе, чтобы красть?

Челночекъ. Отъ странника. Ходилъ такой странникъ по свѣту и былъ уловленъ отъ двадцати языкъ и пропять на древѣ, и никто за него не заступился. Вотъ какъ онъ на древѣ началъ томиться, и начали люди приходиться къ нему съ жалостію, чтобы спастись его. Сунулись первые пѣмцы, потому безъ нихъ и вода не осветится, ихъ вездѣ спрашиваютъ. «Господине честной, говорятъ, хочешь ли, мы тебя отторгуемъ?» Онъ покивалъ на нихъ головою и говорить: «Ступайте, торгуйтесь-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они по этомъ слову его завернулись и пошли, и все тор-

гують, и до вѣка всѣмъ торговать будутъ. Тутъ сейчасъ французы, народъ этакой верткій. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебя отвоюемъ». — «Ступайте, — говорятъ, воюйте-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они все и будутъ цѣлый вѣкъ воевать, и все безъ толку. Тогда ужъ наши русаки, — какъ они противъ нѣмцевъ и французовъ, разумѣется, обстоятельнѣй, то видягъ, что не хочетъ онъ ни торговлю, ни отъемомъ спастись. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебя уворуемъ». А онъ намъ и брякни: «ступайте, говорятъ, воруйте-себѣ цѣлую жизнь». Вотъ намъ этого никакъ переступить и невозможно: мы и воруемъ.

Обрѣзовъ. О, брехунъ, брехунъ! Такъ стало ужъ по-твоему до вѣку намъ со всѣми этими художествами и не разстаться?

Челночекъ. Какъ можно до вѣку художеству быть. Это все до тѣхъ поръ художество, пока у петербургскихъ свинтусовъ въ грудяхъ живое сердце забьется. Миѣ одинъ человѣкъ на Певѣ на перевозѣ сказывалъ: «видишь, говоритъ, молодець, передъ художествъ академіей двѣ каменныхъ собаки въ колнакахъ лежать? Это, говоритъ, не собаки, а свинтусы. Изъ города Фивъ, изъ Египта, ихъ привезли; съ тѣмъ, говоритъ, ихъ и привезли, что пока въ этихъ свинтусахъ живое сердце не затрепещется, до тѣхъ поръ, чтобъ ш-ша! чтобъ ничему значить настоящему не быть, а будетъ все только какъ для виду. Такъ и Иванъ Максимычъ, хоша онъ и желаетъ это сдѣлать, но только все это для виду будетъ. Да и то сказать, самъ-то онъ еще противъ Фирса уцѣлѣетъ ли? Не довелось бы еще скоро ему самому изъ-подъ нечи поросять мануть.

Обрѣзовъ. А типунъ бы тебѣ на языкъ за это.

Челночекъ (*сухо*). Да вѣдь это вчераѣ сказано: коли по правится, и похѣритъ можно.

Пріѣзжій. Нонѣ судъ не такой, чтобъ такія беззаконія съ рукъ сходили.

Челночекъ (*вздохнувъ*). Что судъ! Что такое, милый человѣкъ, судъ! У насъ до суда заворотятъ тебя туда и сюда хуже мороженого. Неужли жъ ты такъ думаешь, что если этотъ судъ точно правый, такъ противъ его умирать будетъ некому? Нашъ братъ въ самый послѣдній секундъ — и тогда еще норовитъ штуку выкинуть, чтобъ отъ чего слѣдуетъ уворачиваться. Я вотъ вамъ къ примѣру скажу, я въ Вильнѣ видѣлъ, какъ поляковъ вѣшали. Идутъ, бывало,

который еще съ фантазіей, а который плачетъ. Ну, ужъ какъ увернуться, и думки въ нихъ не видно. А нашъ и тутъ свой терминъ держитъ: все поровитъ на выдумки. Въ Крыму я, въ ратникахъ бывши, видѣлъ, какъ двухъ мѣщанишекъ вѣшали, что провіянтъ неприятелю продавали. Такъ и не очень, чтобъ авантажно ихъ и вѣшали-то—въ простой деревушкѣ—ну только всѣхъ насъ эти висѣльники посмѣшили. Спрашиваетъ одного командирь: не имѣетъ ли, говоритъ, какой просьбы?—«Имѣю», говоритъ. Что такое? «А чтобъ меня за шею, говоритъ, ваше благородье, не вѣшать, потому я, говоритъ, щекотки боюсь»... Нѣтъ, братъ, хоть ежели чему и немнучее быть, такъ все это хоть на минутую чѣмъ-нибудь за уголъ заводитъ стануть.

Пріѣзжій. А вонъ это, гляди, вашъ хозяинъ съ компаніей идетъ.

Челночекъ (*залядываетъ*). Опъ и есть. Иванъ Максимычъ, Дробадоновъ и Марина Николавна. Вотъ ты теперь посмотри ее: одно слово, хряцникъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Показываются вдали Марина Николавна, которая ведетъ за одну руку Дробадонова, за другую Молчанова. Фабричные встаютъ и отходятъ съ сторону.)

Пріѣзжій. Можетъ-быть, уйти намъ отсюда.

Челночекъ. Нѣтъ. У насъ изъ эстаго просто—никому гулять не заказано.

Молчановъ (*въ пальто, съ дорожною сумкою черезъ плечо*). Здравствуйте, ребята!

Голоса. Здравствуйте, Иванъ Максимычъ! (*Молчановъ и Дробадоновъ садятся на скамейку.*)

Марина. Ребятки! слетайте кто-нибудь въ домъ, принесите оттуда сюда столикъ, и самоваръ пусть сюда вынесутъ. Только живо, ребятки!

Челночекъ (*выдвинувшись впереди остальныхъ*). Сейчасъ, Марина Николавна.

Марина. Да Дѣичу вели, чтобы бутылъ вина прислать. Хозяинъ васъ желаетъ попотчивать.

Челночекъ (*живо*). Сейчасъ. (*Къ фабричному.*) Андрюшка, дуемъ выѣсть. (*Убѣгаютъ. Прочіе фабричные отходятъ далье. Молчановъ снимаетъ съ плеча сумку и кладетъ ее.*)

Марина. Вотъ видишь, Валя, какъ хорошо и какъ легко

теперь на свѣтъ смотрѣть. И выйдетъ все наше горе не къ горю, а къ радости. Но грянулъ бы громъ, мы бы не перекрестились! (*Живо*). Спасибо тебѣ, Калина Дмитричъ! Десять разъ я тебя уже благодарила, а еще и въ одиннадцатый не погнушайся. (*Подаетъ ему руку*). Дай я тебя, Калина Дмитричъ, поцѣлую! (*Встаетъ и быстро его цѣлуетъ*.) Спасибо, другъ нашъ истинный! Ты намъ голову поставилъ на плечи.

Дробадоновъ. Ну, легко ли — есть за что благодарить! Слово сказать всякій скажетъ, не всякая только душа припятъ его можетъ.

Молчановъ. Итъ, братъ Калина Дмитричъ, твоей услуги я повѣкъ не забуду. Спасибо тебѣ, спасибо. (*Жметъ ему руку*.)

Дробадоновъ. Теперь справляй дѣла, да не сердись: помни, что на Руси у насъ на сердитыхъ воду возять.

Молчановъ. Дѣла! (*Вздохнувъ*.) Да, буду дѣлать дѣла и вернусь... и все здѣсь застану... (*беретъ за руку Марину и съ чувствомъ*) все постылое будетъ, одного милаго по встрѣчу.

Дробадоновъ. А ты не сживай со свѣта постылую, чтобы сохранилъ Богъ милую.

Марина (*помолчавъ*). Послушай, Ваня! такого уговора не было, чтобы скучать. Вотъ видишь, какой ты не крѣпкій.

Молчановъ (*долго на нее смотритъ*). Марина, за что ты меня любила? Ничего, таки ровно ничего я не далъ тебѣ, кромѣ слезъ вмѣстѣ и слезъ въ разлукѣ.

Марина. Не урекай себя. Не ты въ томъ виноватъ. Кто любилъ, тотъ и плакалъ. Она любовь, какъ въ пѣснѣ сѣбто про нее: «горюча любовь, слезами полита,—такова любовь на свѣтѣ создана».

Дробадоновъ. Слезы тѣ минули. Теперь другое будетъ... Будетъ наша Маринушка жить тихонько, за Цевой широко; будемъ мы наѣзжать къ ней въ Питеръ въ гости; встрѣтимся—поцѣлуемся, разойдемся—другъ о другѣ помолнимся... доживемъ тихой старости, станемъ съ клюкою подъ ручки другъ съ дружкой въ церковь ходить да на твоихъ дѣтей радоваться... (*Ударивъ Молчанова по плечу*.) Полно задумываться!

Марина. Ваня! не вѣсь головы.

Дробадоновъ. Не въспай головы, тебѣ говорятъ. Примѣта скверная, если конь передъ битвой голову въснить.

Молчановъ (*пріободряясь*). Нѣтъ, я ничего.

Дробадоновъ (*Молчанову*). Ну, я пойду, скажу, чтобъ запрягали. Пора вамъ: ужъ совсѣмъ стемнѣло.

Марина. Иди, вели закладывать.

(*Дробадоновъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Челночекъ (*съ самоваромъ въ рукахъ. За нимъ другой паренъ съ чайнымъ приборомъ. Выходитъ луна.*)

Марина (*Челночку, усаживаясь за самоваромъ*). Вотъ Паша молодецъ! А я тебя еще впервой и вижу, какъ ты вернулся. Ты вѣдь теперь совсѣмъ заграничный сдѣлался. Ну, что жъ ты дѣлалъ тамъ, за границей?

Челночекъ. Трактиръ Корещенкову въ Парижѣ, Марина Николавна, становили.

Марина. Поправилось тебѣ въ Парижѣ?

Челночекъ. Н-ничего городишко.

Марина. Лучше нашего?

Челночекъ. Совсѣмъ не сравнивать, Марина Николавна. Гораздо нашего превосходнѣйше.

Марина. Скажи пожалуйста! Что жъ ты тамъ что замѣтилъ такое?

Челночекъ. Какъ же, Марина Николавна, не замѣтити! много есть прекраснаго. Какъ только сейчасъ первый шагъ, какъ изъ самаго агона выйдешь, сейчасъ надъшеи всякія: тутъ «пуръ для дамъ», тутъ «пуръ для мужчинъ». Прекрасно все.

Молчановъ (*смѣясь*). Инъ, надъ чѣмъ остановился!

Челночекъ. И обращеніе, Ивавъ Максимычъ, совсѣмъ другое. Запрещеніевъ тоже меньше. (*Заискивающимъ голосомъ и глядя на Молчанова.*) У нихъ, что господа, что такіе, идутъ по улицѣ да все «тру-ля-ля—тру-ля-ля»,—а у насъ теперь Фирсъ Григорычъ Квизевъ даже такой строгуляръ издалъ, чтобъ даже по городу голосу никто звѣсть не смѣлъ, а тамъ всѣ горланять.

Марина. А ему что, Фирсу, ваши пѣсни помѣшали?

Челночекъ. Да такъ это, Марина Николавна, значить для политики, чтобъ запретъ отъ него исходилъ.

Марина. Эхъ, ребята, смотрю я на васъ, стыдно васъ и

ребятами-то звать. Залучили бъ вы его въ темномъ мѣстѣ, да такую бъ политику ему шпандаремъ задали... Это одному страшно, а вѣдь васъ сколько на фабрикахъ! на всѣхъ вѣдь не разыщется и со всѣхъ не взыщется. А хотя бъ и взыскалось! Рыло въ крови, да наше взяло — вотъ молодцовская ухватка!

Челночекъ. Да развѣ, Марина Николавна, въ томъ? Разумѣется, если-бъ онъ сюда, то бѣ... Тутъ ба его по кучку не достало!

Голоса фабричныхъ. Э, если бъ онъ здѣсь-то показался! — Тутъ-ба его я рѣшеніе!

Марина. Ну, это я шутила. (*Подывая Мѣрманову чай.*) А ты опять заневѣстился, голову нуришь! Ваня! Ваня! (*Челночекъ отходитъ.*) Ванюша! Ваня! Ваня! (*Поднимаетъ его голову.*) Ахъ, какой характеръ! Тебя въ руки берешь, а ты разсыпаешься. (*Горячо.*) Не вѣсь головы! Уѣдемъ такъ, чтобъ наше горе смѣялось. (*Фабричнымъ, которые пьютъ водку.*) Ребята! повеселите-ка хозяина: онъ что-то скучень! Пѣсню! пѣсню, ребята! пѣсню! такую, чтобъ горе смѣялось.

Фабричные. Сейчасъ, Марина Николавна! (*Скучиваются. Одинъ достаетъ изъ-подъ полы кларнетъ и даетъ тонъ.*)

Хоръ.

Во лужахъ, во лужахъ,
Во лужахъ, во зеленыхъ лужахъ. (bis)
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая. (bis)
Врознь пошли, врознь пошли,
Врознь пошли духи малиновые (bis).

Марина. Живо, ребята, живо! (*Становится передъ Молчаливымъ и подбиваетъ.*)

Хоръ (чаще).

Ужъ я той, ужъ я той,
Ужъ я той травой выкормлю коня. (bis)

Марина. Чаще!

Хоръ.

Выкормлю, выкормлю,
Ужъ я выкормлю, вывожу его. (bis)
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ. (bis)

Марина (*кокетливо трогаетъ плечами и бровью и токаетъ въ тактъ ножкой.*).

Хоръ.

Государь, государь,
Государь ты мой батюшка. (bis)

(Марина вынимаетъ бѣлый платокъ и платитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Въ это время изъ глубины сцены, изъ-за кустовъ выходятъ нѣкѣмъ не замѣчаемые Князевъ, Анна Семеновна, Мякишевъ, Марья Парменовая, Минутка, Колокольцовъ и купцы. Князевъ даетъ своей компаніи знакъ остановиться и одинъ, попрежнему нѣкѣмъ не замѣчаемый, тихо подходитъ къ тѣсенникамъ.

Хоръ (продолжаетъ).

Ты прими, ты прими,
Ты прими мово воропа коня. (bis).

Марина (останавливается и, положила Молчанову руки на плечи, смотритъ ему въ глаза).

Хоръ (протяженье).

Ты услышь, ты услышь,
Ты услышь слово ласковое,
Ты прими слово привѣтливое.

Марина (всплескивая руками). Да услышь же, Ваня, слово ласковое и прими слово привѣтливое!

Молчановъ (съ чувствомъ). Жизнь моя! что я съ тобою теряю!

(Оба бросаются другъ къ другу и плачутъ.)

Князевъ. Люблю дѣвку за издѣвку!..

(Всѣ оборачиваются на его голоеъ. Общее смѣтеніе. Молчановъ почти падаетъ на скамью. Марина смѣло выступаетъ и загоразиваетъ его собою. Фабричные тихо жмутся и прячутся другъ за друга.)

Князевъ (язвительно вздохнувъ). Это хоть бы и на театрѣ представить не стыдно! (Подходитъ съ палочкой къ фабричнымъ и всматривается въ ихъ лица.)

Молчановъ (отодвигая Марину). Это что еще за штука повая!

Марина (удерживая его). Ванюша! Ваня, не горячись!

Молчановъ. Постои, — я даже вовсе не сержусь. Я только смотрѣть хочу, что это? Вломился въ домъ!

Князевъ (фабричнымъ). Что же, голосистые соловушки?

Или пѣсня кончена? *(Всматривается пронзительно въ каждое лицо.)*

Челночекъ *(про себя)*. Ухъ, глазниц! *(Юркаетъ въ заднѣе ряды.)* Въ молоко взглянуть, молоко скиснется.

Князевъ *(водя палочкой надъ головами толпы и ударяя по маковкѣ спрятавшася Челночка)*. Ты, какъ тебя? Павлушка, кажется?

Челночекъ *(робко)*. Я, Фирсъ Григорьичъ, здѣсь машинопальпо... *(Отправляется.)* Я чай подаль по Марины Николаевниному приказанію.

Князевъ. А оца здѣсь у васъ приказываетъ. *(Фабричнымъ, подиавъ палку по направлению къ дому.)* Вонъ! *(Всѣ уходитъ, переюная другъ друга; послѣдній плетется Обрѣзовъ. Челночекъ впереди всѣхъ.)*

Марья Парменовна. Ну, это жъ не разбойникъ ты? Есть же еще, думаешь, послѣ этого хуже тебя челоуѣкъ на свѣтѣ. *(Къ Маринѣ.)* А ты что здѣсь прохлаждаешься? *(Хватая ее за рукавъ.)* Я вѣдь тебя здѣсь не боюсь.

Марина *(топнувъ ногою, отрываетъ руку)*. Прочь!

Марья Парменовна *(въ испугъ отскакиваетъ)*. Ишь ты какая!

Анна Семеновна. Отойди отъ нея, Маша, отойди.

Марья Парменовна *(отходя и косясь на Марину)*. И-ишь!.. А ты не очень-то!

Марина *(Марья Парменовнѣ)*. Мужѣдка!

Молчановъ *(вскакивая)*. Кто имъ ворота отперъ?

Князевъ. А кто бы смѣлъ опекунамъ не отпереть ворота? Я здѣсь хозяинъ нынче, а не ты, безпутникъ! Егю сегодня только-что пенножечко остепенить хотѣли, а оиъ, изволишь видѣть, какъ остепеняется: вино, фабричные, да вотъ раснутая бабенка, сбѣжавшая отъ мужа... продажная красавица

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и Челночекъ *(крадучись возвращается и прячется за деревомъ вблизи Молчанова)*.

Марина *(удерживая Молчанова)*. Молчи, молчи, Иванъ Максимычъ!

Князевъ *(не обращая вниманія на ея слова)*. Прощу полюбоваться, господа! Хорошъ, хорошъ купецъ, сунругъ женѣ своей, отецъ дѣтямъ и доброму отцовскому хозяинъ Иванъ

Максимычъ! А эта скромница (на Марину)... на всёхъ глядитъ, не знаетъ, кого выбрать, чтобъ подь полу кинуться.

Марина (схватывая Молчанова за руки). Оставь, оставь: онъ насъ нарочно дразнить!

Князевъ. Вотъ, говорятъ, что почему намъ поучаться у молодыхъ! Какъ нечому? Грѣшили, можетъ, люди и въ наши дни, да все это бывало со стыдомъ, отъ глазъ человѣческихъ прятались, а нынче, видите. (Указывая обѣими руками.) Жена вотъ она, вотъ теща-матушка и тесть, а вотъ супругъ съ любовницей обнявшись стоять, и словно быть всему тому такъ слѣдуетъ. Дай протереть глаза. (Протираетъ платкомъ глаза.) Стоять, дѣйствительно стоять! (Строго.) Ну, будетъ этого! (Вскинувъ головой.) Я васъ прошу, господишь голова, сейчасъ потребовать у него всѣ счета и фактуры, которые у меня украдены и ему переданы. Они мнѣ нужны, чтобъ принять дѣла. (Бросается къ Молчанову.) А ты ступай къ женѣ!

Молчановъ (устраняя Князева). Вы хоть опомнитесь! Мнѣ кажется, вы ужъ съ ума свихнули съ тѣхъ поръ, какъ глупая толпа дала вамъ въ руки власть. Прошу васъ дальнѣе. Не вводите въ грѣхъ: я самъ дамъ сдачи.

Князевъ (въ азартѣ). Ты сдачи дашь? ты? Вяжи его, ребята! Я объявляю вамъ, онъ воръ. Онъ утаилъ билетъ въ двѣ тысячи. (Грозно.) Обыскивай его. (Всѣ порываются и не могутъ рѣшиться. Челючекъ высовываетъ голову.)

Князевъ (Челючку). Ну! (Челючекъ схватываетъ Молчанова сзади за локти. Всѣмъ за нимъ зажимаются Канунниковъ и Гвоздевъ. Князевъ схватываетъ Марину и жметъ ее съ скрытымъ сладострастьемъ. Молчановъ борется.) Держи его! (Получая отъ Марины толчокъ, быстро отлетаетъ и чуть не падаетъ.)

Марина (бросается къ Молчанову, разстегиваетъ пуховицу у его сюртука и кричитъ). Бѣги, и съ Богомъ!

Молчановъ (вырывается, оставляя съ рукахъ державшихъ его одинъ сюртукъ, и убѣгаетъ въ глубь парка).

Князевъ (Марья Парменовна). Манюта! другъ, бѣжи за пимъ! Чего жъ ты смотришь, глупая! Бѣжи скорѣй, остави. Вѣдь онъ твой мужъ... еще пожалуй въ озеро прыгнетъ. (Марья Парменовна и мать ея убѣгаютъ за Молчановымъ.) Госнода! а вы-то что жъ? вѣдь всё въ отвѣтъ бу-

дете! Ловите! *(Всѣ убѣгаютъ въ паркъ. Остаются на сценѣ Марина и Князевъ.)*

Князевъ *(бросается на лежащій сюртукъ Молчанова).* Тошнѣ теперь, дуракъ! Миѣ этого и надо. *(Вынимаетъ изъ кармана Молчановскаго сюртука бумажникъ.)*

Марина *(глядящая до сихъ поръ вслѣдъ бѣгущимъ, быстро про себя).* Боже, что я надѣлала? *(Князеву.)* Подай! подай назадъ. *(Ловитъ его за руки.)* Подай! разбойникъ!

Князевъ *(скоро прячетъ бумажникъ въ карманъ).* Ага! пеструшечка, ты вотъ она. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Борются.)*

Князевъ *(борясь).* Послушай! Не дурачься, не дурачься...

Марина *(отчаянно).* Подай! подай бумаги!

Князевъ. Ты одурѣла!

Марина. Эй, люди!.. люди!.. люди!..

Князевъ. Кличъ вѣтра въ полѣ!..

Марина. Я съ тобой и безъ людей одна справлюсь. *(Отбрасываетъ Князевъ.)*

Князевъ *(отлетая).* Га! Безъ людей справишься!.. Ну, такъ при людяхъ же не справишься! Эй, люди! люди! люди! Свести ее въ полицію, чтобъ къ мужу выслали.

Марина *(ломая руки).* Что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?

Князевъ *(схватывая Марину за руку).* Дѣлать!.. Не гребуй мною! Я немногаго хочу!

Марина. Я не люблю жъ тебя!

Князевъ. И не надо! Ты этимъ докажи ему, что ты его любишь... Да, да, любя-то ни за что вѣдь хорошия женщины не стоятъ... Онъ вѣдь про то и знать не будетъ... онъ вздвигнется, съ чего это все перевернется... *(Обнимаетъ ее.)* Лапка, лапка! все въ твоихъ рукахъ!

Марина *(съ омерзѣніемъ устраниаясь отъ объятій).* Эхъ!.. Вѣдь, знаю, ты обманешь...

Князевъ *(еще сильнѣе обнимая).* Нѣтъ! нѣтъ... какіе тутъ обманы! *(Вливается въ нее и цѣлуетъ, держа руками ея лицо.)*

Марина *(съ отвращеніемъ).* Н-н-ну!.. Ахъ, пусти!.. Пусти же на минуту! *(Про себя.)* О Боже, умудри меня, какъ миѣ отнять? *(Князеву.)* Такъ ты не лжешь?.. Такъ ты его отпустишь?..

Князевъ. Ты отпусти его... Пеструшечка! Змѣенышъ, заслужи... нущу...

Марина (*про себя, глядя на дупло, иль стить Босой*). А если, какъ на грѣхъ, его здѣсь итъ сегодня? (*Князеву, прозя пальцемъ*.) Гляди жъ, не обмани!

Князевъ. Толкуй себѣ про глупости!

Марина. Ну, такъ и быть, идемъ... Пойдемъ отсюда: здѣсь не годится вмѣстѣ быть... Здѣсь люди ходятъ... Здѣсь мы сейчасъ съ нимъ вмѣстѣ сидѣли... не хорошо...

Князевъ (*задыхался*). Ничего это мнѣ, ничего!.. я тѣмъ не гребую.

Марина. Итъ! Ты обѣщаль, что побережень мой стыдъ... Пойдемъ. Я знаю, куда тебя сведу. (*Быютъ оба, взявшись за руки. Князевъ съ той стороны, въ которой приходится дупло Босою.*)

Марина (*поровнявшись съ дупломъ, быстро толкаетъ въ него Князева, держитъ его и отчаянно вскрикиваетъ*). Душа святая, заступись!

Босой (*звизгая Князева*). Тону! тону! (*Держитъ Князева,*)

Князевъ (*въ ужасъ*). Максимъ! Максимъ! Пусти, я буду каяться! (*Вздыхаетъ въ страхъ руки. Марина быстро выхватываетъ у него изъ кармана бумаги.*)

Марина. Ха-ха-ха! (*Истерически хохочетъ и, оставляя Князева въ рукахъ Босою, бѣжитъ. На половинѣ сцены она встрѣчается съ постыжающимъ къ ней Дробадоновымъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Марина (*падая въ изнеможени на грудь Дробадонова*). Ахъ, гдѣ ты быть, Калина Дмитричъ? Я силъ моихъ лишилась! (*Теряетъ чувства.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и показываются Колокольцовъ, Марья Парменовна, Минутка и прочіе бывшіе здѣсь купцы.

Дробадоновъ (*шептыливо купцамъ*). Скорѣй, друзья: хорекъ въ силки попался.

Колокольцовъ (*увидя Князева*). Что это значить, Дробадоновъ?

Дробадоновъ (*поднимая на руки Марину*). Должно-быть значить то, что гдѣ лукавыя уста молчать, тамъ безумныя руки за работу берутся. (*Уноситъ Марину.*)

Минутка (*про себя*). Опять потянуло пчелку на красный

медокъ. Прихватило! (*Курцы освобождают Килсеа из рукъ Босою.*)

Князевъ (*охрипшимъ голосомъ*). Молчаповъ гдѣ?

Колокольцовъ (*къ Килсеу*). Это пельки! Опъ прямо плюнулъ на меня тутъ... на жилетъ... въ лицо, и тутъ вотъ... въ это мѣсто... по плечу... немного выше... по галстуку...

Князевъ. Оставь про вздоръ молоты!

Колокольцовъ. Да, это вздоръ; но я терпѣть не могу такой фамиллярности, чтобъ по лицу меня...

Князевъ. Оставь! Всѣ знаютъ, что онъ дрянь, а ты хорошій человекъ.

Колокольцовъ. Хорошій? Такъ развѣ всѣхъ хорошихъ такъ ужь и бить по щечкамъ? Вамъ ничего, а онъ вѣдь два раза мени ударилъ. Я хочу знать по крайней мѣрѣ, за что?

Князевъ. Онъ сумасшедшій. (*Приложивъ палецъ къ устамъ, про себя.*) Онъ сумасшедшій!

Челночекъ (*выбывая изъ-за кулисъ*). Хозяина поймали, Фирсъ Григорычъ, и ведутъ. (*Подобострастно.*) Я первый, Фирсъ Григорычъ, ухватилъ... подставилъ ножку: онъ и чебуракнулъ!

Князевъ (*про себя*). Га! Ну, храбрый витязь, сражались мы съ тобой до этихъ поръ тупыми концами, теперь давай перевернемъ конья да острыми ударимся. (*Вслухъ.*) Въ мою коляску и везите въ городъ! Вы видѣли его сегодня всѣ: онъ сумасшедшій.

Колокольцовъ. Да, да. Онъ плюнулъ мнѣ въ лицо и три плюхи мнѣ далъ. Онъ сумасшедшій!

Всѣ (*качая головами*). Онъ сумасшедшій, сумасшедшій.

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая, камешная кладовая, такъ-называемая «полатки». Дверь посрединѣ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ массивными гвоздями на тѣжелыхъ петляхъ. Но сторонамъ этой двери два продолговатыхъ окна, продолганныхъ почти подъ потолокомъ. Задымленный очажокъ, служащій для варки клею и красокъ. Тюки, кули, кани съ красками, пухъ травы и разбросанный хламъ. Вмѣсто на авансценѣ большой, окованный желѣзомъ сундукъ, передъ нимъ столикъ, на

столъ глиняный кувшинъ съ водою и стаканъ, въ которомъ горитъ конопляное масло. Столъ и сундукъ загорожены отъ входа грубыми крашенными ширмами.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Марина (въ темномъ шерстяномъ платьѣ съ накинутою на плечи бѣличьей шубкою, крытою алымъ или чернымъ бархатомъ. По открытїи занавѣса сидитъ на сундукѣ. Нѣсколько секундъ молчанїя. Она съ утомленїемъ смотритъ въ огонь печки)... «Прошло лѣто, прошла осень, прошла теплая весна; наступаетъ злое время — то холодная зима». Славная пѣсенка; да некому ее спѣть... (Задумывается.) Да, ужъ и лѣто, и осень почти минула съ тѣхъ поръ, какъ Ивана Макенмыча въ сумасшедшїй посадили; а на бумагу, которую Калина Дмитричъ отъ него послалъ, до сихъ поръ ни отвѣта, ни привѣта нѣтъ. Сорокоустъ успѣютъ огчитать, пока этой защиты дождешься... И я здѣсь сижу въ этой кладовой у Дробадонова совершенно напрасно... Отъ матери, и отъ той скрыто, гдѣ я; а Фирсъ Князевъ все по-нески правитъ: его не обманешь. Вчера опять, Калина Дмитричъ говоритъ, посулы дѣлалъ, что дастъ сто рублей тому, кто его на мой слѣдъ наведетъ; а кормовыя на пересылку давно представлены... За сто ли рублей у насъ не найдется охотника человѣка продать, лишь бы пропюхали. (Пауза.) Да мнѣ ужъ и самой наскучило!.. Три мѣсяца изо дня въ день одна-однѣшенка въ этой норѣ съ крысами выси-дѣла... Не умѣла я въ тѣ поры рѣшаться, когда слѣдовало. Не въ Петербургъ мнѣ надо было съ Ванею собираться да не надѣяться, какъ Калина Дмитричъ увѣрилъ, старости доживать другъ друга жалѣючи; а надо было прямо его по-жалѣть: разогнаться самой да въ воду. Вотъ бы и конецъ былъ... Пагуба я, какъ есть для всѣхъ пагуба... Теперь еще, если здѣсь найдутъ, и онъ и Калина наотвѣчаются... А онъ еще-было задумалъ гдѣ-то мнѣ фальшивую бумагу хлопотать... Легко ли дѣло: очень нужно людей губить! Уйти и безъ всякихъ бумагъ уйду; а что со мной будетъ — это мнѣ все равно... Бродяга, такъ и бродяга: развѣ не все равно. Это чѣмъ не острогъ!.. Охъ-охъ-охъ! (Задумывается и заводитъ вполголоса.)

Ужъ ты молодость, моя молодость!
Красота ль моя, краса дѣвчїя!..

(Плачетъ.) Нѣтъ, не поюся съ гори и горькія нѣсни! (Утираетъ слезы.) Какія все были рѣшенія, какія большія, да какія хорошія—и ничего изъ нихъ не вышло... Ты себѣ умудряешься, а врагъ себѣ умудряется: вотъ и поручился за то, что ты съѣлаешь... Особенно вотъ теперь, какъ въ одиночествѣ одурь взяла и сто дней изо дня въ день не знаешь, чего дожидаться, кто его знаетъ, на что бѣ кинулся, только-бъ истомѣ этой конецъ положить. (Осматривается.) Есть тутъ мышьякъ; есть веревки... Прости Господи душу грѣшную... что за дурь въ голову лѣзетъ... А особенно нынче... Нынче ужъ день какой-то... словно ему такъ не минутъ безъ чего страшнаго. (Слышенъ вой бури.) Ишь, воетъ!.. Непокойна я всегда въ это время... Что это и Калина Дмитричъ нынче что-то залоздалъ... Не могу сидѣть одна... дверь нарочно отперла... Все вотъ будто смерть мнѣ въ глаза засматриваетъ: нѣтъ, нѣтъ да и вздрогну. (Кладетъ руки на столъ и опускаетъ на нихъ голову.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Марина и ея мать (слыная).

Мать (входя оцунью съ клюкою). Куда жъ я это, дура, забрела? Хотѣла черезъ дворъ пройти на кухню корочекъ поискать, размочить. Провести-то некому — и забрела не знаю куда. (Громко.) Эй! есть тутъ живъ человѣкъ, гдѣ это я?

Марина (взвораживъ и осканывая). Родимая! родимая! (Бросается къ матери.) Ты ль это, матушка?

Мать (роняя клюку). Марина! дочка! (Оцунываетъ руками ея лицо.)

Марина. Я, матушка! я, я! Иди сюда, садися; дай мнѣ хоть насмотрѣться на тебя. (Ведетъ мать къ сундуку.)

Мать. Такъ ты не умерла? А мнѣ все шутятъ, говорятъ на улицѣ: «твою Марину-то, говорятъ, распотрошили».

Марина. Распотрошили, матушка, распотрошили. Я ужъ три мѣсяца здѣсь прячуся отъ нашихъ лиходѣевъ.

Мать. Смотри пожалуйста! А я вѣдь вѣрила, что нѣтъ тебя. Я такъ и говорю, когда меня чѣмъ попрекаютъ здѣсь: я говорю, все это оттого, что нѣтъ моей дочки Маринушки: ужъ она бы, говорю, хоть при какомъ великомъ горѣ, меня въ обиду не дала бы. А ты, голубушка, жива! (Лаская ее.) Лебедушка моя! голубка!

Марина. Ахъ, родная моя!.. Жива; да что по мнѣ... куда мнѣ выступить?

Мать. Такъ вмѣстѣ будемъ жить... я при тебѣ останусь... а то меня все... гонять вонъ... Калина Дмитричъ выйдетъ со двора, а мать его съ сестрой и гонять... «Вонъ, говорятъ, ступай, толнѣга старая»... По всякій часъ ему не жалуясь... терплю...

Марина. Ахъ, матушка, не говори! У тебя нѣтъ дочки; я не могу тебя взять: я сама въ амбарѣ скрываюсь...

Мать. Въ амбарѣ! Зачѣмъ въ амбарѣ?

Марина. Къ мужу выслать хотять.

Мать. На что ты ему? Онъ пьяница, онъ все прощль, писали.

Марина. Такъ что жъ? На зло это дѣлають.

Мать. Все на зло, днтя, дѣлають. Какъ я плакала, какъ сказали, что ты пропала, просила, чтобы меня съ Молчановской дачи не выгоняли... *(понижая голосъ)* нѣтъ... не послушали, на зло выгнали. Фирсъ Григорьичъ сказалъ: «Здѣсь, говоритъ, не богадѣльня, а опека теперь... Ступай, говоритъ, свою дочь разыщи, тогда и упокой тебѣ будетъ». А я баю, гдѣ баю мнѣ, родной, искать ее? меня, говорю, слѣбую, собаки съѣдятъ... «А ты, говоритъ, съ палочкой». Все, дѣточка, у насъ наше добро отобрали: два твои матеревыя платья взяли. Ты ихъ сама выработала на кружевахъ; а они говорятъ, это, говорятъ, Молчановъ дарилъ...

Марина. Богъ съ ними, матушка! Какія тамъ платья считать: мы сами пропали.

Мать. Да, да, да, дѣтка! Я ужъ такъ себѣ и думала, какъ меня вчера обидѣли: не найду, говорю, если ее еще три дня, Маринушки, и жизни себя рѣшу; да вотъ и нашла. А то онѣ, мать-то съ сестрой Калины Дмитрича, безъ него все вонъ меня гонять. Калина Дмитричъ говоритъ: «Иди, старушка, со мной щи ѣсть»; а когда его нѣтъ, онѣ и хлѣбъ отъ меня запирають. Не какъ мы съ тобой дуры, когда было чтѣ, всѣмъ были щедрыя да раздачливыя. «Иди, говорятъ, по міру—ты убога: тебѣ всякій подастъ». Ономедни послушала ихъ: пошла у сосѣдей попросить, а ребятишки собаками травить стали балующись -- несъ злой такой кинулся, тутъ за самую грудь и прокусилъ, а мнѣ отбиться не видно его... Смѣются: это за то, говорятъ, эту грудь прокусилъ, что дочку гордячку выкормила... Я ужъ понеч

вечеромъ на кухню хожу: тюрьку себѣ изъ корочекъ мочу.

Марина. Мамунка, да ты-бъ самому-то объ этомъ сказала!

Мать. На что, дѣтушка, ссорить ихъ! Онѣ говоритъ: «ѣшь со мной щи, старушка». Я съ нимъ и ѣмъ, когда дома онѣ. Это онѣ, пересмѣшницы. Онѣ говорятъ: о чемъ, старая, плачешь? Я въ уголкѣ о тебѣ плачу, а имъ говорю: про домикъ свой плачу. По холоду-то теперь, дѣнюшка, похожу, все въ домикъ и манется. Тепленькій, говорю, у насъ свой домикъ былъ; печечка въ углѣ была... старая косточки плачуть по печечкѣ... А онѣ на свою печь не пуцають... нѣ-тъ, не пуцають,—сами спятъ. При немъ погрѣюсь, а безъ него... «не рожать было, говорятъ, дочки гордячки». И Фирсь Григорычъ наемни за обѣдней конеечку подаль мнѣ и тоже говоритъ: «надо бы, говорить, тебѣ дочкѣ-то твоей пожалѣть. Ишь, говорить, ты какое мѣрское челобитье, въ любочкѣ связанное»... Пожалѣй меня, дочушка!

Марина. Мамунка! сердце мое разорвалося тебя слушаючи; да что жъ я подѣлаю?

Мать. Домикъ, говорить, вашъ отдамъ, говорить Фирсь-то Григорьевичъ.

Марина. Мамунка! да неужели-жъ ты не знаешь, чего онѣ отъ меня хочеть-то?

Мать. Ничего про то не сказала. Такъ вѣрно, чтобъ ты покорилась хочеть.

Марина. Такъ! такъ!.. Мамунка, кто нынче что-нибудь такъ дѣлаеть? О, Боже мой! Да скорѣе солнце на востокъ съ запада пойдетъ, чѣмъ мужчина что-нибудь женщиноу такъ, даромъ сдѣлаеть!

Мать. «Не хорошо, говорить, что даетъ собакамъ грудь-то твою кусать, откуда молоко сосала. Это, говорить, была ея житница». Я, говорю, не ропщу на Господа: у меня добра, честная дочь, а люди смѣются: «Что, бають, честь, когда нечего ѣсть». Вѣтъ, говорить, у бабушки Дросиды Алеска може не совѣмъ очень честная, да у ней, у безчестной дочери, мать и сыта, и одѣта, и въ храмъ Божій выйти ей есть въ чемъ, за дочернишъ грѣхъ помолиться, и ты-бъ, говорить, такъ-то молилась. А я того ничего не знаю: мнѣ только въ домикъ нашъ съ тобой хочется.

Марина (*ломая руки*). Охъ, Боже мой! Боже мой! вправду посылай лучше тяжелое свое горе одному нести!

Мать (*лаская Марину*). Ты не сердися, доня: можетъ, и что глупое говорю.

Марина. Мамушка! дѣлала ты для меня когда грѣхъ какой? что-нибудь такое, въ чемъ каяться надо, сдѣлала такое?

Мать. Не знаю, дитя, какъ тебѣ сказать про это: какъ въ оснѣ ты лежала маленькая, тогда мы тоже были при бѣдности—Молчанова не было—ну, и горохъ для тебя крала и вишенъ, чтобъ тебѣ ротокъ освѣжить.

Марина. А больше?

Мать. Курочку тоже одинъ разъ у дьяконницы словила, изжарила, какъ тебя лихоманка томила. Отецъ дьяконъ-то свелъ меня тогда въ полицію: «Вотъ, говоритъ, воровку поймалъ,—по законамъ ее надо судить», да покойникъ квартальный, Никаноръ Никанорычъ, дай ему Богъ царство небесное, «ничего, говоритъ, это». Два раза меня прутомъ ударилъ, да и говоритъ: «отпустите, говоритъ, ее, отецъ дьякъ, съѣдомое, говоритъ, это не грѣхъ». Я тебѣ ее и зажарила и лапшницы съ нею сварила.

Марина. Больше что, матушка? больше?

Мать (*подумавъ*). Фирсъ Григорычъ, какъ Молчанова утопилъ.. я это видѣла съ берега, съ тобой — ты у груди была—я съ тобой сидѣла и видѣла... а онъ говоритъ: молчи, я тебя сотенной одарю—я и молчала.

Марина (*съ ужасъ*). Мамушка! неужто-жъ ты видѣла это?

Мать. Видѣла, дѣтка. Ты про это молчи. Онъ мнѣ все заплатилъ: я тебѣ тутъ-то все покупила... Онъ послѣ сказалъ: молчи, а то отвѣчать будешь вмѣстѣ со мною. Я тутъ-то и молчала...

Марина. Матушка! ты жъ богобоянная.

Мать. Что, дитя, дѣлать-то было. Богъ-то не люди: Онъ, милосердный, помилуетъ. Не моими руками то сдѣлано. Онъ говоритъ вчера: «домика жалко, старуха?» Какъ, говорю, не жалѣть. «А Марина твоя-бъ, говоритъ, ко мнѣ пришла погориться, я-бъ ей отдалъ его». Я, молъ, не знаю. «Такъ, говоритъ, съ постельнаго крыльца пускай стукнегъ, я самъ отпущу».

Марина (*заслоняя лицо матери*). Матушка! Матушка, что ты это сказала! Ты помрачилась. Лучше, хочешь, давай умремъ вмѣстѣ!

Мать. Я ужъ тебѣ про смерть говорила. (*Плача.*) Только домика, дѣточка, жалко... Тамъ теперь... Дросида съ Алеп-

кой живутъ; имъ тамъ тепленько въ нашемъ домикѣ... Тамъ бы, ребенокъ, и умерли... *(Въ трубу къ камину раздается довольно громкій гулъ сверху внизъ и падаетъ одинъ курточъ.)*

Марина *(въ испугѣ)*. Что это! *(Торопливо.)* Иди! иди, матушка, а то тебя хватятся.

Мать *(вставая)*. Ты меня гонишь, дочушка!

Марина. Нельзя, нельзя! Обѣ задаромъ пропадемъ.

Мать *(идущи)*. А ты жъ теперь завтра меня приди навѣстить.

Марина. Хорошо, хорошо! *(Ведетъ мать къ двери.)* Я буду думать... Спи ты сегодня весело... я буду думать... Я все... все, что въ свѣтѣ есть возможнаго, все тебѣ сдѣлаю. *(У самой двери.)* Но какъ ты дойдешь? *(Выглянувъ за дверь.)* Боже мой! ночь какъ тюрьма,—ты расшибешься вся.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Въ сводахъ камина показывается спустившійся изъ трубы Челночекъ. Онъ зорко слѣдитъ за Мариной.

Марина *(матери)*. Постои, моя матушка. Что тамъ ни будетъ, я тебя провожу до крыльца. Темно: авось никто не увидитъ. *(Накидываетъ шубейку на плечи и уходитъ, уводя подъ руку мать.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Челночекъ *(одинъ, вылезаетъ изъ каминна и отряхивается)*. Вотъ какъ! По вѣдьмински лезимъ. Большою дорогою въ трубу. *(Осматриваясь.)* Тутъ она, голубушка, тутъ. Не даромъ Фирсовъ глазочекъ отсюда дымокъ-то примѣтилъ. *(Возвращается къ камину и держитъ за веревку, конецъ которой спустилъ съ собою.)* Андриша! *(Въ трубу.)* Андриша!.. есть! *(Закидываетъ веревку въ глубь каминнаго свода и самъ быстро прячется за кумъ, или за кадъ.)*

Челночекъ *(усаживаясь)*. Теперь, Фирсъ Григорьичъ, соенную, братъ, присылай. *(Садится такъ, что его не видно.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Челночекъ и Марина.

Марина *(вбѣгаетъ, сильно взволнованная, едва переводя духъ, падаетъ на сундукъ)*. Охъ!.. охъ!.. Они меня видѣли! Теперь все пропало... Удержаться нельзя было. Я ее довела до крыльца и хотѣла вернуться... Она тамъ въ сѣняхъ по-

скользнула въ потьмахъ... и думала, что она расшиблась... вскочила за нею... а они дверь отворили съ огнемъ... *(Челночекъ то высовывается изъ-за кади, то снова прячется.)* Нѣтъ, теперь все равно пропадать... По крайней мѣрѣ пропадать не безъ пользы... Она мнѣ разорвала своими рѣчами всю душу мою, и теперь я своими глазами смотрѣла, въ окно, какъ они надъ нею смѣялись... Вздорь! вздорь! Надъ чѣмъ тутъ задумываться! Развѣ она задумывалась, когда для меня крала? Развѣ она задумывалась, когда Фирсовъ страшный грѣхъ брала себѣ на душу? Развѣ ей не больно и не страшно было губить душу свою? А у меня совѣсть! А у меня совѣсть! Совѣсть! совѣсть! Когда мать для насъ и стыдъ, и совѣсть забываетъ, мы не совѣстимся, мы беремъ это; а намъ имъ долгъ отдать совѣсть зазрить?.. *(Схватывая себя за горло.)* Да развѣ смѣешь ты про совѣсть свою думать, когда у твоей матери ны грудь рвутъ; когда у твоей матери люди ложку изъ рукъ отнимаютъ; когда у твоей матери угла нѣтъ?.. Нѣтъ; въ такой совѣсти нѣтъ совѣсти! нѣтъ! Все, мамушка, все: стыдъ, совѣсть, жизнь... любовь* мою и мой позоръ... все, все возьми, родная, за твою прокушенную грудь! *(Накрываясь торопливо платкомъ.)* Теперь, Фирсъ, ты досталъ меня! Звѣзды небесныя! закройте ваши свѣтлыя глазки, пока пробѣгу я! *(Въжигъ и у двери останавливается и возвращается.)* А для чего жъ, одну любовь блюди, губить другую? Себя не пожалѣть, такъ можно никого не обидѣть! Себя не пожалѣвши, можно все сдѣлать! *(Кидается къ одному изъ ящичковъ, беретъ изъ него горсть порошка и, вымывъ его въ кусокъ синей бумаги, быстро сворачиваетъ.)* Это мышьякъ! *(Челночекъ безпрестанно высовывается и слѣдитъ за Мариной.)* Да, я обману его! Я скажу ему, чтобы онъ домъ за мать закрѣпилъ, а потомъ... онъ ничего отъ меня не дождется. *(Строго.)* Что я это путаю? Вѣдь это отъ позора неотвратимаго можно, а отъ горя развѣ это простится... если на жизнь покушаться... Прочь! *(Бросаетъ свертокъ подъ столъ и толкаетъ его ногою.)* Я приду; я дамъ обѣщанье; пусть онъ запретъ меня у себя на вышкѣ, пока сдѣлаетъ матери крѣпость; послѣ... подушкой голову оберну и брошусь въ окно, и уйду... или расшибусь. *(Въжигъ къ двери и сталкивается съ Дробадиновымъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *входитъ въ большой мисей шубѣ, съ зажнутымъ за уши воротникомъ. Подъ ногою у него зажженный фонарь, который онъ вынимаетъ въ ту самую минуту, когда бѣгущая въ дверь Марина почти-что съ нимъ сталкивается. Челочекъ, порывавшійся бѣжать вслѣдъ за Мариной, при видѣ Дробадонова снова прячется.*

Марина *(увидѣвъ свѣтъ, въ ужасѣ вскрикиваетъ и прижимается спиною къ кади)*. Ай! ай! Кто это? кто? кто ты?

Дробадоновъ. Чего ты? Богъ съ тобой! чего?

Марина. Кто это съ свѣтомъ? *(Взматривается и узнаетъ.)*

А, это ты, Катина Дмитрич!

Дробадоновъ. Да что ты? Кому же больше здѣсь и быть?

Марина *(хрустя пальцами)*. Да Богъ знаетъ... все какъ-то жутко такъ... *(Оглядывается.)* Будто кто здѣсь не свой есть?

Дробадоновъ. Куда жь это ты шла?

Марина *(съ замѣшательствомъ)*. Я это такъ... Такъ здѣсь хожу покрывшись, чтобъ веселѣй.

Дробадоновъ *(дѣлаетъ добродушную ироническую гримасу, обнимаетъ фамильярно Марину за плечи, ведетъ къ столу и сажаетъ)*. Садись-ка и сиди! *(Ставитъ на столъ фонарь. Полусвѣщенная до сихъ поръ кладовая остываетъ и погаснѣетъ.)*

Дробадоновъ *(улыбнись и сбросивъ шубу)*. Сказать тебѣ по правдѣ, я, братъ, и самъ сегодня трусу чуть не сираздновалъ.

Марина. Что такъ? *(Слышитъ буря)*.

Дробадоновъ. Да вотъ все бури эта. Скажи на-милость, что вѣдь захватить цѣлое облако песку, пыли мерзлой, и такъ вотъ и гонить, словно какъ сила нечистая передъ мечомъ архангельскимъ мчится. Небо-то все *(дѣлаетъ рукою)* такъ-такъ-такъ... Такъ и трясется, такъ ходоромъ и ходитъ. Дѣича—по всему городу прошелъ, встрѣтилъ только одного Дѣича: «иду, говоритъ, Фирсъ Григорычъ къ головѣ посылають дожидаться его; опъ утромъ денешъ прислалъ, что непременно нынче къ вечеру изъ Питера воротится»; а то кромѣ Дѣича ни одной Божьей души на улицѣ, и вѣтеръ, знаешь это, вдоль улицы-то такъ и реветъ модвѣдемъ.

Марина *(Буря)*. И здѣсь слышно.

Дробадоновъ. Что здѣсь! Нѣтъ, вотъ тамъ на площади ты побыла бѣ. Съ собора сорвало крестъ и на цѣпяхъ вертитъ его по крышѣ: грохотъ, звонъ, словно кто съ неба на заупокойную обѣдню звонитъ.

Марина. Что это за страсти, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ пошли!

Дробадоновъ. Ужъ и не говори! Съ веспы еще начали люди примѣчать, то куры пѣтухами пѣли; то каша изъ печей уходила. Про несовъ и говорить ужъ нечего, что побѣсился; а сегодня, скажи ты, иду я сейчасъ отъ Ратищей берегомъ, уронилъ палочку, сталъ поднимать и рукой рака схватилъ. Ну, скажи пожалуйста, въ это время ракъ-то да на сухомъ берегу?

Марина (живо). Ты былъ на Ратищахъ?

Дробадоновъ. Сейчасъ оттудова.

Марина (живо). Изъ сумасшедшаго дома! Ну что, здоровъ опъ? живъ Иванъ Максимычъ?

Дробадоновъ. Да! Я сегодня лавку заперъ рано: все равнѣ, торговли не было, да думаю: вотъ въ такой день ужъ и Фирсъ не поѣдетъ, да и махнулъ. Насилу допустили. Теперь еще строже—приставникъ такъ и не отходить, и всѣ подкушлены отъ Фирса, чтобъ никого не допускать. Мы, говорить, ему въ томъ присягали. Насилу за двѣ четвертныя уломалъ.

Марина (спокойнѣе). Ну, и что жъ:

Дробадоновъ (поглядывая на нее). Опъ сумасшедшій, любя!

(Пауза. Марина смотритъ на свои ноги.)

Дробадоновъ. Пространства никакого нѣтъ тамъ, тѣспота одна и очень ужъ зловонно. Такъ стойлицо, а по середникъ каровать, и опъ лежитъ, подъ мышки и въ колѣняхъ перевязанъ.

Марина (равнодушно). Это на что опъ связалъ?

Дробадоновъ. Нельзя, говорятъ, не вязать: востоскуется, пачнетъ метаться, плакать, о стѣны бьется, а ночью намедни голову, говорить, въ рѣшетку въ окнѣ завязили. (Пауза.) Истомили они его тѣмъ, что отнску ему никуда нѣтъ: совсѣмъ узнать его нельзя. Другіе прочіе хоть въ коридоръ выпускаются, а опъ никуда... Маринушка, что жъ ты молчишь?

Марина (сдвигая брови). А? (Вздыхаетъ.)

Дробадоновъ (тихо). Я далъ еще десятку, чтобъ его ну-

стили погулять по коридору. Обѣщали. Понче Фирса не будетъ: погода. и онъ головы изъ Петербурга дожидается; они и пустятъ. *(Смотритъ на свои карманные часы.)* Э, да ужъ онъ теперь разминается, гуляетъ... Марія Николаевна! скажи жъ покрайности спасибо! *(Трясаетъ ее за руку.)*

Марина *(раздумчиво)*. Скажи пожалуйста... не знаешь ты, что это такое значить: что ты мнѣ говоришь о немъ, а мнѣ его... совсѣмъ не жаль?.. Мнѣ словно никогда его и не было.

Дробадоновъ. Что ты это говоришь-то это? Кого ты обманываешь?

Марина *(пожавъ плечами)*. Нѣтъ, право!

Дробадоновъ. Да это что жъ такое?.. Послушай! Милушка! Марина Николаевна!.. Да что же ты молчишь?.. *(Трясетъ ее за плечо, она сидитъ въ томъ же положеніи.)* Ты вотъ послушай-ка, что люди-то говорятъ: это хорошо, говорить, что онъ въ сумасшедшемъ отсидится, а то бы, говорятъ, его за голову въ каторгу сослали. И Минутка, какъ уѣзжалъ, это же самое говорилъ... *(Опять трясаетъ ее.)* Да что же ты пугаешь меня, что ли, Марина Николаевна? *(Трясетъ ее за плечо.)* Ну, а если пугаешь, такъ я тебѣ и не скажу... *(Пауза. Др. смотритъ на Марину.)* Такъ и уѣду въ Питеръ... Да; вотъ черезъ два часа и уѣду, потому мнѣ жаль его... я на него сегодня смотрѣть не могъ... а ты каменная... сердце-то у тебя изъ стали, изъ стали сдѣлано... Я бы, можетъ быть, могъ бы и тебя свести теперь показать его... да что жъ брать безчувственную... *(Въ отчаяніи со всей силы кашаетъ ее взадъ и впередъ за плечи.)* Да что же ты — окаменѣла, что ли!

Марина *(не слышно)*. Чего тебѣ?

Дробадоновъ. Да ты скажи, молъ, отвяжись ты, что ли, прочь!

Марина *(задумчиво)*. Мнѣ не пужно его видѣть... Ты не слыхалъ, какъ женщины, которыя отъ родовъ умираютъ, дѣтей своихъ видѣть не хотятъ,—такъ и онъ мнѣ... *(махнувъ рукой)* не нужно! Я имъ измучилась... Я изслабѣла, все это въ себѣ всю жизнь посидѣла... Теперь мнѣ и его не жалко.

Дробадоновъ. Что ты это, дѣвушка! Богъ съ тобой. Сто дней бодрилась—и вдругъ на сто первомъ...

Марина. На сто первомъ кнутѣ, Калина Дмитричъ, люди умирали.

Дробадоновъ. Перестань! стыдись! У Бога много дней.

Марина. Въ лютой порѣ все дни бываютъ люты. *(Вскрываетъ голову.)* Что мать моя у тебя какъ живетъ? Успокой ты ее.

Дробадоновъ. Сударушка ты моя! Будь только ты-то въ своемъ видѣ; а я не хвастаю тебѣ: я ей ужъ великую ставлю противъ бани на огородѣ. Дѣвчонку въ пияньки приставлю къ ней.

Марина. Сбереги ее.

Дробадоновъ. Какъ мать родную сберегу. *(За сценою слышны шумъ и легкій трескъ, какъ бы пошатнулся заборъ. Челночекъ, при первомъ звукѣ этого шума, кидается къ двери, откидываетъ крючокъ и тѣми же стопами крадучись опять скрывается.)*

Марина *(протягивая Дробадонову руку)*. Накажешь вѣрить этому?

Дробадоновъ *(сжимая ея руку)*. Какъ счастья тебѣ желаю, какъ люблю тебя.

Марина *(удерживая въ своей рукѣ его руку и глядя въ лицо ему)*. Спасибо тебѣ за твою дружбу; два спасенія за твою любовь. *(Дробадоновъ конфузится.)* Чего ты застыдился? Мнѣ кажется, что я ужъ все испробовала, что все равно, что нѣтъ меня... что стыдиться, что любить? Я это знала.

Дробадоновъ *(тираетъ слезу)*. Да что жъ съ тобою?

Марина. Спроси жъ вотъ! Изслабѣла.

(Повторяется сильнѣе шумъ.)

Дробадоновъ *(въ испугѣ)*. Что это значитъ?

Марина *(спокойно)*. Пойди, взгляни. *(Дробадоновъ уходитъ.)*

СВѢЩЕ 7-е.

Марина одна и Челночекъ *(спрятанный, но безпрестанно выставляющійся)*.

Марина. Одна! одна, цѣлый вѣкъ одна, а горя столько, что не знаешь, къ которому лицу оборачиваться... *(Пауза)*. Калина Дмитричъ побѣдетъ въ Петербургѣ, а я за нимъ вѣтъ ночью уйду, куда глаза глядятъ, и будь ужъ то, что въ судьбѣ моей написано!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *(вбѣгаетъ встревоженный и смущенный, но старается скрыть это)*. Скажи пожалуйста, ты не помнишь, у насъ, какъ мы здѣсь сидѣли, дверь занерта была?

Марина. Разумѣется, была занерта.

Дробадоновъ. Гм... странно! *(Опять шумъ, уже несравненно болѣе и постоянно увеличивающійся до слышающаго явленія.)*

Дробадоновъ. Шумитъ это вѣтеръ; а все дѣло скверно. Ты не сказала мнѣ, что тебя видѣли. *(Челночекъ крадется и снова откидываетъ крючокъ и опять прячется.)* Тамъ мать твоя съ моею матушкой поссорилась и... я не знаю... Мой совѣтъ... про всякій случай куда-бъ-нибудь тебѣ отсюда пока уйти... Куда? *(Думаетъ. Въ это время шумъ вдругъ увеличивается, дверь растворяется и на порогъ появляется Князевъ, а за нимъ еще видно нѣсколько головъ. Дробадоновъ бросается на нѣтъ съ неистовымъ крикомъ, выбрасываетъ ихъ за порогъ и схватывается за дверь.)* Га! такъ это вотъ кто вмѣстѣ съ бурей ходитъ! Марина Николаевна, заступъ дай мнѣ! ломъ подай! пѣшню! *(Держась за дверную скобу, борется съ усиліями тѣхъ, которые рвутъ дверь снаружи. Челночекъ ползетъ на четверенькахъ, чтобы схватить Дробадонова за ноги. Дверь то отворится усиліями вѣшней партіи, то усиліями Дробадонова снова поглощается. За сценою голосъ Князева).* Домай въ мою голову!

Марина *(съ возвратившеюся мимовременно энергіей)*. Вотъ онъ, судебъ рѣшитель! *(Беретъ изъ подъ-стола свертокъ съ львинымъ кожомъ, торопливо бросаетъ въ ротъ щепотъ яду и, заглотивъ изъ кружкина, идетъ смѣлою, рѣшительной походкой къ Дробадонову. Въ это мновеніе Челночекъ уже готовъ схватить ноги Дробадонова, но Марина даетъ ему презрительно толчокъ по лицу тыловою частью львонъ кисти. Челночекъ отскакиваетъ, держась за щеку. Марина беретъ за обѣ руки Дробадонова.)*

Марина. Пусти! *(Отрываетъ его руки.)* Меня никто отсюда не возьметъ.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Фирсъ Князевъ, въ сопровожденіи многихъ мѣщанъ,
квартирнаго и полицейскаго.

Князевъ (входит). Здорово, добрый другъ Калина Дми-
тричъ! (Идовито Маринѣ.) Болтаютъ люди, что будто здѣсь
кто-то чужихъ женъ скрываетъ. Должно быть врутъ.

Марина. А ты еще не радуйся. Что не въ рукахъ, тѣмъ
не играй покудова.

Князевъ (полицейскимъ). Берите ее!

Челночекъ (прежде всѣхъ схватываетъ Марину за
локти).

Марина (презрительно на него озмѣшивается и не со-
противляется).

Челночекъ (Маринѣ). По своей волѣ. Маринѣ Нико-
лаевна: начальство приказываетъ. (Глядя на Князева.)
Должны мы, его подначальные, слушаться. (Киваетъ поли-
цейскимъ.) Подай веревочку!

Князевъ (полицейскимъ). Ну, что жъ вы стали! двое бе-
рите! (Два полицейскаго солдата съ выраженіемъ тупого
равнодушія и трое мѣщанъ, потупивъ глаза, берутся за
Марину и завязываютъ ей руки за спиною.)

Марина. Ха-ха-ха-ха! всемъ міромъ ухватитесь! (Нервно.)
Холопы Князева! (Воружъ блѣднѣетъ. Лицо ея искажается
муками Нептертливово). Прочь! прочь! Прочь, я больна... Вамъ
говорю я... дайте сѣсть мнѣ... законъ больныхъ ищитъ.

Дробадоновъ (съ поднятымъ надъ головою тяжелымъ же-
лезнымъ заступомъ, громовымъ голосомъ). Прочь! распла-
стаю! (Полицейскіе и мѣщане, держащіе Марину, бросаютъ
ее и быстро отскакиваютъ въ стороны.)

Марина (Дробадонову тихо и съвозь сжатые зубы.) Ка-
лина Дмитричъ, развяжи!

Квартирный (солдатамъ). Освободи ее.

Дробадоновъ (срывая веревку съ руки Марины). Уже осво-
бодили.

Марина шатается, схватывается за край одной кади
и, поддерживаемая Дробадоновымъ, тихо опускается на
полъ. Черты лица ея страшно искажены внутреннею болью).
Воды мнѣ!.. снѣгу!.. льду!.. Я умираю!..

Дробадоновъ (кидается къ столу, чтобы взять кув-

иниъ съ водою, и, увидѣвъ мышьякъ, беретъ его и въ ужасѣ роняетъ). Все конечно: она себя отравила! (Подаетъ Маринѣ кувшинъ съ водою; всѣ разматриваютъ ядъ.)

Марина (отпихивъ изъ кувшина, глядитъ на окна, въ которыхъ въ это время во всю ширь показывается яркое зарево). Вездѣ... вездѣ огонь... (Мышалась.) Огонь и тутъ (указывая на свою грудь) и тамъ (указывая на окно), вездѣ огонь... (Падаютъ.)

Мѣщане. Пожаръ! Городъ горитъ! (Раздается набатъ.)
Голоса за сценой. Молчановская фабрика горитъ!

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Спиридонъ Обрѣзовъ.

Обрѣзовъ (вбѣгая внопыгахъ). Фирсъ Григорычъ! батюшка! несчастье! Въ одну секунду все огнемъ обняло—хлопочка не спасли!

Князевъ (про себя). Зато и счеты, и концы сгорѣли.

Обрѣзовъ. Онъ самъ почти весь до костей обжегся.

Марина (приподнимаясь). Ванюша? милый? онъ?

Обрѣзовъ (Маринѣ). Онъ, матушка Марина Николавна. (Князеву.) Его схватили тамъ, за хлопчатыми анбарами. Изъ сумасшедшаго онъ вырвался и какъ архангель-мести-тель все сжегъ свое и со своимъ чужое.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же и 1-й мѣщанинъ.

1-й мѣщанинъ (вбѣгая). Поджигателя сюда ведутъ.

Князевъ. Зачѣмъ его сюда?

Челночекъ (Князеву). Должно быть къ вашей милости.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и толпа народа танцуетъ подъ руки Молчанова. (Заднъ юлову Молчанова поддерживаетъ Алеша Босой. Молчановъ въ нестромѣ, тиковомъ больничномъ галатѣ и кожаныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ. Онъ обросъ бородой, блѣденъ, съ помутившимися трастими глазами.)

Князевъ. Въ острогъ его!

Одинъ изъ приведшихъ. Нельзя, не доведешь... Ужъ онъ конаетъ, Фирсъ Григорычъ, весь въ волдыряхъ

(Молчанова опускаютъ на полъ. Онъ сидитъ одну минуту и падаетъ навзничъ, ногами къ зрителямъ.)

Босой (*опускается на колени въ пологъ Молчанова, беретъ его полову въ руки, смотритъ ему въ лицо черезъ лобъ и беззвучно шевелитъ губами*).

1-й мѣщанинъ. Т-ес! отходить.

Марина (*поднимающаяся съ усиліемъ и ползая на коленяхъ къ Молчанову, падаетъ ему на грудь, съ воплемъ*).
Ваня! Ваня!

2-й мѣщанинъ. Скончался.

• Босой (*затягиваетъ усисономъ*). «Со избранными избрашь будешь»...

Князевъ (*бьетъ Босою палочкой*). Молчи, юродивый!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Колокольцовъ (*въ снотовой шубѣ, подпоясанный хоронимъ ремнемъ, съ большимъ кожанымъ, дорожнымъ портсигаръ черезъ плечо на шнурѣ*). Нигдѣ нельзя проѣхать... Въ огнѣ весь городъ... Что это у насъ дѣлается!

Дробадоновъ. Одна вѣдь намъ работа: изъ ничего дѣла творить; а что воистину у людей слыветъ дѣлами (*разводя руками*), то въ смѣхъ, да въ дымъ, да въ пепель обращать.

Колокольцовъ (*уныло*). Да, да... въ губерніи завтра судъ открывается... и насъ съ вами, Фирсъ Григорычъ, первыхъ предають суду.

Князевъ. Что врешь? за что? съ какого повода?

Колокольцовъ. Доносъ Минутка сдѣлалъ.

Князевъ. Доносъ! Минутка! Гдѣ огъ?

Колокольцовъ. Онъ тамъ остался въ Петербургѣ. Ояъ домъ себѣ кунилъ въ Подьяческой и кассу ссудъ открылъ съ крещеными поляками.

Князевъ (*закрываетъ моли шубу*).

Дробадоновъ. Вотъ насъ какими новый судъ засталъ.

Князевъ (*съ шивомъ*). Что судъ! Пусть судятъ: міръ это дѣлать, а не я.

Колокольцовъ (*обрадованный*). Да; міръ вѣдь цѣлый не осудятъ: его нельзя ослать.

Князевъ. Міръ не судимъ.

Дробадоновъ (*уныло качая головою*). Міръ не судимъ и Фирсъ не судимъ. Они другъ друга создали и другъ другу работаютъ. (*Князеву*.) Вамъ вѣтъ еще суда, ума и совѣти пародной расточителямъ.

Марина (*въ предсмертныхъ мученіяхъ, поднимается на*

локоть. Дробадоновъ се поддерживае́тъ). Тссс!.. Пчела жужжитъ... Господній вѣстникъ смерти... (Строю.) Молчите всѣ!.. Она меня зоветъ... домой... къ Судьѣ небесному... отъ васъ, судей ничтожныхъ. (Умирае́тъ.)

Дробадоновъ. Умерла! (Набита́.)

Голосъ за сценой. Никитя церковь занялася.

Квартальный (солдатамъ). Къ церкви! (Убѣгаетъ со всеми полицейскими.)

Другой голосъ за сценой. Домъ Фирса Князева горитъ!

Князевъ (вздвигая, мѣщанамъ). Ко мнѣ на дворъ!

Одинъ изъ мѣщанъ (указывая на Молчанова и на Марину). А ихъ теперь, Фирсъ Григорьичъ, чакъ?

Князевъ (убыгая). Покинь!

(Голоса, и все мѣщане суетливо убѣгаютъ.)

Дробадоновъ (вслѣдъ Князеву). Покинь! (Вздвигуе́тъ.) Не донаетъ Фирсъ Князевъ мертвечины.

(Занавѣсъ падаетъ.)

Президиумный Комитетъ
Россійской ССР

Завѣдующій Комитетъ
З. Б. Д. № 513.

184 85

Оглавление

XXXVI ТОМА.

	СТР.
Мелочи архіерейской жизни. Приложение III. Русское тайнобрачіе.	3
Импровизаторы. (Картинка съ натуры).	47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

Общее оглавление

всѣхъ 36-ти томовъ сочиненій Н. С. Лѣскова.

стр.

Томъ I.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго	5
Соборяне. (Хроника). Часть I	67

Томъ II.

Соборяне. (Хроника). Части II—V.	3
--	---

Томъ III.

Запечатлѣнный Ангель	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Однодумъ	76
Пигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158

Томъ IV.

Праведники:	
Несмертельный Голованъ	5
Инженеры-безсребренники	51
Лѣвшя	109
Человѣкъ на часахъ	142

Томъ V.

Очарованный странникъ	3
Шерамуръ	136

Томъ VI.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II.	5
---	---

Томъ VII.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III	3
На краю свѣта.	103

Томъ VIII.

Некуда. Романъ въ 3-хъ книгахъ. Книга первая, гл. I—XXIV.	5
---	---

Томъ IX.

Некуда. Книга первая, гл. XXV и книга вторая, гл. I—VII.	5
--	---

Томъ X.

Некуда. Книга вторая, гл. VIII—XXX	5
--	---

Томъ XI.

Некуда. Книга третья	5
--------------------------------	---

Томъ XII.

Островитяне. Повѣсть	5
--------------------------------	---

Томъ XIII.

Вонтезница. Очеркъ	3
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда. Очеркъ	83
Грабежъ	131
Антука. Разсказъ	173

Томъ XIV.

Овцебыкъ. Разсказъ	3
Колыванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюдений)	70
Ракушанскій меламедъ. Разсказъ на бивуакѣ	130
Бѣлый орелъ. Фантастическій разсказъ	166
Чертогонъ	187

Томъ XV.

Смѣхъ и горе	5
------------------------	---

Томъ XVI.

Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:	
Очеркъ первый. Бояринъ Никита Юрьевичъ	3
Очеркъ второй. Боярыня Марѳа Андревна	30
Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики	61
Когниъ долецъ и Платонида	86
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ	126
Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній	148
Пламенная патріотка	157
Безстыдникъ	166

Томъ XVII.

Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ. Въ двухъ частяхъ.	
---	--

	стр.
Часть первая.—Старая книжня и ея дворъ	5
Часть вторая.—Старое старится—молодое растеть	117

Томъ XVIII.

Свиточные рассказы:	
Предисловіе	5
Жемчужное ожерелье.	6
Неразвѣтный рубль	22
Звѣрь	31
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній).	51
Отборное зерно. (Краткая трилогія въ просонкѣ).	65
Обманъ	91
Штопальщикъ	124
Жидовская кувырколлегія	140
Духъ госпожи Жанлисъ. (Спиритическій случай).	169

Томъ XIX.

Свиточные рассказы:	
Старый геній.	3
Путешествіе съ нигилистомъ	12
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи	20
Пугало	28
Фигура	79
Рассказы кстати:	
Совмѣстители.	105
Старинные психонаты	138

Томъ XX.

Рассказы кстати:	
Интересные мужчины.	3
Таинственные предвѣстія	61
Александритъ.	91
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ.	105
Умершее сословіе	119
Загонъ	132
Но поводу Крейцеровой сонаты	165

Томъ XXI.

Рассказы кстати:	
Дама и фефѣла.	3
Голосъ природы.	47
Сибирскія картинки XVIII вѣка. (Изъ дѣлъ сибирской старины)	56
Вдохновенные бродяги. (Удалецкія «скаски»)	111
Сомнѣніе во адѣ. (Апокрифическое сказаніе).	146

Томъ XXII.

Некрещенный попъ. Невѣроятное событіе.	3
Владычній судъ. Быль. (Изъ недавнихъ воспоминаній)	55

	стр.
Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспомнаній.	114
Продуктъ природы.	134
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу	150
Томъ XXIII.	
На ножахъ. Романъ въ 6 частяхъ. Часть I и часть II, гл. I—VI.	5
Томъ XXIV.	
На ножахъ. Часть II, гл. VII—XV, и часть III, гл. I—VI.	5
Томъ XXV.	
На ножахъ. Часть III, гл. VII—XIX, и часть IV.	5
Томъ XXVI.	
На ножахъ. Часть V	5
Томъ XXVII.	
На ножахъ. Часть VI. Эпилогъ.	5
Томъ XXVIII.	
Загадочный человекъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ П. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу)	3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ)	112
Томъ XXIX.	
Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ).	3
Цовѣсть о богоугодномъ древоколѣ.	91
Прекрасная Аза	96
Скоморохъ Памфалонъ	108
Часть воли Божіей. Сказка.	166
Томъ XXX.	
Легенда о совѣтномъ Данилѣ	3
Левъ старца Герасима. (Восточная легенда).	21
Аскалонскій злодѣй. (Происшествіе въ Продоколѣ тем. пав).	29
Сказаніе о Федорѣ-христианинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ.	88
Невинный Прудоній. (Легенда)	112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе).	179
Томъ XXXI.	
Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспомнаній)	3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа).	90
Томъ XXXII.	
Блуждающіе огоньки. (Автобіографія Праотцева)	3
Томъ XXXIII.	
Юдоль. (Раисодія).	3
О квакереяхъ. (Post-scriptum къ «Юдоли»).	97

	стр.
Пустошасы. (Святочный рассказ)	106
Дурачокъ. (Рассказъ)	118
Легендарные характеры. (Опыт систематическаго обозрѣнія)	126
Маланья—голова баранья. (Сказка)	196

Томъ XXXIV.

Полунощники. (Пейзажъ и жанръ)	3
Павлинь. (Рассказъ)	105

Томъ XXXV.

Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры)	3
Приложенія:	
Архіерейскіе объѣзды	139
Епархіальный судъ	157

Томъ XXXVI.

Мелочи архіерейской жизни. Русское тайнобращіе	3
Импровизаторы. (Картина съ натуры)	47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ)	65

Церковно-наставительный Советъ
РПЦ — СР

Заведующий Комитетъ

ЗАБ. Д. № 513.

1906

№

Алфавитный указатель

сочиненій Н. С. Лѣскова.

	томъ.	стр.		томъ.	стр.
Александритъ	XX	91	Запечатлѣнный		
Автуга	XIII	173	Ангель	III	5
Аскалонскій злодѣй	XXX	29	Захудалый родъ	XVII	5
Беззѣдникъ	XVI	166	Звѣрь	XVIII	31
Блуждающіе огоньки	XXXII	3	Зимній день	XXVIII	112
Брамадата и Радованъ	XXX	179	Импровизаторы	XXXVI	47
Блѣый орель	XIV	166	Инженеры - безсребренники	IV	51
Вдохновенные бродяги	XXI	111	Интересные мужчины	XX	3
Владычій судъ	XXII	55	Кадетскій монастырь	III	122
Воптельшва	XIII	3	Кольванскій мужъ	XIV	70
Голосъ природы	XXI	47	Котинъ долецъ и Платонида	XVI	86
Гора	XXIX	3	Левъ старца Герасима	XXX	21
Грабежъ	XIII	131	Легенда о свѣстномъ Данилѣ	XXX	3
Дама и фефѣла	XXI	3	Легендарные характеры	XXXIII	126
Домашній челядь	XXII	150	Леди Магбетъ Мицескаго уѣзда	XIII	83
Дурачокъ	XXXIII	118	Львица	IV	109
Духъ госпожи Жанлисъ	XVIII	169	Маланья - голова баранья	XXXIII	196
Жемчужное ожерелье	XVIII	С	Маленькая ошляпка	XIX	20
Жидовская кувырколлея	XVIII	140	Мелочи архіерейской жизни	XXXV—XXXVI	
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	XX	105			
Загадочнѣе челоувѣкъ	XXVIII	3			
Загонъ	XX	132			

	ТОМЪ.	СТР.		ТОМЪ.	СТР.
На краю свѣта	VII	103	Расточитель	XXXVI	65
На ножахъ	XXIII	XXVII	Русскій демо- кратъ въ Польшѣ	III	158
Невинный Пру- денцій	XXX	112	Святочные раз- сказы	XVIII—XIX	
Искрещенный попъ	XXII	3	Сибирскія кар- тинки XVIII вѣка	XXI	56
Некуда	VIII—XI		Сказаніе о Ое- дорѣ - христіа- нищѣ и о другѣ его Абрамѣ-жид- довинѣ	XXX	88
Неразмѣнный рубль	XVIII	22	Скоморохъ Пам- фалонъ	XXIX	108
Несмертельный Голованъ	IV	5	Смѣхъ и горе	XV	5
Обманъ	XVIII	91	Соборіане. (Хро- ника)	I—II	
Обойденные	VI—VII		Совмѣстители	XIX	105
Овцебыкъ	XIV	3	Сошествіе во адъ	XXI	146
Одюдумъ	III	76	Старинные пси- хопаты	XIX	138
О кракереяхъ	XXXIII	97	Старые годы въ селѣ Плодома- совѣ	XVI	3
Островитяне	XII	5	Старый гений	XIX	3
Отборное зерно	XVIII	65	Талиственныя предвѣстія	XX	61
Очарованный странникъ	V	3	Томленіе духа	XVI	148
Павлинь	XXXIV	105	Тушойный худож- никъ	XVI	126
Печерскіе ан- тики	XXXI	3	Умершее сосло- віе	XX	119
Пигмей	III	108	Фигура	XIX	79
Пламенная па- тротка	XVI	157	Часть воли Бо- жіей	XXIX	166
Повѣсти о бого- удобномъ дро- воколѣ	XXIX	91	Человѣкъ на ча- сахъ	IV	142
Полунощники	XXXIV	3	Чертогонъ	XIV	187
По поводу Крей- церовой сонат- ты	XX	165	Чортовы куклы	XXXI	90
Праведники	III—IV		Шерамуръ	V	136
Прекрасная Аза	XXIX	96	Штональщикъ	XVIII	124
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ	XVIII	51	Юдоль	XXXIII	3
Продуктъ приро- ды	XXII	134	Язвительный	XXII	114
Пугало	XIX	28			
Пустоплясы	XXXIII	106			
Путешествіе съ пиглистомъ	XIX	12			
Разказы ксати Ракутанскій ме- ламедъ	XIX—XXI				
	XIV	130			

H-1

12/10/99

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач.

3 ТМО Т, 2 млн. 3, 1993—86

